

«ОДИССЕЯ ХИТРОУМНОГО (*)»

Роман для яхтсменов

* - А как там у нас с болезнью Паркинсона? - спросил как-то тот из нас, кто всегда хоть чем-то, да и прибалывал...

- Она лечится. И примером тому: Мухаммед Али. Что у него, денег не было? А теперь – выздоровел, и бабе(ПИСК)ёт, и дочь не получает за отца, ту же болезнь. Когда MTV-шный ангелок посылает стрелу, то она, обогнув землю, втыкается ему в задницу. Далее следует - комментарий, благо теперь в нашей клавиатуре присутствует буква "Ё", - сказал Одиссей (*).

- Какой сякой комментарий?

- Дикторский. Тот, который обычно сопровождает американскую школьницу, когда она лежит, раздвинув ноги, где-нибудь на мусорке, и говорит чертовой дюжине чертовски дюжих негритосов: "Ой, я и не знаю, правильно ли я поступаю".

А они ей и говорят, типа давай, не ломайся.

Любовь к тебе еще вернется.

Любовь к нам не вернулась, а визиты начались: явился пьяный одиссеевский денщик, батька Патрекей (в жопу (ПИСК*)ый лакей*), и доложил, что явился какой-то мужик, требуя аудиенции.

Патрекею было предложено убираться на (ПИСК*), однако Некто ворвался в помещение, и кто-то из наших узнал его:

этот юноша, в какой-то утренней, российской информационной программе, говорил о своей любви к Великому Сальвадору в обществе какого-то малоизвестного художника, который принес с собой куклу, выпилил у нее на брюхе квадрат, и сказал, что до него, наконец, дошло, что же такое этот самый "далианский стиль".

Мы любезно простились, велел налить юноше водки, однако Патрекей явился вновь, и сказал, что дверь выламывают какие-то кришнаиты, и не спустить ли ему на них собак.

Мы все, как один, выглянули в окно, и сразу сообразили, что Патрекей, с юношей изрядно плеснул себе на жало, ибо это была не группа кришнаитов, а один буддист, и скорее даже не буддист, а артист, к тому же американский.

С ним была еще пара негров - в форме бразильских полицейских, должно быть - в гриме.

Мы замахали им, кто чем, из окна, а они обозвали нас - бессовестными нахалами, и заявили что явились с ВДНХ США, и у них у всех авторские права.

- А водительские права у вас есть? - спросил их Одиссей (*), и когда узнал, что есть, он пригласил их попариться в бане и идти работать в Жаворонки фермерами на наших, российских тракторах - тех самых, которыми как-то раздавили выставку художников с приставкой "NON" - то ли "FORTYNA", толи "PENIS", толи "KONFORMIZM".

- Буддизм - это какой - никакой путь, а любой путь через сельское хозяйство ведет к просветлению, правда, смотря, что сеять, и чем жать - сказал (*), но его не поняли, а приглашение не приняли.

- Странные они какая-то, артисты енти, - сказал на прощанье батька Патрекей - славный некогда на Руси ловчий. - Говорит, играть умеет, а сыграть не хочет.

- Жениться, что ли, на негритянке, - сказал тот из нас, кто всегда был падок до экспериментов.

- Да хоть на обезьяне, но только в самом лучшем смысле этого слова, - дружно подхватили мы. - Лишь бы веселая была.

- Кстати, о неграх, - сказал Одиссей (*), и взглянул на часы - они тут же сползли у него с руки, и за ними поГНАЛся наш неверный, черный Муррзик - тот, которого не было. - Вы любите зимнюю рыбалку?

Никто не знал, что это вообще такое.

- Так давайте ее полюбим - ГОНчие у нас нынче остались без ног - о наст побились, лошадок ковать не на что - даже на передние ноги.

- С почином вас! - сказал Одиссей, и тут услышал чью-то историю про то, что в прошлом еще веке ехали по озеру мужики на телеге, да все и провалились - утонули.

- Не утонем, - провозгласил (*), включил божественную румбу самбу, и пригласил всех к круглому столу - там, на карте мира невиданного доселе масштаба, ждали нас наши тридцать семь предметов - колода карт и пивная открывалка.*

Мы играли всю ночь в дурака, и деньги отдавал тот из нас, кто сидел прямо напротив Голливуда, а когда он трижды сплюнул через левое плечо, и поменялся местами с Одиссеем, то и (*) стал проигрывать.

- Все правильно, - сказал (*), когда по окнам застреляли первые солнечные лучи. - Все чудеса - на Востоке, а Запад совсем одичал.

Мы загрузились на сани, ведомые единственным нашим владимирским тяжеловозом, с еврейской погонялой "Яша"; и по покатались по свежей пороше, той, что за ночь улеглась на столь убийственный для нашей ГОНчей стаи наст, к тому самому озеру, где еще в прошлом веке ушла под лед конная дрезина, на которой пили самогон наши предшественники.

Мы выехали на берег, и развалились в санях, передавая друг другу шведскую флягу с трехсотградусным спиртом, - для храбрости.

- А то некоторые тут стали страдать болезнью Паркинсона, от которой некоторое время назад (может неделю, а может и хрен вообще знает сколько), так много говорилось - именно потому, что ей на склоне лет застрадал Мастер, - добавил Одиссей (*), и оглянулся вокруг - мир был молчалив, торжественен и прекрасен.

Посередине озера торчало старое дерево (это был дуб*), а на единственной, голой от времени ветки его, сидел огромный ворон, подмигивая нам белым веком на левом глазу.

- Если сослаться на, столь любимого Великим Сальвадором, Зигмунда Фрейда, собеседнику надо целиться именно в левый глаз, - сказал Одиссей (*).

Мы подоставали стволы, и собрались уже было разорвать, как сказал бы Великий Сальвадор, "эту памятную пелену в клочья", однако (*) первым взглянул нашей всеобщей судьбе в ее черное око, - ворон замахал крылами, и вспорхнул.

Он сделал все девять дантевских кругов у нас над головами, мы спели про то, что он не ни хрена не дождетя, и получили за это - с самых верхних небес Райскую Розу.

(*) взмахнул щелкнул кнутом, и пустил экипаж на лед.

- Великий Сальвадор завещал нам обходиться с этой долларовой цивилизацией по ее же правилам, - сказал Одиссей, когда лед под нами затрещал, и во ознаменование этого события мы вновь пустили флягу по кругу стола.

- Это как? - спросили мы, закусывая, чем бог послал.

- По ее правилам - значит без правил.

- Совсем?

- Да.

- То есть - ее можно бить и по яйцам, и по глазам, и локтем, и коленом...

- Да.

- А какова глубина этого чертова омута? - спросил Одиссея тот из нас, кто, как и все остальные знал, чем эта поездка кончится.

- Местами - всем по пояс будет, а местами....

В этом месте нашего порой охотничьего, а порой и рыбацкого повествования, лед треснул, и Яша всей тяжестью своего владимирского веса поволок нас в бездну - такую, какой ее нам представил Великий Сальвадор.

- Успеем помастурбировать? - спросили друг у друга мы, и как в воду смотрели, - мы увидели и мечущую икру кильку, и прозрачную, как у местной, среднерусской медузы, голову Великого Мастурбатора. (ИЛЛЮСТРАЦИЯ),

КАТ. № 1,
стр. 461, № 1024.

- Ну, голуби вы мои сизокрылые? - спросил Одиссей, когда мы уже преодолели пару своих миллионов лье под водой. - Понимаете теперь, что ж такое настоящее искусство мастурбации?

Мы ни хрена не поняли, но пели, мол, "что-то воздуха нам мало", и, пуская пузыри, попросили (*) перестать над нами измываться, ибо только мелким неудачникам нужна вечная жертва, а мы здесь архангельское подразделение, а не хрен собачий.

Тогда Одиссей пояснил, отпуская владимирского тяжеловоза Яшу в беспечную болотную муть, - эта земная дыра упиралась в самую верхнюю мантию, - что воображение на то и дано, что бы, в конце концов, собрать со всей вселенной самые яркие женские образы, и заставить их жить в режиме православного гарема - с единым на всех, хозяйским фаллосом.

- А зачем мерзнем-то? И тонем.

- Жизнь во Вселенной зародилась тогда, когда Создатель поработал своей правой рукой (мы, совокупные все, пребывали правшами), а проделал он это, нырнув в океан.

- А почему в океан?

- В океан небесный, - пояснил (*), и выпустил свой последний, как нам показалось, заряд. - А какая баба может сравниться с правой рукой - той самой, который ты сеешь, пашешь, с колокольни писей машешь?

Мы замешкались, ибо кислород был на исходе - внизу поплыла стая глинобитных кирпичей, что несла на себе "Вавилонскую башню" Брейгеля, и (*) решил, что это был сигнал ко всплытию.

Мы разрезали на себе ватные одежды, ибо они намокли, и неумолимо тянули нас обратно в омут, полезли по сколь голому,

столь и дубовому стволу вверх - туда, где водный океан соединялся с небесным, и присели на веточках, аки чертова дюжина битых воробушков.

Наши крылышки смерзлись, и подумали мы, что хуже нас сейчас только велосипедистам шоссейникам - у них круглый год ГОНки, и некогда им не поесть, ни пописать, ни поспать.

Мы стали тихо замерзать в этих ледяных, зимних сумерках, и решили уже засунуть друг другу стволы в рот, и покончить со всем этим, да отсырел, видно, порох...

- Ну и как, - спросил батька Патрекей. - Как же вы перелетели? Без крылышков-то?

- Всегда можно разбудить своего Верхнего Отца, - он как раз дремал на соседней ветке - той самой, за которую зацепилась эта бесконечная водная гладь, - сказал Одиссей батьке Патрекею, паря пятки над каминными углями. - Мы взмолились, тот очнулся, и перенес нас прямо сюда - ты же видишь, старик, мы живы, вот мы сами, а вот - между ног у нас болтается наше страшное оружие.*

5

* Этот момент в жизни Великого Комбинатора нельзя не зафиксировать - он не раз ощущал в этой жизни себя Одиссеем, но до такой степени - в первый раз.

Он вспомнил первые строки третьей песни гомеровской поэмы, которую выучил наизусть тогда, когда обозвал Паниковского Мильтоном, ее третьей песни:

“Гелиос с моря прекрасного встал и явился
на медном
Своде небес, чтоб сиять для бессмертных богов
и для смертных,
Року подвластных людей”.

5

В тот значимый для всемирной географии день мы, как могли, оттягивали момент утренней своей мастурбации, и решили лучше уж перебдеть, чем недобдеть, вдобавок на (*) нахлестнул приступ вежливости, и он стал всем подряд

изъясняться, что, мол, гадости говорит его внутренний голос, а он только рот открывает, вдобавок на всех ширинках застряли молнии – в членах.

Мы вспомнили, какие именно моменты в этом нашем повседневном эротическом арте, возбуждает на изнасилование собственного поголовья мелкого рогатого скота (мы не могли вызывать дух маркиза де Сада, и ознакомить его с духом царицы Клеопатры: это свидание происходило при нашем общем попустительстве, но, черт возьми, вот где было - всем чертям – назло!*)

Мы пустили этот афро-американский кич по ящику – господи, как ни крути, но женщина, это ни хрена не добродетель, как ее не ставь, не вешай, не крути, ни числом, ни уменьем.

Эти очи черные, эти кнуты кожаные, когти вороненые - от ворон, а клыки гнутые - от вурдалаков, и при всем при этом соблюдены основные пропорции – те, что бывают только в комиксах (вырви у нас глаза, и оторви руки, мы их, слава Зевсу, почуем!*)

- Ну что, займемся любовью? – спросил Одиссей (*), и потер ладонь о ладонь - он так делал обычно, когда желал высечь искру и запалить вражий стан. – Где от нас спряталась наша возжеленная муза? Наша (ПИСК*)учая, как ее звал Бенсон, шлепая себе по струнам, Динорах?

Мы так и ахнули, ибо поверить ушам не могли.

- Это как, кругложопый? За деньги?

- По телефону. У кого не оттопырится ухо такое не послушать? А у кого поднимется язык такое нам сказать?

Такое могла нам сказать лишь наша добросовестная муза – она протянула нам свои бесконечные руки, она подставила себя нашему пронзительному оку, она развеяла по ветру свои кудрявые, рыжие волосы, только она одна знала шифр замка сейфа, в котором бились наши большие и горячие сердца, - она узнала ту комбинацию, которую не знали мы сами

Этот пергамент, как секрет бессмертия Коцея, пребывал в боковом ящике этого железного комода, и было там двестишье Гумилева:

Далёко, далёко, на озере Чад,
Изысканный бродит жираф.

(В нашем случае – “пылающий бродит жираф”*)

(ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

Кат. № 1,
Стр. 495,
№ 1100.

Кому ж верить? Господу Богу, но, поскольку он молчит, а все писанные книги зазубрены идиотами, то слушать можно только нас, ибо дети мы, а стало быть ангелы, а значит – истину глаголим, какая бы горькая она не была – иначе нельзя, ибо не то о чем думают ваши глупые бошки, а то, что ПРЕДПИСАНО, и отнюдь не пророками, а Господом Богом, а как он выглядит – все знают, ибо многолик, а лики – в каждом из нас, - а стало быть на пути – дьявол, и нужно изыскать в себе сил погнать его, пугаясь соблазном – ибо зло соблазнительно.

Да мало дли чего! – закончил в тот раз Одиссей, и мы решили поохотиться, хоть и было на дворе – морозно, решили взять ПОЛЕ.

Впрочем, как говорят американцы в этих своих шоу про домашний ремонт и сельское хозяйство, главное в газоносеянии – удобрение.

А как у них все лихо – эти кольты, эти шляпы, шпоры, седла, лассо, а “винчестеры”! Само это движение передергивания подавалки из подствольного магазина – прямо в надмагазинный ствол!

А эта “ковбойская стрельба!”

Если для того, что бы посетить вечерочком какую-то сраную забегаловку, надо сперва пару дён помастурбировать, вытаскивая и затаскивая своего шестизарядного! (Ну, это у кого как, тут же поправились мы).

Не зря Великий Спаситель (Так переводится с испанского имя Сальвадор) покори́л континент, “стоящий на ковбоях”, а от туда уже и до этой дурной Европы дошло, а там и до Азии – рукой подать.

А что до наших, русскоязычных поклонников Таланта – так это вам не портянки, грязь, скукота и зимние вьюги, как все привыкли думать, у наших, господа присяжные заседатели – псовая охота.

- Так что пойдёмте, посадим за свою жизнь хоть одно дерево, и пусть это будет не фикус, а растут на нем пусть - породистые, африканские поганки – из тех, что шаманы употребляют себе в пищу, когда им надо рассмотреть душу льва - прямо в ее кошачье лицо – то, которого нет, - сказал Одиссей (*), и велел ловчему Патрекею заводить стаю – на остров.

7

Глава 7. "ЛЕВ ГОТОВИТСЯ К ПРЫЖКУ" ("ПАРАНОЙЯ").

1. ПЛАН.

(ИЛЛЮСТРАЦИЯ*).

КАТ. № 1.Стр. 262, № 585, "Paranoia", 1936.

В тот сумрачный вечер мы очнулись на гигантской сцене, - тот театр, что нами в эти гастролы располагал как основной дублирующей труппой, экономил на электричестве, а посему вся сопутствующая режиссура происходила в полумраке.

Вначале с нами было всё как надо - и собаки, и лошади, но потом ГОНчая стая, прямо полисадничке, подняла невероятное количество приبلудных кошек, позаГОНяла их на деревья и стала выть на все возможные голоса.

Поскольку у всех наших собак по нетленной шкале некоего Рихтера голоса тянули ровно на "десятку" (а "частота" ног - на всю двадцатку), то и тишина вокруг нашего идеального театра, с одной единственной декорацией, была несколько зловещей - собаки выли так ровно, стройно и красиво, что нам, в конце концов вся эта милая сердцу децибелловая подоплека стала казаться счастьем, которого нет.

Декорацией служил гигантский женский бюст, покоящийся на платформе, 50 на 50 (тыс. морских миль), на котором личным пером Великого Мастурбатора было накарябано:

"P A R A N O I A"

Бюст вместе с частью декольте этой дамы, являющей собой бесконечную плоть всего сущего, слыл идеальной площадкой для пылкого оратора, коим чаще всего пребывал Одиссей (*).

- Взгляните на эту великолепную грудь, - крикнул нам (*), встав на то самое место, где когда-то была голова этой матери всех матерей. - Она кормит нас как может.

Он внушал нам, что такого богатства, как у нас, нет ни у кого, и поэтому как-то призвал изъять часов по двести из каждой зимней спячки, дабы предаться размышлениям о структуре мироздания.

- Киты, черепахи и плоская, как пасхальный блин, мать-земля - со всеми имеющимися на ней ландшафтами - это сны австралийских аборигенов: они эффектны, но страдают глобалистикой.

- А у нас что? - спросили мы, оседлав лошадей, выстроившись вокруг этого параноидального постаменты и приготовившись принять очередную порцию знания.

- У нас - вся мать целиком, все остальные части ее божественного тела - под этой сценой.

- А голова?

- Голова ей не нужна, господа присяжные заседатели, - сказал Одиссей (*). - Зачем ей мозги, когда есть Фрейд. Открытие того, что Фрейд интерпретировал паранойю как защиту против гомосексуализма, должно было сильно повлиять на Дали.

Поскольку Великий Мастурбатор должен был теперь стать еще и Великим Параноиком, то надо было ему заявить о своей негомосексуальности.

- Ну и что, заявил он?

- Ян Гибсон, который всё знает, говорит, что нет.

- А Сантос Торроэлья, в этом своем глубоком анализе "Метаморфоз Нарцисса"?

- Нет, он сказал, что Дали никогда не был готов к подобным признаниям, - сказал (*).

Вместо Великого обо всем этом заявили мы и устроили этакую ностальгическую микрооргию, специально для прессы - исключительно для того, чтобы проиллюстрировать графический талант Мастера.

2. СМЕНА ПЛАНА

(ИЛЛЮСТРАЦИЯ). КАТ. № 1, стр. 170, № 381.

“Erotik Fantasia on the Names Paul (Fluard) and Gala Drawing given by Dali to Eluard” 1931

"Эротическая фантазия...", 1931-й г.

- Взгляните на себя, дети природы! - крикнул Одиссей (*), строясь в центральный момент композиции и приглашая красотку для орального соития. - Ощутите на своих нетленных телах прикосновения Гения!

Через тридцать пять лет своей безумной жизни он совсем не изменил себе - как будто и не было их! Что для нас такой промежуток - он не мог заставить Великого перестать быть Мастурбатором, такое время могло поставить раком любую цивилизацию, оно могло стереть ее в пыль несметное число раз, но рисунок - его непостижимый рисунок - остался тем же - мастерски выполненным, против законов этого ханжеского мира.

Знаменуя начало любой свободной любви фонтанами спермы, мы проследовали в трюм - под эту всемирную сцену, дабы полазать по ее адским закормам. *

3. СМЕНА ПЛАНА Кат. 1, стр. 564, № 1262
«Homage to Meissonier», 1965

7

6. СМЕНА ПЛАНА.

Кат. № 1, стр. 218, № 491

“Barber Saddened by the Persistence of Good Weather” (The Anguished Barber) 1934
“Этот мужик увидел бобра в красном пиджаке”, - сказал кот Муррз, когда впервые увидел данный шедевр Великого Сальвадора, и прям обмяукался, как упомянул потом Патрекей, сосланный на лошадиное говно за пьянство, да разврат.

7

14. СМЕНА ПЛАНА.

Кат. 1, стр. 568, № 1272:
“Tuna Fishing” 1966-1967

Песнь 17, 510-520

Так Пенелопе отвечал ты, свинопас
Богоравный:

“Если б твои женихи хоть на миг поутихли, царица,

Милое сердце твое он своим бы рассказом утешил.

Три дня и три ночи он уж гостит под моею убогой

Кровлей; пришел же ко мне, с корабля убежав
от феспротов.

Мне о своих приключеньях еще он не кончил
рассказа;

Но как внимают певцу, вдохновенному свыше

Богами,

Песнь о великом поющему людям, судьбине
подвластным,

В них возбуждая желание слушать его
непрестанно,

Так я внимал чужеземцу, сидя пред ним
неподвижно...”

Песнь 17, 510-520

“Дорогая Пенелопа! - писал Одиссей (*), плавая в море, как в
стакане с бурей. -

Живем тут хреново, я до сих пор храню на ладони отпечаток
циклоповских яиц - оголодали и вгрызались в басурманскую плоть,
аки скоты какие, и герои потом долго плакали - яиц оказалось три, и
у последнего потом треснула крышка, и пошел пчелиный улей
(шершни, с жалами - с хорошую елду), так что мы в воду-то
попрыгали, а карапь утёк.

Живем, блюем без водки, торчим - без телевизора, и ждем, когда
“Ковчег” обогнет Землю и сам по себе вернется; а без сельдерея-то

совсем тоска, соли с рыбами навалом, навалились бы с авралом, так нет - подустали, сколько лет уж - торчим, как поплавки, в этом море-окияне, как на острове Буяне.

Крылатую команду этого знаменитого руководителя, что тащил через Альпы то ли людей, то ли слонов (если я не перепутал), мои гребцы-апостолы воспринимают буквально и тем премного довольны: мол, ноги в тепле - в бездне снуют злые кашалоты, да так, что пяткам тепло, ибо в них пребывает душа, а башка, стало быть, в холоде, ибо на нее серют злые крачки, и помет их, птичий, на лету успеваешь остыть - вон они вокруг моей головы со стаканом носят, но я, как пел нам как-то Владимир Семенович, виду не подаю, они у меня допросятся.

Ждешь ли ты меня, тлеет ли надежда? То есть - теплится ли?!

Тут еще злые демоны “порубали парус”, и видел я, как один из них, в католической униформе, безобразно хохоча, им подтерси, то же и с парадным нашим стягом - гордых византийских греков, имевших в дедах ахейн охреневших.

Отпустила бы Телемаха, познал бы он, как называются созвездья, и что перед едой надо завсегда пописать себе на руки (и на ноги), дабы рубцы на руках (и на ногах, а так же на остальных чреслах), потрескавшиеся от драк с собственным, бля, экипажем (а их 12 рыл*), промывались и дезинфицировались.

(Пишу тебе, а сами плаваем, подмываемся - до дыр домылись.)

Познал бы он, как можно заживо сожрать живую барракуду - вместе с острыми зубами.

(Они потом сами собой перевариваются и выскакиваются, порой остаются пожизненные рубцы и шрамы, но ведь у настоящего-то мужчины всё, как на дохлой собаке заживает, а он потом - и не переживает, но ты, глупая женщина, чего ты вообще в этой суровой, мужской, полной перипетий, собачьей нашей жизни понимаешь, когда не знаешь, то ли у тебя запор, то ли трепанация, дура ты набитая.)

А в общем, как сказал дорогой наш друг и учитель (по литру коньяка в день, и ни дня без какого-нибудь пакта), Уинстон Черчилль:

“Нацию, которая зимой ест мороженое и даже не запивает водкой, победить невозможно”,

про водку мы, конечно, приврали - не было у нас здесь никакой водки, зато есть зловещая улыбка Посейдона, но Уинстн, демоны меня раздери, тысячу раз прав: вот бултыхаемся здесь, в нейтральных водах, как говны в прорубях, и ни хрена нам не сделалось - вот, катаюсь на дельфинах, сирен имею, и тебе пишу, рыба ты моя.

Ты там, давай-ка, гони всех на (ПИСК*) со двора, мне пролетающая нимфы, те, что сияют золотыми кунками - на солнце, тебя вложили, показав твой светлый образ - извини, дорогая, но там трауром и не пахнет, вот вернусь домой, загрею тебе брюхо своим жарковатым придыхом, всех изведу, порубаю, и стрелой пронзю, и победу - как я стреляю, думаю, помнишь, тебя порой восхищала та беспримерная скорость, с которой я передергивал затвор, бррр, менял стрелу моего американского охотничьего лука за полторы штуки баксов, помнишь, как-то по пьянке кто-то из твоих паскудных родственников пережег косячным бычком тетиву, стоимостью в полтинник, и никто кроме меня не мог натянуть запасную, потому что не читал инструкцию - они у тебя там двоешники все до одного, вот вернусь, поджарю пятки женихам и посмотрю, может есть среди них образованные, тогда мощну вытряхну, чтоб не размножились, а самих отпущу, чтоб пели частушки во славу Итаки (“мы не сеем, мы не пашем, мы валяем дурака, с колокольни писей машем, разгоняем облака”, если забыла, и сам ее пел по утрам и вечерам, особенно при полной Луне).

Вот плывет акула, разрезая воду плавником, как лобзик фанеру - пойду, сделаю тридцатку баттерфляем в моноласте, установлю рекорд, а заодно поинтересуюсь, самец или самка (ты же помнишь, дорогая, самцы меня в упор не интересовали).

(Письмо было запечатано в бутылку “Черноголовки”, которую выпили без остановки, пущено по течению с “Нового Ковчега” - прямо на восток, и поймано нами через живую прорву времени*.)

- Ну что, доплыла, черноголовка-то? - спросил Патрекей, закладывая свою седую голову в пасть к Муррзику - а тот как раз собирался чихнуть.

- Ага. Прямо женихам - в похмелье, - только и сказал Патрекей, Муррз чихнул, и стал наш батька - всадник без головы.
- Ну и как? - спросили те потомки, которым надо было что-то непременно сказать - в назидание.
- Новая выросла, как старцам и положено - которые, разумеется, с претензией на святость.
- А если не вырастет?
- Значит ни одной жизни не осталось.
- А где они?
- На руке. (*), вон, единожды взглянул себе в руку и решил, что помер. Перекупался. Забыл, что смерти нет, а значит бояться в этом мире ему нечего.

19

Глава девятнадцатая: "Привет участникам погрома!"

КАТ. № 2., стр. 225.

“Искушение св. Антония”, 1946.

- Этот Великий сюжет некий испанский дядя, который так любит писать книги, назвал “уже традиционным для искусства Дали ироническим бредом”, - сказал Одиссей (*).

Прошло ещё немало лет, и Одиссей ((*) – ХИТРОУМНЫЙ) вернулся из бездны Антонием святым, то есть постоянно искушаемым, и стал умирать от любви.

Он сказал:

- Слепой поэт соврал, что я добровольно уплыл с острова Калипсо. Богиня покорила меня, и теперь - натуральная ломка. Всё не так, ребята.

Прошло немало времени, пока он начал соображать, и если бы мы были смертны, то жизнью б наших не хватило б, чтоб измерить его тоску:

мы пребывали в дрейфе, был полный штиль, паруса напоминали бечеву с замерзшим бельём, реи, гики – далианские подпорки, и в этом была причина – управляй этим кораблём, не управляй – хорошая была жизнь на этом острове.

Острове Калипсо.

- А что у вас там случилось?

- Да так, нервный срыв, - сказал Одиссей (*), и ветер наполнил парус – кошмары кончились, однако вернулся из запоя Муррз – чёрт, которого не было.

РОДОСЛОВНАЯ (ПРОИСХОЖДЕНИЕ*) КОТА МУРРЗА, КОТОРОГО НЕТ.

Перестаньте третировать ангелов, а то они забудут вас хранить.

Патрекей.

Когда рождался Одиссей (*), батька Патрекей, лучший на Руси ловчий, повесил над его колыбелью тот самый лук, который сам потом не смог натянуть;

мы ничего не повесили, потому что то время не было нас в Итаке, ибо мы пребывали в других образах, всех до одного нами же выдуманных, ибо крылья росли за спиной, а что до бесконечного сейчас, так уже выросли – вот они, полюбуйте, мерцают палевым цветом, и свет говорит нам, что надобно присматривать за (*), пока он где-нибудь, как ему и предрекают смертные, зайдёт на какой-нибудь пику в периферийном цыганском кабаке (вспоминаем о Трое, и часто грустим*),

а где и когда точно – никто не знает, ибо он на то и (*), чтобы совершенно игнорировать собственную линию жизни, которой у него не было и нет, как того Муррза, который тоже присутствовал при его рождении, но только посеял огненных блох на небе – об этом уже говорилось, и не раз.

Не говорилось только о самом Муррзе – том объекте магического реализма, приручить которого пробовали все, кому не лень: Гомер, Вергилий, оба Плиния, и даже священные шлюхи в соитильных храмах Месопотамии.

Все началось с того, что вожак нашей ГОНчей стаи, звали которого Журай, объединившись с мятежным духом своего родного брата Гобоя, сгоревшего в семимесячном возрасте от интерита, (мы слез море пролили по нём, ибо уже в семь месяцев гонял, как сивый мерин, и даже как-то сожрал целиком подраненную слегка козу: её подранили, потому что сперва подумали, что это по лесу скачет голая баба, или ведьма – того лучше, пристрелить такую – лишний грех замолить);

так вот, Журай натуральный, с Гобоем покойным, повторимся, мятежным духом его, ибо сказано нам было раз и навсегда Патрекеем – нельзя душой привязываться к ГОНчим, ибо это расходная собака – с ей надобно всякий раз прощаться навсегда, как только та в лес уходит, (а мы взяли, и полюбили его, как родного сына, да и Журая взяли уже после того, как Гобой сгорел, а ровно через восемь лет сгорел и Журай, за этот самый грех, о котором речь ниже*);

Две наши собачки, два русских пегих выжлеца – видимый и невидимый, приволокли на грудь Одиссея (*), то, чего не может быть, когда тот, разбившись предварительно на ушастом «Запорожце» (ЗАЗ*), вернее, безухом, потому что оба уха уже давно оторвали, ЗАЗ, у которого никогда и нигде не сыскать тормозов, поэтому тормозили из него то правой, то левыми ногами;

Приволокли на грудь Одиссея (*) двадцать три (23) черных кота, ибо хотели сделать ему приятное, а проснувшись, Одиссей (*) чуть не сошел с ума, ибо был с перепоею, и решил, что вокруг не дохлые черные коты, а в груди у него вместо пламенного мотора – белая «белка».

С тех пор объединенный кошачий дух тех котов помойных, что положили свои жизни (фактически*), чтобы сделать приятное (*), что едва не привело к его физическому и моральному, утреннему аутодафе (сушняк*)

В виде одного Муррзика и ГОНяет нашу ГОНчую стаю, как хочет, и где хочет, приговаривая:

"Ежели кто и дерзнет подвергнуть сомнению высокие достоинства этой замечательной книги, то пусть не забывает, что ему придется иметь

дело с умным котом, у коего есть в запасе острый язык и не менее острые когти.

Áãðëëí, ìàé 18...

Ìóðð

Íîme de lettres tres renomme. 1*

1. В английском языке есть выражение "green like a cheshire cat" - сардонически улыбается, как чеширский кот. Наш всегдашний комментатор (не будем пока называть его прекрасного, звучного имени), объясняет это тем, что Чешире продавали сыры, похожие на голову улыбающегося кота.

Второе - что Чешир - это палатинское графство (earldon) и что над этим высоким званием смеялись даже коты.

Еще одно - что в царствование Ричарда Третьего там жил лесничий Катерлинг, который, когда ловил браконьеров, свирепо ухмылялся.

В фантастической повести "Alice in Wonderland", Л. Кэррол наделил Чеширского кота способностью постепенно исчезать, пока от него не оставалось ничего, кроме улыбки без зубов и безо рта. О котях в Килкенни говорится, что они отчаянно дрались между собой и пожрали друг друга так, что остались только хвосты. Сказка эта датируется XV111 веком.

Нам подходили все эти позиции - и кот наш ухмылялся тем, чего у него не было (потому что не было кота, вернее, он был, но никто не желал связываться с Конфуцием); тот егерь, что свирепо ухмылялся, был кастрирован самым воинственным из нас,

а потом и вовсе исчез - кто-то видел его в обществе нашего Муррза, который гонялся за ним по Жаворонкам, как собака Баскервилей за собственным хозяином (по документам получалось так); и последнее - наш Муррз был продуктом выживания в многочисленных схватках, так что получился кошачий лев.

- На то он и тот самый кот, которого нет, чтобы его когда-нибудь не стало, - сказал тот из нас, кого мы обычно звали Одиссей Хитрожопый (*). - Может этого кота, которого нет, когда-нибудь и не станет, но

скоро будет нечем кормить стаю, потому что кончится корм, которого он якобы не жрет. Потому что его нет. Я достаточно ясно выражаюсь?

- Уж куда ясней! - сказал тот, которого, согласно этой всеобщей тайной доктрине, давно не было - он считался пропавшим без вести. - Однако что за книга?

Вышел батька Патрекей, за ним Муррз, и оба стали с черного по белому травить основную байку двадцать первого века, правда травил один Муррз, а батька токмо рот открывал (вот и сейчас слово Муррз этот грёбаный редактор (он доктор, раз нас лечит*), подчёркивает Муррза красным, вроде, как и нет его*).

Дело было так: был когда-то Муррз вполне натуральным котом, и даже не чёрным – а пятнистым, то есть котом классического сибирского окраса, и совпадал этот окрас со всей нашей ГОНчей стаей – те самые рыжие пятна с черной каймой, которые не должны были сливаться в одно пятно, и не переходить в крап: то есть на шкуре каждой из наших собак должна была пребывать карта континентов всех планет бесконечной Вселенной (Вот такой я парень – сказал как-то Муххамед Али, которого звали, как Пророка с одной стороны, и предводителя сорока разбойников – с другой*).

На боку того Муррза, что носил пятнистую шкуру, была карта Вселенной, тол есть бесконечного пространства, получается, - того, чего мы утлым своим разумом объять не можем;

и вёл он мученическую жизнь, ибо был постоянно пинаем Патрекеем, сами посудите:

если такой вот дед, этакая вот глыба, который если бы захотел, то мог бы управлять собственным образом то в шкуре Святого Старца, а то и вовсе, - самого главного чёрта, которого царь мёртвых Аид звал – Председатель, чего-то в этом мире захотел, то всенепременно поимел бы, в том числе любую бабу, а если надо – то и мужика;

даже Одиссей (*) старался с Патрекеем не связываться, ибо мы только начали наше бесконечное плавание, а он его уже давно закончил.

Патрекей пинал Муррза так, что тот со временем вообще перестал чувствовать как боль физическую, так и нравственную (та, которая бывает после того, как изменил весь мир – и всё одному тебе, ибо мир изменился, а ты остался такой же*);

Муррз последние полторы тысячи лет своей жизни – с тех самых пор, как ожила его мумия в гробнице Инхатепе;

летал от этого бесконечного пинка ровно столько, сколько было во Вселенной войн – как частных, так и общих;

он не жрал, потому что, как только он подкрадывался к своей миске для кильки, то кильки не оказывалось, а лежали там беременные тараканы, убитые токсом;

(кот не выносил запах их жира, ибо была это не килька, касатка - килькой она была только для Патрекея, к тому же, напомним, он носил на своих боках эту бесконечную карту – четко окаймленную его собственными яйцами, которые, как и положено, блестели, как дембельская бляха – в солдатских трусах*).

Когда же Патрекей всё же кидал ему в миску консерву «Завтрак туриста», то есть того продукта, благодаря которому чартерный бизнес рухнул, как когда-то эпоха мультимедиа (хайтек*),

то у Муррза не всегда бывал аппетит, и потому он прокрадывался через дырку в сортир, чтобы запрыгнуть в бидё и выключить за собой кислоту,

но дырка была замурована, то был вход в могилу его бывшего хозяина – Фараона, который не выдержал измены, кота не дождался, и умер от разрыва сердца (отлетел сокол, коты в персональных пирамидах не тусуют*).

Мы не сразу заметили этого вселенского рывка, столь причудливого скачка в поведении Муррза – он вдруг стал разбегаться от западного борта ковчега, куда его никто не приглашал (у него не было пары, и сам под «тварью» не подписывался*);

и биться о восточный: он хотел покончить с собой, ибо тот, кого он обожал – совершенно по-собачьи, истязал его, игнорируя всякую плоть – считайте, что мир этот был настолько тонок, что все конфликты были закамуфлированы – под чистый воздух.

- На самом деле ловчий Патрекей был банальным гипнотизером, - сказал какой-то придурок на его братской могиле, но мы то знали – рано радуешься, дурак, нашего ловчего в этой общей яме нет, ибо

он, если захочет, перехитрит самого (*), и как он тут сам закопался, так сам и выкопается,

и если бы ему в тот момент попался Муррз (а он попался, ибо пришёл встречать его – из могилы, было дело, было, было*), то хана была коту – так и порешили.

Порешили! Такое если кто и видел, то не забудет, ибо Муррз был привязан на длинный шест впереди телеги на паровом приводе (дрезина*) а за ней была пущена ГОНчая стая, которая уже было, настигла Муррза, привязанного на шест, как вдруг мы, уже разлив по взрослому, и, намазав икорку (прислали из Камчатска, два бурдюка, а из дружественной Абхазии – беспонтовой бормотухи*);

вдруг явственно узрели, что мертвые с косами стоять;

а кот, наш сумасшедший кот Муррз, носящий на бочине карту того, чего мог написать только Дали, в немыслимом масштабе;

вдруг сорвал с шеи петлю, взвился вверх, как рыжая ракета, бросился вниз, как пикирующий сапсан (СУ- 29*);

и оставил от нашей, лучшей в мире стаи то, что хоть и было, но на которое смотреть было противно, ибо!

Ибо!

Все наши борзые выжлецы поджали хвосты, и разом передохли,

потом настала тьма, и началась эпоха скептицизма;

ибо Муррз после всех перенесенных мук восстал, и стал отчего-то не святым, а наоборот, совершенно черным, как та ночь, в которую все валяются по ямам, и там уже ориентируются по тлеющим бычкам.

Мы разом взглянули на Патрекея – тот и ухом не моргнул, как будто знал всё наперед (этот знал*).

И выходит, что Муррз сменил карту Вселенной, где все океаны были белыми, (особенно, если кота помыть*), на чёрную пустоту той комнаты, в которой никогда не бывает света, и за которую до сих пор платит парень по фамилии Малевич, потому как наказан скребстись о стену в полной темноте;

кот бродил вокруг нас, как та тьма, без которой нельзя, ибо вечный свет утомляет.

8

Глава восьмая:

ЗА «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СЕКС»

ИЛИ

“КРИСТАЛЛООПТИКА, КАК ДВИГАТЕЛЬ

СЕКСУАЛЬНОГО ПРОГРЕССА “.

КАТ. № 1. СТР. 170. № 379. ("Вильгельм Телль и градива").

Помнится мы все, как один заговорили о сексе, вернее о его визуальном измерении - то есть том его изобразительном моменте, от которого, сложил крыла, да и съехал на старости лет Великий Мастурбатор, ставший на необъятное время (виной тому текущие часы), Великим Параноиком.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СЕКС ИЗ ОБЛАСТИ СПОРТИВНОЙ ФАНТАСТИКИ.

Мы спросили Музу:

- Ты кто?
- Я – простая девушка.
- А бабы – кто?!

Ответа не было, не было гарантий, и тем паче – уверенности в завтрашнем дне. Бывали дни когда не было салата, и не куда было хлебальнику упасть ((*)) уронить).

Господи! Голод был, как спасение, избавление, как сатанинский тайфун, ибо спасение выбрало нас от засора: оно сдуло пыль и сдернула паутину, мы со

скрипом привстали и с потрясающей ясностью осознали, что были мертвы, и никаких запасов у нас не имеется.

Прямо перед этим (*) сказал Калипсо, что от любовного приступа изгрыз металлическую полку (помнишь, дорогая, в ванной?)

На что та сразу предъявила ему, мол, покажи зубы, он показал, та не поверила – клыки оставались.

Кто в этом вообще, путем разбирается? У (*) частенько вращались новые.

Если слово, оно как секс, то что же было вначале? И сколько сейчас найдется критиков этой сугубой теории, потому что попадет в нужный момент вместо слова та самая музыка, на которой крутятся земли, и попадут под этот жернов все, кто подвернется, и кто тогда скажет – что нас держит на плаву – эти летающие кастрюли, или царящие духи.

- Кто здесь главный?! - орали мы, как всегда предвидя скорый конец – вот он.

А конец этой драмы был универсален – для любого театра, даже чисто акустического.

После пяти актов комедии, когда выгнали уже всё – и кровь, и грязь, и слёзы, и любовь, и когда ситуация чудесным образом (вдруг), возвращается на круг, и творятся молитвы – за будущее наше, он вновь говорит ей:

«Я люблю тебя!»,

ОНА, как бы смеясь, щелкает рядом с его носом своими ровными, как бритва, и белыми, как саван, острыми зубами, у него случается разрыв сердца, вот он синееет, краснеет, зеленеет, потом он медленно смягчается, разлагается, растворяется, прямо как Злой Блакаман – герой Г.Г. Маркеса.

ОНА садится на метлу, и в пятницу, тринадцатого, двухтысячного, в октябре месяце, и пробирается в стратосферу: там шабаш.

Тут в дверях появился, сперва Муррзик, а потом и САМ (Председатель), по рядам прошла легкая дрожь, ибо все знали, что в этом театре всегда что режут, что стреляют – всегда по настоящему.

Он сказал:

«НО В ЗАПАРКЕ ВАСЁК НЕ ЗАМЕТИЛ, КАЖИСЬ
КАК МЕЛЬКНУЛА ОПАСНАЯ БРИТВА,
ОН УПАЛ, КАК ПОДКОШЕННЫЙ ВЕТРОМ
ТРОСТНИК».

Этот жанровый мультимедийный синтез уходил корнями в глубокую эпоху:

Вот Одиссей (*) сидит у мачты, закрывает глаза, и чтобы не думать ни о чём таком хреновом, сразу погружается в тот самый сон, который сам себе и драматург, и пьеса.

Вот он видит сам себя, сидящим то ли в «джакузи», то ли в адском котле, и при ярком свете какая-то женская рука проводит ему по горлу безопасной бритвой «GILLETTE», и хлынула из его горла красная кровь, но нету ни боли, ни страха, ни каких либо тревог, или, как это еще называется, «чувства ответственности».

И стал вспоминать (*), не приходя в сознание того, что с ним на самом деле происходит.

Где он, с кем он, и кто он, вообще, такой, и кому из тёток он позволял скрывать себе харю, когда намывал себе в корыте чресла, и было ли это вообще.

Вспомнились три эпизода: первая была рыбой черноглазой, и вполне могла загрузить бритву ему в артерию, потому что любила его, а бритва была с одним лезвием «GILLETTE», MACH 1, но это было давно, рыба уплыла, и смерти не случилось, потому что нет её, - но на прощание она бросилась на него с обоюдоострым мачете, носясь на метле, и обливаясь слезами, а он сделал рывок навстречу, и подхватил её в ритме звёздного танго.

Прошло сто лет, и возникла вторая, как лозинка, и их соединили ангелы под сводами того бардака, который прежде был камерой пыток - она была хоть и самка скорпиона, но в тот момент не беременной, а потому мирной, бритва была с двумя лезвиями, «GILLETTE», MACH 2, она любила его, и потому тоже могла убить задарма, а потом сподобилась и задарма продать – (*) и до, и после всего этого кошмара, этого чёрного кайфа, прекрасно знал, что такого класса ведьма – привет оттуда, дабы проложить к его сердцу невидимый штуцер, и откачать всю его красную кровь.

Прошло сто лет, и появилась третья - она была козой единорожьей, и была у неё на весь белый свет – пресная слеза, которую можно было пить в соленом море, и тем удалять жажду,

она любила его, и случилось это бритьё сразу же после того сна – про бритву и глотку, и бритва была с тремя лезвиями «GILLETTE», MACH 3, ибо к тому времени технический прогресс шагнул куда-то за пределы действительности, и с такими приспособлениями, как три в одном, (*) харю брить уже были способны те, кто может любить, но брить не способен;

а потом (*) решил размять себе мозжечок, и придумать новое подразделение такого олимпийского раздела, как «Художественный секс», тот самый, который из области спортивной фантастики.

Для начала ему привиделся тот самый рефери, что всегда засуживает, ибо демон он, и тогда (*) послал его на мыло.

Демон орал, как резаный:

«И никто у тебя больше никогда не отсосёт, если не признаешь себя супротив Посейдона – полным говном!»

Тогда Одиссей (*) (на то он и (*) – раз и навсегда*), соединил всех трех – и с бритвами, все с криком «Так не достанься ж ты никому, (*)!!!» вонзили свои «GILLETTE», MACH 1; 2; 3» ему в глотку, но только глотка это уже была не (*), а чёртова, - сам он едва успел выскочить из этого котла, как попал в котел новый, но совсем не страшный, а потому – реальный, насколько может быть реальным мир, ибо увидел он бесчувственную рожу черного кота Муррзика, который единственное, чем не повёл, так это ухом.

(*) доверился ему только потому, что не было этого кота, доверился и сразу об этом пожалел, ибо нельзя было верить даже тем, кого нет.

Он сказал:

- Вот только Пенелопа меня так ни разу и не побрила, но зато как-то в запарке кинула топором – сидел на кухне, жрал мясо, как вдруг сквозь стекло пролетает тамагавк (фирменный, с комплектом выживания в рукоятке – леска, крючки, керосин, спички, дрова, палатка, лодка, гончая стая, кони, люди, трубящие в рога избытка и еще всякий бутор, что зовётся судьбой), прямо рядом с правым ухом. (Он за базар ответил – уха практически не было – так, обрубок, но он носил рыжие кудрявые патлы, и не всегда можно было заметить).

Вспоминал всё это (*), сидя у мачты, забыв, что его давненько уже отвязали, и пора кончать страдать об отсутствии женщин, сморкнулся Муррзу в усы – то есть сквозь чёрный туман, прямо на палубу, которую только что надраили, как коту яйца, того, которого нет.

Вот он глаза открывает, и правда – вокруг бурлящее пеной море, а море это тот же адский котел, и полощут его своими вилами те же черти, только с пи(ПИСК)ми (сирены), а корабль – он как шел, так идет, подгоняемый этой самой пеной, из которой – любовь, та, что сперва жизнь и чистое бритьё, а потом смерть и порванное горло.

И Одиссей (*) в роли Бетмана, а мы осуществляем мечту детства – рисуем комиксы, где всё меньше живописи, и всё больше текста, то есть Великий

Мастурбатор на время оставляет место Великому Мистификатору, что до Великого Комбинатора, то мы скоро за него возьмемся.

- Сначала надо выйти из запоя, - сказал ловчий.

10

Глава десятая: “О ЧЕМ МОЛЧИТ ИСТОРИЯ”

В тот день, когда нам, сидящим – каждый на своём облаке, стало ясно: янки скоро опять покроют то место, где когда-то было всё спокойно, и начнётся самая эффектная война, потому как – всегда последняя.

- «Обидно, досадно, ну ладно».

Наше слово ни к чему такому не способно, кроме как первым быть, - ни иллюстрировать, ни озвучивать – оно уже сказано, а стало быть и озвучилось, и проиллюстрировалось – нашими же усилиями превратившись в молитву.

- В какую же? – ревела толпа, готовая вот-вот взбунтоваться и завоевать.

- Господи! Курящему дай накуриться, а пьющему – напиться.

- А как на счет фокусов и неравенства?

- Эх, не до хренов нам нынче, дорогая редакция. Мы не фокусники, мы – чудотворцы. И что до «так вам и надо за тройную ложь – свободы равенства и братства», как сказал герцог Арман Луи Бирон Гонто Лозен – стоя перед доктором Гильотеном, - хоть и у Абрамовича капусты все равно больше чем у несчастного, одинокого Д. Коперфильда, но зато этого компьютерного мошенника бабы готовы любить почти бескорыстно – вот вам и постмодернизм.

Потом (*) (Одиссей Хитрожопый) осмотрел всех собравшихся царственным взглядом, и решил, как видно, сворачивать проповедь.

- Что это, вообще. За голливудские сказки? Кто здесь вреди вас главный? Кто ответит за урон?

Наша жизнь колыхнется на ветрах, как большая, драгоценная чаша! Мы творим наши чудеса из любви к ближним (то есть друг другу*), и, как извечный принц Сиддхартх, стараемся донырнуть до самого дна этого бесконечного колодца, имя которому – нирвана.

Вот там, на самом дне, мы увидим качество этой жизни, (она определяется количеством красивых баб – на данный момент пространства),

то есть нам любая дребедень какого угодно придурка покажется умной и весомой – ибо там, на самом дне, том, дальше которого и деваться некуда, на нас ниспущется благодать – любить ближнего и ни в чем ему не отказывать (то есть, умудряясь не впасть в тяжкий грех, и отяготить новой любовью своё огромное сердце, снять последние трусы, и остаться голым, свободным и счастливым. Или «не отяготить»). Сейчас не помню, пардон, не форме).

- (*) оглянулся, почесав с трибуны м(ПИСК)уде, - баб было столько, так что в случае внезапного тайфуна их бы хватило на всех.
- Завыли фонфары, и (*) сказал свои последние в этом дню слова:
- Хорошая музыка консолидирует здоровые слои общества, а что за музыка?
- Чикаго! Этот стиль не трепит этого е(ПИСК)баного пессимизма! Курорт! Ах, этот медный оркестр! Эти смуглые атлеты, эти белые смокинги, трусы, паруса, голоса, тембры! Белозубые негритосы! (А потом воздал: «Господи! А ты думал, что в 2002-м все, как есть, христиане и мусульмане, передерутся? Так как же там на самом деле оказалось, на какой странице твоей божественной книги это написано – дай детям прочитать!

Сейчас прошёл этот год, для нас, чистящих перья ангелов, это одна кальпа – год ангела, это, по вашему, по людски – прорва времени.

А для вас – момент чистой передышки, которой так никто и не воспользовался – все думали, так и будет, не, ни хрена – вещаем сверху мы, натягивая луки, близится встряска, вот тогда истинные останутся, и будут трахать отборных тёлочек – чтоб зародить новую, божественную породу, которой и радиация пойдёт на пользу – и мы опять будем размерами с Адама, а Ева будет чиста и бескорыстна, когда надо – умна, когда надо – чтоб не было её – ушла из жизни.

Батя Патрекей протрубил: «На драку», проявились сквозь туманы и невзгоды жёлтые глаза Муррза – того кота, которого не было и быть не может;

мы вышли из леса, был сильный мороз, потом спустились ниже уровня самых высоких кавказских пиков и батяка Патрекей, отвесив земной поклон сообщил, что страна уже при новом президенте – недели две.

Мы почесали то, что было у нас под медвежьими да бобровыми шкурами, сковырнули всем вшам по скальпу, и спросили:

- А старого куда дели?
 - Старый-то? Пьет.
-

21

Троянский конь.

Помнится, мы победили троянцев, всходило солнце, мы стояли на пепелище этого цыганского табора, называемого Троей, и смотрели, как топчут всю эту мразь спецподразделения – мы даже не стали обладателями потомственных сифиличных гадалок, вместе с их черными предсказаниями, ибо Одиссей (*), взобравшись на Троянского коня, еще тогда, когда мы не пи(ПИСК)ли его о телеграфный столб (пострадала в основном голова, ибо он стал вспоминать свои давно забытые строки, неизвестные слова, и героев, тех, что не было и нет*), сказал:

- Не царское это дело, прикажу, отимеют.

«Вот, про Одиссея (*), разное говорят – мол (*) то, (*) сё, пол-Москве рога наставил, и скоро его, типа, поимеют самого, ибо уже напали на след - - подумали мы, - а всё едино он придумал таранное бревно, об которое потом сломали себе зубы шлимановские землекопы, жадные до золота тех времен, когда ни великана Неоптоля, сына Ахилла, поразившего Приама, ни царицы Гекубы с дочерьми не было, как говорится – «что им Гекуба, что они Гекубе?»».

Мы отправили известие о нашей победе Пенелопе, но оно вернулось обратно, ибо временами земля бывает круглая и лысая, как то ядро, на котором совершил свой военный подвиг правдивый Барон. (В спаленной Трое тоже был свой барон, и он кувыркался с остальными, как они себя называли, троянцами, на самом деле обыкновенные говнюки, хоть воспетые Вергилием*).

Дело было во как:

год назад Одиссей (*) на своем Буцефале играл в поло, конь поскользнулся, вырвал (*) стремями оба мениска, тот отрыдался, встал на костыли, утром 30-го октября 1999 года прибыл на Павелецкий вокзал, и не вылез из этого паскудного городишки вот уже хрен её знает сколько (времени*).

Увидев остатки нашего Троянского коня многие женщины взрыдали: мы сначала думали, что им жалко (*) конструкцию, но потом увидели – они боялись за нас. И напрасно – от такого удара мы были застрахованы в швейцарской конторе. Она называлась «Фортуна».

ПЕРВЫЙ ПЛАН.

Кат.№ 1, стр. 305, № 678

«Debris of an Automobile Giving Berth to a Bling Horse Biting a Telephone», 1938.

Глазели мы как-то на (*), под кантри «Rednex», их клип “Way I Mate” за двухтысячный год (в натуре, ретро*), там смешанная группа алкоголиков мчалась на паровозе – по прерии, не догадываясь, что прорываются они к своему последнему столбу, и сняли они клипец про Одиссея (*), и его Троянского коня.

Та знаменитая на весь белый свет конная поездка началась с двух, невинных, казалось бы, случаев, а именно:

Батька Патрекей, если кто забыл, славный на Руси ловчий (бывший, сволочь*), выловил на удочку живого партизана, который, как спел потом о нем известный культуролог В. Токарев, “не знал, что кончилась война”, а мы добавили, мол, отцвета капуста, и хрен они завянут, эти чувства, ибо все лучшее, конечно впереди (иначе нельзя*)

Когда Патрекей предложил партизану воспользоваться ротовым озонатором (через пульвилезатор*), под видом которого какая-то из его приемных крестных дочерей подарили ему нервно-парализующий баллон, то выяснилось, что не партизан это, а вампир, и что его можно немедленно продать залётным вурдалакам.

Патрекею, как в свое время Великому Амадею, “жалко было расстаться”, и он скормил этого партизанского вампира (который, между прочим, до конца утверждал, что фамилия его - Лукашенко, верно врал, чтоб оттянуть время, ну мы ему его и оттянули*), своему этому паскудному коту Муррзику, у которого к тому

времени яйца так мерцали, особенно при полной Луне, что хоть в пору попадать по ним из пищали – перевязанной на нитку гирляндой железной картечи.

Одиссей (*), как всем известно, царь Итаки, муж Пенелопы, отец Телемаха, уже настроился на этот спорный гонорар.

(Имеется в виду продажа вампира под видом партизана со свидетельством из ментовки, что он и правда Лукашенко, и свидетельство – номер один, в мавзолее на Красной площади, потому что прежний вампир с такой же ксивой – згнил и згинул, в натуре. (Так говорила толпа*).

Мы как раз сидели и грели хрены у каминов, когда случился этот кошмар: (*) куранул с фольги не амстердамскую гидропонику “Центр”, а тульский порох “Сокол”, и спалился весь, как тот диснеевский кошан. (С натуральным Муррзиком такого произойти не могло, ибо не было его, как нет с нами писеглазого Конфуция*).

Тут еще Патрекей подвернулся (*) под, что называется, “возжу”, и понес свою пургу, типа, раньше ты его просто нюхал, а теперь ты его курить стал, так что пора отправляться мстить неразумным хазарам.

Мы любили (*), хотя он, кое где у нас порой, загонял нас, что называется, по уличным сортирам, ну сами посудите: ему как-то привиделся во сне его Буцефал, в образе скакуна, упомянутого уже в веках, Вещего Олега, только уже после того, как Олегу поставили памятник, который потом сожгли те же хазары (неразумные, бля*), и некто Павич смастерился на словарь, в котором первая буква «А» – стало быть, зеленая трава, а последняя «Я» – то есть, сигнал «SOS» – «Я НАКУРИЛСЯ».

Таким образом, как бы продолжая в веках эту конную круговерть, которая нашла мощный кусок в живописи Великого Сальвадора, Одиссей (*), отошедши после очередного захода, когда его нашли в сточной канаве, (как выяснилось, так это был вообще не он, а перелинялый кот Мурр – практически в коме, а потом ваще – что оба щемили в одну и ту же харю*), подмигнул Петрекею, и тот со скоростью света смастерил деревянного коня высотой как раз с вдовой домишко на колёсах - от Москвы – к Трое, с её стратегическими, и потому целыми, дорогами, и голодными, а потому дешевыми, цыганскими шлюхами, торгующими запредельными зельями – от их самодельной черноты у залетных дальнобойщиков (мужчин*), пропадали их и без того малочисленные достоинства (чернели, а потом сами собой отваливались залинялые хрены*).

Ко всему тому, что было выше сказано Патрекеем (напомним тем, кто был в «отъезде», что «Илиаду» он вспоминал уже в образе слепого поэта, но не

ловчего*), Боги взывали ко встряске – надобно, сказали, замочить цыганский табор, чтоб перестали, стало быть, травить природу всякой чернотой.

Поводом для объявления похода на Трюю была старый CD-шник за 25.06.2000, где сборная грузинских ЗЭКов обыграла в «КВН» сборную со всей остальной Грузии, и Я. Джугашвили из глубин земной мантии в который раз провыл про невыносимую легкость бытия, и ее, стало быть, весёлость.

Далее на пиратских лотках г. Москвы, столицы нашего СССР, появилась игрушка «Garmangeddon 2000», где чем больше давишь прохожих, тем дольше живешь, так же атмосферу в стране не озонировало.

Насилие возобладало и в кинематографе, и в ящике, и в личной жизни, что означало начало конца – конец положили на конкретный объект, кинули карты на масштаб 1:100 000, (*) хрен (туда же - он же компас, перископ, глубомер и секстант*) одновременно лег на Трюю.

Мы выстроились в ряд и спели блюз собственного сочинения (это такая музыка, которая играет, когда хорошему человеку плохо*), там были слова:

«Я рыдал на небесах, когда видел, как ты рыдаешь на моей могиле, потому что люблю тебя».

- Начиналась эпоха скептицизма, - сказал Патрекей, надел черно-зеленые очки, и пошел переписывать за Вергилия его «Енеиду» (да так, чтобы там и не вспомнили об Энее, ибо стал он предводителем того народа, который может воровать лошадей и спаивать эту дохлую русскую аристократию – бакинской бормотухой «Солнцедар»*), которая возникла а него в вещмешке в аккурат через восемьсот лет после «Илиады», которую он сам же и накатал, - лет этак тысяча двести тому, постукивая перед собой курортной палочкой (это было живое, не спиленное еще, дубовое древо, это нам поведал, как поют орнитологи:

«Чёрный ворон,
чего ж ты въешься, гад,
и никак не клюнешь,
а то мы тебя никак не достанем,
клюв твой поганый не вырвем»*).

В нашем коне, названным Троянским не по породе, а по склонности ездить на колесах пахнущем еще свежей стружкой штурмовом снаряде, (хоть и на копытах, но на единственном колесе, и врут историки, что сами троянцы подогнали под него платформу*), как в Емелиной печке, был и телефон, и лампочка Ильича, и даже

паровое отопление – предполагалось, что мы можем просидеть в этой деревянной лошади до скончания века, ибо пока золотой век не пресытится до степени осквернения собственных богов, практически беспрецедентной, и тогда придет черед карать нам – архангелам истиной веры.

Мы сразу поняли, куда (*) клонит, ибо были друг другу, как сиамские братья – один соображает, другой дрова рубит, третий дробит, пятый – хочет, остальные и ездют и грезют, глядя на порнографию, постоянно нарушая закон – по мелочи.

В отличие от батьки Патрекея, решившего на старости лет вновь взяться за перо с рубанком; (*) расстроила та сумма, за которую американская певица Б. Спирс дала какому-то мудаку на букву «ч» (отимели ее за двенадцать миллионов зелени, если кто не помнит, а мы об этом будем помнить всегда*).

Он стоял с журналом «ТВ ПАРК» за 12 июня второго тысячелетия от Рождества Христова, и страдал от того, что тысячу лет назад младенцы пухли в Родезии Яна Смита, а уже предвиделась белая сегрегация – и в это самое время бабуся Бритни торговала телом – и все в школьном фартучке. (Чего греха таить, старуха под конец совсем сбрендилась, не хуже Гала Девулиной-Дьяконовой-Дали-Бендер, и позировала голой на могиле Ларри Флинта – Голливуд превратился в китайскую свалку*).

- Да мы таких шлюх себе накупим на двенадцать лимонов зелени, - взревели мы, и посчитали, что если в городе Троя, до которого на нашем-то, да на Троянском Конне, пердячим паром – рукой подать, а сколько еще хулиганов сведет на нет этот безумный темперамент, гоняться по этажам индустриальных техникумов, и все больше с топором, ибо мы всегда предпочитали смертельные игры любовным.

(Все любовные игры сводились к оральным предложениям, лежа на циркулярке – ногами в стороны, носки врозь, и отдыхать – в другое место.*).

Простодушному Патрекею, которого мы, в частности упоминания тоже решили наградить символом

(*) (а потом раздумали*),

что-то, помнится, привиделось, потом он вдруг всё сразу понял, а как понял, так сразу и пошел подвыть – прибылых с матерыми, к старому гнезду, на знакомое болото, а как пришел, так и сказал, а сказал он то, что никто не слышал (кроме нас, солнцехух*):

- Всё, отблядовалси. (То есть он повторил слова Л. Утесова, когда тот пришел к венерологу в возрасте 73 лет, правда тот сказал «Слава Богу*»).

Что до экстремальных видов спорта, так у обиженных Парисом спартанцев (тоже пораженных енейцами – не говори, что силён*), с пеленок было два выхода – либо сразу утонуть, либо иметь водобоязнь до конца дней, а спартанский, как и собачий, так и конский век короток.

(Как короток наш спортивный век, когда мы жрем водку, и получается самый травматический вид этого мудацкого, бесконтактного каратэ, ибо местные рефери засуживают командировочных, и те начинают мочить в полный контакт местных; и сколь долог наш век, когда мы жрем грибы, и тянет на кун-фу, и никого не хочется никуда бить, ибо случайных трапперов здесь не бывает, а если и бывает, то либо мент он, либо демон, и мы срубаем ему голову*).

Итак, мы начали путь в брюхе лошади из обыкновенного, хоть и лиственного, но все же ж древа. (Патрекей содеял эту лошадь из Древа Желания, потому и рыдал так горько, когда отпускал нас по троянским блядям – чувствовал, что без разборки не обойдется – ибо на каждую приличную шлюху в бывшей империи по пять сутенеров, а среди них встречаются пробитые*).

Потом мы сообразили, что конь ожил, и едем мы уже не в танке (напомним реплику Вещего Олега: *«Каков был конек, я ездил на нем, как на танке!»**), а в брюхе ожившего динозавра.

Нам сразу стала ясна стала глобальная ошибка палеонтологов, утверждавших, что динозавры сгорели в огне общего пожара («За что страдали от такого пришествия, ведь были они все, как есть, некрещеные, а стало быть и нехристей среди них не было!» – выдали специально для догматов, а стало быть, по Г.Г. Маркесу - реакционером*).

Мы двигались наказывать Париса за его невежливый поступок по отношению к царю Спарты Менелаю, у которого и грех был пустяшный: «нестояние, как стабильное состояние», за такое в адский котел не сажают, разве что для алименщиков (разумеется, по ошибке, ведь и ад – сплошная ошибка, ибо любая ошибка от Бога, как высказался Великий Мистификатор, точно – демон, ибо тоже от Бога, откуда ж еще?*)

Наш Конь, которого (*), назвал Буцефалом, и взобрался сам, как статую Командора, в натуре нерукотворную, гарцевал под тему группы *«Тиранозавр – Рекс»*.

Мы поняли, что не Воля Верховного Дракона – божества зубастых динозавров и порхатых китайцев, свершила над этими грудями мяса суд, а сами же «хомосапиенс», ибо были последние были глотаемы, а потом обретали волю, как изъятие, и жрали монстров изнутри.

Здесь, как уже упоминалось, у нас было все, что надо, и сверх того – кингстон, и нары, и сбалансированная кабина, так что не было ни бортовой, ни килевой качки, и не надо было ходить куда-то по недрам нашего Троянского Коня – подблевываться.

(Им мерещились псевдонимы – от Поцелуйко до Гомосексуалистовского, был еще и Охуичев – председатель московского собрания браконьеров, организация звалась «Общество правильной охоты».

Нам надо было развернуть время каким-нибудь известным только нам, ангелам по сути своей, магическим способом, это бесконечное время, и мы его, слава Богам, подправили: мы выстрелили из пищали по жопе оседлавшему Троянского Коня (*) (он сразу сказал, что раз коня звать Буцефал, значит у него, (*) под задницей должно быть золотое седло*), тот матерно выругался, и дал нам всем шпоры, проорав в последок:

- Помните, собаки, что говорят о вас, как о солнцеоких, дескать, крутите вы землю и прочие небеса, не нуждаясь ни в чьих планах! Вот, бля, и крутите! Только не выпустите раньше времени нашего кота Муррзика – он нам же перебежит дорогу – к вражеским вратам!

Мы перескочили прямо под звездами – до самой Трои, когда она уже праздновала победы Париса над Ахиллом, ибо тот выстрелил со стены и попал тому аж в пятку (нашим героем, был, конечно Ахилл, ибо он, а не Парис, был воспет Великим Мистификатором, в новелле последнего:

«Вечное состязание Ахилла и черепахи»

где директор «Вавилонской Библиотеки» сослался на Зенона Элейского, ученика Парменида, отрицавшего, что во Вселенной может что-либо произойти.

- Помнишь? – орали мы друг другу на ухо, когда пошли на нашем коне в гору, обгоняя какой-то груженный таджикским героином КАМАЗ, шедший по правому берегу. – Как ходили в сабельный поход – за веру?!

- Помнишь, - пели друг другу мы, заваливаясь спать, но рано, как показали дальнейшие минуты и дни.

- Помнишь, как мочили циклопа? – спрашивали мы, не зная, что будет дальше, ибо рулил конем (*), а значит все было, как у Антона Павловича – никто не знал правды (а правда, вот она, под жопой, ибо ложь, как пел нам Владимир Семенович «ускакала на длинных и тонких ногах»*)).

Вспомнили: как сказал в видеозаписи за 37 год некий Глоба (предсказатель*), что ровно через 63 года, в лошадиный праздник у того, у кого через неделю до Рождества, найдется рыжая родинка рядом с третьим яйцом (которое летает*), будет фаллос Буцефала (того самого, что хоть и не в сенате, но тоже конь Двурогого, как воспето в Коране *).

((*) сразу включил ящик – через систему оповещения «Авакс», и увидел себя в рекламе хоть и вороных, но все ж блондинистых кентавров, и от этого от всего ох(ПИСК)уел – там был он, как средство передвижения и хрен тут не при чем – зачем тебе полметра полезной площади, что пара воронов пасутся, и еще коромысло можно зацепить – с двумя бурдюками (это для души*); если зад у тебя – лошадиный?!

Именно тогда (*) призвал вскрыть циклопу не глаз, а брюхо, ибо по телевизионному заявлению капитана Писюхайло, тот только что пронес через белорусскую таможенную 64 контейнера с героином (один был как раз вместе с тем тягачом, который сейчас обгоняли – практически на взлете*).

Вот когда Одиссей (*), в натуре, прогневал Посейдона, что тот залил соплями сушу, до чего ему было жалко потомка своего (а циклоп был его потомком по дедушкиной, а стало быть, китовой сперме, причем по цыганской линии, и в сухопутных кругах царя морей называли «цыганский барон», за его манеру носить в обеих ушах по гимнастической гире – тех самых, что забросил в море Балаганов (Степаныч*), когда выяснилось, что Паниковский (Самуэлич, мы его помянем – в 12 главе*) соврал, и они не золотые – Посейдон же решил, что они-то как раз и золотые, за что (*) его и презрел – задумайтесь об этом!*)

Господи! Что было потом – помнил лишь Одиссей (*).

Воистину чистый Шиллер! Коварство и любовь!

Мы, объезжая на нашем деревянном, Троянском, трижды возлюбленном этом коне, где даже к собственной заднице пламя костра поднести – и то возбранялось, узкую дорогу, уже практически удержались на обочине, и вот оно, село Подгорное, где и в ясную погоду о самый конкретный столб в мире бьются все, кому ни лень, а мы то перлись воевать – как всегда ночью (потому что ночью звезды горят, и все о любви говорят*).

Вот нас срывает с дороги, и деревянный конь с деревянной же елдой и головой ржет, как резанный, и думается нам – если в этой стране есть ФСБ, то на хрена ж нам тут цыганский табор?! (Его огни сияли, отражаясь от синевы небес – то была Троя, такая, как ее выкопал Шлиман, если вдуматься, то и Гитлер – это псевдоним, а по метрике Адольф – Шикльгрубер).

И думалось нам далее:

если уж тут одни колдоёбины, то хотя б ставили возле каждой ямы – по живому мусору, как стали ставить возле каждого ствола конопли – по пожарному, и то – благодаря нам, трудогольным, что заставили человека читать книжки с ящика – вот он, не выдержав удара, поймал НТВ, и стал показывать ужасы из цикла «Охотники на маньяков».

- Девушка! - орали мы Афине, вертящей жопой под синим лавсаном материей, думая об одном: как быть, если вдруг узнаешь, что богиня твоя – трансвестит, и что большой грех – думать так, или уличать в этом?

- Что за жизнь пошла – ставили ведь в Сочях лохотроны, а теперь все больше – лесопилки в Костроме! Тяжелые, понимаешь, времена!

Но нету девушки – нынче трудно встретить особь с мозгой, а так же все остальное.

- Господи! – вопили мы, зрея этот свой, «один на всех понятный» телеграфный столб, электрическую эту опору, с бетонным основанием и деревянным вкладышем – а там, вверху, поют колыбельную стальные провода – и смерть выводит на них, аки обширявшийся дьякон на двуручной пиле:

«Глюк, глюк, глюк, глюк...»...

И дальше все, как у Владимира Семеновича – разбег, прыжок, и два двенадцать, только за черту я заступил.

Видели мы все это, и не раз, так что, когда обнаружили себя живыми, то и возмутились вообще такой ситуации (Дураки, бля, прости ГОСПОДИ!*)

Господи! ЕСЛИ БЫ...

То есть, ЕСЛИ ты сохранил нам жизнь, то сразу поняли мы, что не чудо то, что мы нынче не убились, а чудо то, что на свет, ваще, народились!

Вот теперь хари и щемим, - как пел Булат Шалвович - то по врозь, а то попеременно. И Будда говорит – аскетизм, конечно, один из возможных способов

просветления, но не до такой же степени, чтоб пред этим не вкусить жизни, а вкушая эту жизнь, просто взять, помереть («если правда оно – ну хотя бы на треть»*)).

Господи, колода мы, плавающая по морю, или та самая черепаха мы, что каждые шестьсот лет высовывает голову из воды, и попадает в эту колоду – вот тогда и рождается Одиссей (*), и прется, прется по этому синему морю, хоть по воде, а хоть по суше – достигает, гад нирваны, пользуясь тем, что родился, и опять не убился, а мы, ворошиловские стрелки, ё моё, сидим здесь, в брюхе этого коня, блюём кровью пополам с опилками, и должны соблюдать карантин на траву и водку, не вздохнуть, ни, прости Господи, пукнуть – иначе сглазим, и (*) опять не впишется в поворот, и конец небесной компании – белокурые опять сгинут до нового пришествия, а когда оно – никто не знает, потому что никто не помнит, когда было первое.

Господи, тормозни Афины – она хоть и бывшая, но все ж Богиня, и устроим мы ей Ярилины дни, и девственность, вон мордатый врач по ящику глаголит, бес ему в лапоть, не имела до искупания Владимирской дружины на Днепре, никакого значения, мы ж на Руси живем, здесь же дрочим!

И во всем себе отказываем, господи, мусора кругом!

А под каждой кочкой – по живому черножопому, вон она, впереди нас, золотая Троя, - не святая земля, а паскудный рынок, где наших, белооких, синеоких, и золотовласых девок дерут куда хотят,

Господи, ну и долго ж мы будем терпеть? Этот невольничий рынок, Господи, ну они у нас допросятся.

Кому-то их воевать, Господи, ну вот (*) и пришпорил. Он на то и (*), Господи, потому что ты его хранишь. Ну и нас, гребцов его, всех, да маленько.

(Мы пролетели еще метров тридцать – до нашего последнего столба осталось немного*).

И вновь возопили, взмолились, уливаясь слезами, ибо время растянулось, и проплыли пред носом часы Великого Сальвадора – те самые, что всегда показывают точное время.

- Где ж те язычницы – двойняшки, что впрягутся в каменный плуг, да и обойдут нас, запашут, по старому славянскому обычаю, защитят, да защитные рубашки пошьют?! Как их... Обереги!

- А то ведь не доживем до совместной с НАТО операцией по поимке в таджикских плантациях известного террориста, эх, забыл фамилию, ну, что там, у Владимира Семёновича дьяки курят?

Ладан!

Не повоюем в сласть, и передохнем не от ран, а от радикулитов, Господи, а и то верно – выжлецам – по задницам - выжлячья шерсть, а смерть – собачья.

Вот он, наш танковый конек, которого задумал (*), она ж нам и есть, как дом, где дома церковь – здесь нет неизбежности, и на все дается рецепт! Дай рецепт, Господи! А то еще мгновение, и впишемся – не дай победить демонам над нами! Не дай обосраться, Господи!

Кто мы, Господи!? Зачем хранят нас наши Ангелы, и раз хранят они нас, значит, мы зачем-то ткнулись головами – о жопу (*), пока он болтался в этой самой единственной буддийской колоде, как в православном нимбе.

Вот и сейчас, Господи, уеблися бы, убились бы, ежели б не уперлись по мягким, белым, ангельским крылам, они ж как подушка безопасности – только подушка эта, если раскрывается на импортных конях, да железных, а не древесных, как у нас, до додушивает, ибо как правило после удара, особенно лобового, в котором кипят страсти и летят мозги, перехватывает дыхание, здесь же не то...

Столб-то конем снесло, и во всей Вселенной черти запустили фейерверк, но рано радовались, дураки, ибо заговоренные мы – вон, только ребра с руками поломали, и только грезилось нам, чем там рулит Одиссей (*), и как говорят нам подруги – мол, чего, скоты, без гипса, и где щиты, с которыми подмышками (их только что побрили «Мессершмиты»*), и на которых выносим собственные кишки – собственную стаю кормить, иначе они не ГОНяют, и созвездие ГОНчих псов застынет на месте, и потухнет Орион, остановится Воля твоя, Господи, но такого ж быть не может.

Хотя, бывает и такое, что столетия пощадили эпитафию коню Адриана и стерли его собственную, и узнали мы про это только потому, что сэр Томас Браун, один из самых смиренных слуг твоих, вспомнил про коня, а не про Адриана, но ты уж, пожалуйста, не забудь ни про нашего коня, ни про нас, ни про Одиссея (*), мы его про меж себя зовем то хитроумный, то хитрожопый, то стебанутый, то (ПИСК*), (ПИСК*), и еще раз (ПИСК*).

Это сэр Томас Браун нам накаркал, что Нимврод затерялся в Орионе, Осирис превратился в Каникулу, это он, самый постыющийся из догматов, сказал, что не знает действительно бессмертного, кроме собственного бессмертия!!!

- Бессмертие, - уяснились мы, и поправили в пирамидах автоматы Калашникова, маскированные под охотничий карабин «Сайга», нумерами с первого по двенадцатый (тринадцатый наверху, в обнимку с (*)*)).

- Оно, как адреналин – его не колют в зад, его пускают прямо в сердце, а когда его нет, то нет любви – сердце стонет, и мучается жопа.

Она мучалась у (*), когда он оседлал Троянского коня, и двинулся на троянцев, состригнув кудрявые локоны, развеяв их по дороге, напялив ботинки от покойного кавалериста Василия Иваныча, те самые, в которых тот сгинул на Урале – сбежал от Патрекея, палящего по домашним гусям из «Максима», славного на Руси ловчего, и пел английскую частушку Германа Мелвилла (1819-1891):

«Будь я ветром, я бы не стал дуть в этом несчастном мире!»

Он вспомнил, как провожала его Пенелопа, ибо понял он, что ей, царице Итаки, глубоко наплевать на все, кроме здоровья Телемаха.

- Ну и верно, - думал Одиссей (*), понимая, что конь разбился о дьявольскую преграду, что Гомер слепой и врет, как сивый мерин, и что такого количества идиотов вместе не собирается, даже за вражескими стенами – Господь разбил коня, ибо помнит о нас, и послал испытание – и вот они, черномазые троянцы, лезут на нас, поломатых, недуром и падлючим скопом.

- Рано расслабились, братки, - только и сказали мы друг другу, и вошли махать первыми, но перебить дозор не получилось – мы ослабли после того, как (*) не справился с управлением, да говорили ему – больше двухсот (морских миль*), разумеется, в час, не продвигайся, потому что конь хоть и свежесрубленный, но все же деревянный, а Патрекей хоть и ловчий, но не столяр, и что рулевые тяги – не в (ПИСК*), ни в красную армию.

Врал слепой старец Гомер, что, повывлезав из конских недр, нам легко досталась победа.

Соврал в веках, а все остальное – чистая правда, и то, что царство Аида под нами, и путешествие вниз всегда хуже полета вверх, потому что внизу - пропасть, аверху – синие небо.

Одно правда – троянцы обширялись своим же, цыганским зельем, воевать понаехали с обрезам, на новых заграничных тачках, на грудях у них были цепи золотые, а вместо сапог – турецкие тапочки.

Что до всего остального – тяжело в деревне бЭз нагана.

- Ну, а дальше что было? – спросил Патрекей, любуясь остатками Троянского коня, стряхнув с правого сапога злую гадюку, ту, что перепутала его с Вещим Олегом, который тоже не преминул отмстить неразумным хазарам, тем спровоцировав некоего Павича сбавать им в каждое колено – по собственному словарю (в доме, который построил Джек, в исполнении народного артиста СССР И. Ильинского, земля ему пухом, какой мужик был, до волосатой старости студенток Щуки имел, куда хотел, а хотел – куда известно*).
- Как что? – ответствовали мы, чесанув благородные му(ПИСК)де. – Дальше слепой старик все правильно отписал – пере(ПИСК*)дили троянцев, как могли.

Да если б на повороте не занесло, да тягачи не подрезали – действовали бы более гуманно, и даже были готовы вести переговоры, мол, верните Менелаю его блядищу, он всё ж спартанский царь, а не хрен собачий, а все наше седомудое юношество воспитано на кинокартине «Триста спартанцев», ныне снятых в чистом «мультимедиа», которых, помнится, закидали стрелами, но они так и не дали священных останков своего вождя, как вдруг троянцы отказались от торга, взяли заложника – из наших, из русских греков, пенелопиноного брата, пугали его паяльником, били его по роже, но он лишь окреп духом, ибо верил в (*).

- И что же (*)?

- Затребовали самого, и желательно живого. Хотели казнить.

- ???

- Казнили самих.

- Ну да, - сказал Патрекей, присев коту Муррзу, у которого блестели, как у кота, яйца, тот заорал про март пятидесятого, а потом сгинул. – Если не живете, то и не помирать.

Позже Великому Мистификатору, Х.Л. Борхесу приснился сон, которому он посвятил свои «Метафоры «Тысяча и одной ночи», вот финал этой короткой поэмы:

*Арабы учат, что никто не в силах
Закончить Книгу Тысячи Ночей
Те Ночи – сна не знающее Время.
Читай же их, пока не умер день,*

И жизнь твою расскажет Шахразада.

А сон такой: вот катит в своем деревянном танке пьяный (*), вот из троянских ворот вылезит длинный нос лимузина царя, вот мы проезжаем ему прямо по носу, конь наш рассыпается, а бронированному мерину – хоть бы хрен, это вам не мерс Дианы, за этот ворованными лошадьми, да ханкой плачено.

Вылезит не сам барон, а весь его паскудный выводок, хватают монтировки, ну (*) не стал дожидаться (был контужен*), а тут и мы подоспели.

Те денег не захотели, а попросили голову (*), так началась эта шахматная война – Гомер ошибся еще в одном – она лошадью не кончилась, он с лошадки началась, той самой, которая у Великого Комбинатора ходила, как хотела.

«На деревянном коне отправиться в ад», - читаем в двадцать второй главе «Саги об Инглингах», этот бесконечный сон о кёнингах, явился к нам следом от Великого Мистификатора.

Там же он вспоминал сонет Кеведо, посвященный памяти герцога Осуны:

*Его могила – фландрские походы,
Кровавый месяц – надпись на могиле.*

Вот так. А вы, суки, желали подтереться нашими сердцами.
Наши сердца достанутся не вам.

Нас, всадников Троянского коня, в качестве группы захвата похвалила королева островного государства Тонга, что недалеко от Новой Зеландии.

Мы не поняли ее языка, имени своего королевского не помнила, но сказали друг другу такие слова:

Друзья, было бы у нас по восемь рук, мы бы держали в них по автомату, по перу, по дирижерской палочке, а то и по кисти Великого Сальвадора – всё равно эти собаки всё распродали с молотка;

а было бы у нас по восемь крыл, как у Серафима, мы бы умыли землю слезами, ибо только и делали, что летали;

порой измена разрывает наши сердца, и мы теряем перья, потому что не терпим измены, нас обманывают, а мы верим не потому, что глупы, а потому что людям хорошо, когда им верят;

порой неведение спасает нас от неминуемой смерти, ибо, если бы мы увидели всю несправедливость, творящуюся в мире, упали бы в океан, и нас бы сожрали акулы, которые чуют нашу боль, ибо она – та же кровь; но мы есть.

Мы плаваем покамест.

А когда ж всё это кончилось? – спросили потом репортеры.

- Как только небесный диджей послал нам новую песнь, и мы её поймали.
- Это как?!
- Мыльницей.
- ???
- «SONI».

* - Не зря озорник Гудвин подарил девочке Элли зеленые очки! - вскричал из нас двенадцатый присяжный, окуривая Муррза нюхательным табаком, и наблюдая блошинные скачки. - Именно поэтому та ему ни разу не изменила, так и улетела на своем летающем домике, оставшись навсегда девицей. Ведьма она была*.

11

* После такого выступления мы решили ровно на неделю завязать со всеми мероприятиями, преследующимися по закону, ибо наш дежурный астролог, раскинув свое “звездные карты”, заявил, что опасность где-то рядом, и что нам не дадут в тюряге поставить компьютер, и нам придется царапать текст на стенах, а стен может и не хватить.

Мы сыграли его звездными картами в “бридж”, лишний раз познали истину, которой нет, на том и успокоились. Потом мы должны были уснуть, пока не начал греметь холодильник, мы задремали, но перед тем, как провалится каждому в свой колодец, и,

пролетев подземными и подводными ходами, вновь повстречаться, кто-то из нас (не помним, кто именно*), сказал - в потолок то ли особняка Питера Устинова в Женеве (он иногда впускал нас к себе побичевать*), то ли каюткомпания “Нового Ковчега”, то ли большого белого облака:

- Если бы нас было не 12, а, скажем, 33, то мы, “совокупные все”, в сумме были бы одним Бдящим.

- Буддой, то есть.

- Ну да.

“УсраЦа можно”, - написал из нас тот писатель, что хуже всех знал грамоту, и потому раньше всех вставал, - прямо, как его гнедая кобыла Зараза, - где-то там, в сухопутном разделе нашего мира, весь в мыле.

Ему снились грамматические кошмары.*

1. - Возможно, такой стресс, такая волна насилия и явилась причиной беспокойства этого ребенка? - спросила наша хлебосольная вдова, свесившись снаружи нашего сумеречного окна - с третьего этажа принадлежавшей ей некогда виллы, аж на второй.

Мы решили, что Муррз придерживал ее за ноги, наивно думая, что мы все сорвемся отрывать ей голову - до того достала.

Тот из нас, кто знал толк в древнейших татуировках, - там всегда преобладал языческих параметров фаллос, - даже сказал, что, мол, Творец создал это тело, а мы его, дескать, давайте украсим, то есть удалим все лишнее.

- Может, она и права, - сказал кот Муррз, захлопнул ставни, и в который раз исчез. Начинался ледяной ливень.

Мы оглянулись к камину: там восседал Антонио Вивальди, и с восторгом напевал высекающей искры из электроскрипки Ванессе Мэй (она играла “Осень”):

“Два бездонных океана глаз, океана глаз”.....

- Правильно, - сказал из нас, что звался “Наблюдатель”, - я давеча порылся в архивах MTV, за 28 октября 1999 года. Этот, чисто русский, хит соскочил в национальной десятке на второе место.

- И что?

- 12 девственниц тут же сошли на нет.

- А кто взошел на первое?

- Никка Хаккинен. Но он потом отказался от победы, ибо все равно пришел третьим - у всех представителей “Феррари” нашли какие-то ракетные двигатели. Прямо, как у нас.

- А кто на десятом?

- Эпоха большой нелюбви.

- А на восьмом?

- Лучше бы пил и курил.

Мы запили и закурили, сели в джип ”Аллигатор”, напоминающий волгоградского тракторного завода, асфальтовый каток, вновь забыли отвязать от бампера атаманского фокстерьера, которого звали, точно так же, как известного садиста, которого замочил Лысый (А.С. Балаганов), и помчались к другу, у которого всегда было “что-нибудь такое”.

Когда на правое колесо размазалась чья-то невинная душа, мы сообразили, что въехали в город, едем по тротуару, а за рулем - огромный черный кот Муррз, в красном пасхальном банте - с блестящими шипами, - то есть нас везло то, чего, по строгому Конфуцию, нет.

- Ни хрена себе, - тихо прихренели мы, мужья ученые. - Это действительно тот самый кот, которого нет.

13

Глава тринадцатая: “МАКУМБА”

(ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

Кат. 1, стр. 544, № 1213, (с. 1).

----- В тот день мы проводили Одиссея (*)
взглядами – он улетел на воздушном шаре искать счастья.

Никто не знает, сколько по времени и тектонических периодов (юрский, меловой и т.д.) он мотался в небесах, уже хлопнулась на землю та самая комета, что прикрыла всю нашу гончую стаю, состоявшую исключительно из тираннозавров, вожаком был Рекс, на зачистке – Норд (хоть и заходил с юга, это его следы нашли наши американские коллеги – хотя какие они палеонтологи – вот же наши следы, двенадцати гребцов Ковчега (что ж мы, не узнаем собственный след в истории?!*), а вот – Одиссей (*), спускается на своём воздушном шаре, но, судя по тому, что он выбрасывает, как ненужный балласт, он приземляется не собирается.

Вот полетело спиртное и сигареты (не сами предметы, а привычки к их употреблению*), мы ожидали, что полетит и всё остальное, но, как видно, (*) решил пожертвовать наиболее вредными для здоровья склонностями – сквозь корзину этого стратостата мы зрели, как исчезали шрамы на его сердце, вот он набирает прану (жизненную силу*), и приземляется к нам – на облако, взмахивает полами черного плаща с красным подбоем – вот его фамильный меч (украден впоследствии цыганкой по имени Кармен, но мы его вернём, мечи не пропадают, это вам не вобла*), вот: почётный дан «за подвижничество в спорте», мы вгляделись ему в лицо в надежде увидеть его эмбрион, и начать всё сизнова, но глаза выдавали безупречный опыт, а шрамы горькой памяти остались.

Решили отметить это дело и смотаться за спиртным и сигаретами (мы прочно сидели на том пушистом облаке, что зовётся «каюткомпанией», и никакого балласта сбрасывать не собирались, это (*) вечно экспериментировал – на выживание.

Мы посадили самца черной кошки Муррза в дамское седло, и поехали ему за желудочным порошком, ибо из цветущего, злобного кота, которого не было, он превратился вдруг в банального доходягу, имеющего кошек (вместо конфуцианской философии).

(ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

Кат. 1, стр. 545, № 1216, (с. 1).

Правда, лик самого Конфуция так у него и остался – между верхними клыками, но сегодня Учитель пребывал в депрессии – вместе с котом, которого не было.

Да не заподозрят нас в пидераSSСтии подавляющее меньшинство (их стало больше, чем было в старину, при Грозном*), мы, много людей и одна кошка, любили друг друга.

Мы любили друг друга не в чью-то пользу, а так, для себя – с утра до вечера, ибо были все, в архангельской сущности своей – одно и то же.

Мы решили прошвырнуться в ближайший сельмаг, - прямо на лошадях, не спешиваясь, и вылавливая “тенетами (сетями) местных мусоров в стиле “Neu Radicals”, с той разницей, что напевали мы отечественное, “нулевое”:

“Человек и кошка
Порошок тот примут,
И тоска пройдет”.

Мы решили прикончить первую часть нашего бесконечного повествования, вылечить кота, и разогнать тоску.

- Да уж! – то и дело вскрикивали мы, как братское потомство твое, Господи. – Вот такая игра в юмор – сатанинская.
- Чего это? – слышалось, из-под сизого облачка, снизу.
- Да то, что все окрестные шлюхи у нас в неоплатном долгу.

Мы собрали по окрестным деревням столько Муз, сколько могли прокормить и пропойть, встали между ними, и стали загадывать желание.

- А какое было желание?

- Желание у всех было одно, ибо все мы были, как Фриш с Дюренматтом, огонь и вода, осьминоги и рыбы, раки и львы - единоутробные.

Когда желания исполнились, мы посмотрели на небо - там “Тет-а-Тет” летели квачи, означая приход матологического Нового Года.

Пора было перестелить простыню на скатерть, созывать окрестных троллей, накрывать на стол и пить водку.

(ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

Кат. 1, стр. 297, № 658, (с. 2)

Потом подошли, как их называл маркиз де Пуболь (Дали*), “живые крекеры”. (Кто подзабыл – титул Мастера, дарованный ему королем Хуаном Карлосом, в честь другого маркиза – де Сада, столь Мастером любимого)

(ИЛЛЮСТРАЦИЯ)

Кат. 1, стр. 296, № 656. (с. 2).

Они пылали своими туманными гривами, приветствуя застолье.*

*

Настал день короткого расставания: мы нарядились в латы, залезли на скакунов, взяли по тупому шесту, и решили устроить турнир.

С нами не было лишь Одиссея – мы оглянулись.

(*), верхом на своем вечно взнузданном Буцефале, играл своим копьём в “конный бильярд”

(ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

Кат. № 1,
стр. 349, № 788.

Это была наша, семейная разновидность поло, предложенная цивилизации на вшивость, как новый спорт – при удачном ударе этого гигантского, литого шара, легко можно было открыть пространство, имеющее форму Вселенной – со всеми включающими элементами, по числу тринадцать (мы не могли

устоять перед таким удовольствием – обожествить чертову дюжину*).

В тот день, когда мы уже ровно год печатали на том бортовом компьютере, где мышь повесилась, это бесконечное предложение:

“ночь, ночь, ночь, ночь, ночь”,

надеясь вызвать “эффект Вознесенского”, когда он из “тьмы” родил “мать”, тот из нас, кто привык всегда и до всего доходить собственной кишкой, заорал, как бешеный, и подскочил к (*) Одиссею, который попал в лузу под названием: “Феномен духа в искусстве и науке” К.Г. Юнга, и под ним запылали восемь жирафов – без единого пятна – на фоне траурной арки.

(ИЛЛЮСТРАЦИЯ)

Кат. № 1,
стр. 355, № 804.

- Улисс - латинская форма имени Одиссей! (*), - заорал Брат, как громом пораженный.

- Точно, - сказал Одиссей (*). - А вот послушайте:

“Уллис”- это неподдельное одиночество, это действие, исключаящее свидетелей, это отсутствие почтительности, выводящее из себя старательного читателя. Джойс навлек на себя мое неудовольствие. (Никогда нельзя сталкивать читателя с его собственной глупостью, но именно это проделано “Улиссом”).

Мы так и охренели.

- Но если ты, настолько хитрожопый, пардон, закодированный (*), и если ты - Одиссей, а стало быть - Уллис, значит, все претензии - к тебе, -

- Феномен духа, братья мои, феномен духа!

Прёт всех!

Вопрос: кто прётся?

(А прутся – кто?!)

Мы подняли головы – на нас падал метеорит.

- Надо быстрее поймать нашу чудную музу! – заорал тот из нас, кто быстрее всех принимал решения.

(ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

Кат. № 1, стр. 301, 302,
№№ 670 - 669

- Все теплокровные особи перед смертью кончают, - успокоил его тот из нас, кто был всегда и всех хладнокровней – он просто все время спал, и каждую минуту знал, что сам – плод сновидения.
- Ну вот, успокоимся дополнительно.
- Да не дергайтесь вы! – сказал (*). – Вы похожи на лесбиянок в ожидании супермена.
- Какого такого супермена?
- Того, что играет на божественной арфе, сидя на носу “Нового Ковчега”.

(ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

Кат. № 1,
стр. 296,
№ 657

Мы вгляделись: на носу уже сидел (*), играл на арфе, позади него трахалась пара молодоженов (кого-то из наших – не досчитались), позади сражался со своим безумным фортепьяно водолаз в тяжелом снаряжении, на палубе воспроизводил Великого Моцарта оркестр, он же был и компрессором, ибо водолазом был сам Мастер.

Впереди рухнул, наконец, метеорит, доски на сцене запылали и по этой вечной шекспировской площадке заездили мы – добровольные жители массовки (нам нравилось быть вместе, жизнь на сцене во сто крат интереснее, чем та, которую зрит свидетель*).

Мы неслись с этой плоской горы, то роняя, то поднимая друг друга.

(ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

Кат. № 1
Стр. 373
№№ 842 - 843

Затем Музыкант покинул сцену, в его инструмент протекла вода, и из него выросло дерево.

Мы стали вечно движущимися, мятежными призраками, пока не отпечатались на заднике бесконечной сцены – навсегда этого Театра на память.

(ИЛЛЮСТРАЦИЯ)

Кат. № 1,
стр. 182, № 411.

Мы решили оставить (*) в покое вместе с его дурацкой депрессией, потому что ему что торбобур зашить, что за баранку посадить – все равно развяжет.

Что до денег, так нас не волновала никакая из реальных сумм – по большому счету, мы не любили ничем таким шуршать, а что до философии, то род людской тут был вообще не при чем.

При чем тут люди? Цивилизации? Санскриты? Настоящий карнавал случится тогда, когда в едином лесбийском порыве сольются Волга с Амазанкой, со всей сопутствующей живностью, говорящие щуки – с зубастыми пираньями, а баклешки – с попугаями (в красных подштанниках*).

Когда в священном Ганге перестанут мыть ноги дебилы со всего Старого и Нового света, когда в Волге – матери перестанут толпами топиться пьяные поэты, когда любители перестанут гадить под себя, - только тогда старик Гомер обретет глаз, а Вандер сбациет ему “Тайную жизнь растений”, вот тогда я отпущу твои муде, - говорил Одиссей (*) Циклопу, который чуть не плакал – от злости, боли и страха, потому что левой рукой его, великана, посеидонова сына и т.д. держал яйцо, а правой – уже занёс фамильный тесак из чистого серебра с позолотой, для кровавого, стало быть, соития.

- Воды – как тексты, - продолжал Одиссей (*), заглядывая этому островному пастуху в его единственный, полный мольбы о пощаде, глаз, (а вначале пожрал немало наших, гад*), - они идут помимо воли, они блаженны и прозрачны, они не дают своим рыбам страдать, а страдают они только от людей, как люди – от демонов.

- А демоны эти ваши – кто? – спросил Патрекей. - Они тем и слабы, что под микроскопом. Архангелы приглядывают за их дурацкой судьбой – как бы черти не были вездесущи.

Потом мы отослали Полифена на (ПИСК), подняли стяг с ликом Спасителя, воздали к нему руки, которые нередко умывались кровью врагов, затем на всеобщий обзор была выставлена черно-белая фотография (*), где он на своем Буцефале, копьём открывал шарообразное пространство нашего театра.
(ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

Кат. № 1,
стр. 353, № 800, (с. 44).

Того театра, под которым, когда на его месте еще был белый, чистый лист бумаги, подписался Мастер.

14

Глава четырнадцатая: “ДВА КАПИТАНА - 2”

“И ты славный сын Фигераса Нарсис Монтуриоль, тот, кто придумал и выстроил первую подводную лодку, устрями на меня свой затуманенный взор!”

“Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим,
О СЕБЕ И ОБО ВСЕМ ПРОЧЕМ”
(Нью-Йорк, 1941 г.) 1*.

- Нарсис Монтуриоль (1819-1885) - испанский изобретатель, автор проекта подводной лодки - первой после А. Македонского и Л. да Винчи, - пояснил Одиссей (*), захлопнув

книгу Великого Мастурбатора, и стал плавно погружаться в депрессию, - ему не давало покоя известие двухтысячелетней давности, что он теперь вдобавок еще и “Уллис”. (И на него упала шарада К.Г. Юнга*).

- Между прочим, скандинавский провидец Эмануэль Сведенборг, тот, о котором Вольтер сказал: «Вот! Самый удивительный среди людей», а Эмерсон назвал – типичным мистиком, так вот, он всю эту хуй(ПИСК*)ню, что составляет теперь главную угрозу нашей безопасности, придумал Сведенборг, а не Монтуриоль.
- Тоже мне, ангел с пчелиными крыльями. (Он осмотрел свои, палевые, и почистил нервюру, аки пёрышко).

Мы лишний раз подивились мере его актерского дарования, ибо у всех нас, мужей ученых, возникло ощущение, что он - желтая подводная лодка, и передвигается в битловском ритме.

(Мы потом напомнили ему, что надо бы пустить и настоящую главу в это бесконечное погружение, тем самым, озаглавив музыкой роман – «с музыкой»).

- Если у нас миссия, братья мои, то жизнь наша расписана Творцом. Если нам суждено уйти в колодец нирваны, то мы изменим ход истории - в том случае, если такой ход действительно предначертан.

У нас два выхода - или впасть в транс, и не вмешиваться в ее ход, или не впасть, и хлопнуть люком, - тогда пусть эта цивилизация катится в открытый кингстон, вместе со всеми ее нечистотами.

Мы решили ничего не менять в планах Творца, (а заодно и не потерять в его бесконечных глазах, ибо был бы выбор – не было б пророков, и Одиссей об этом знал*), и манёхо передохнуть.

Одиссей (*) провел зажигалкой “ ZIPPO” (он еще называл ее “ЗИППЕР”*) по 12 потухшим бычкам, и стал ТРИНАДЦАТЫМ.

Люльки наши вспыхнули с утроенной силой, мы увидели вокруг всех злых духов (разом*).

Они были похожи на компьютерные вирусы, то возникали, то пропадали, щерились, презрительно глядя на дохлую “мышь”.

Они пытались завладеть самым дорогим, что у нас было - нашей памятью, со всеми ее виртуальными сокровищами.

Мы, по совету классика советской драматургии С.Я. Маршака, “веселую гурьбой, кинулись в бой. Эй, быки и носороги! Выходите из берлоги””.

Мы выбросили в окно ящик, предварительно выслав вниз эскадрон своих - пока он летел, то хотя бы проветрился.

В тот день, предаваясь чистому созерцанию, той самой ее степени, что Бернард Шоу в доме, где разбиваются сердца, назвал “Седьмой”, Великий Мистификатор стал закрывать глаза, ибо увидел “Великого Мастурбатора”.

Началась Эра Затмения, ибо Борхес перестал быть Бдящим, и стал Слышащим (ослеп писатель, потом работал в библиотеке*).

Мы плюнули на весь этот сухопутный официоз, решили прерваться, и линять на охоту - куда-нибудь на русский Север.

Мы зафрахтовали каяк, и поплыли бить тюленей - у одного из нас выстрелила его восьмигранная, старинная, кремневая фузея - вышибло борт.

Мы заткнули дыру задницей нашего младшего брата разуму и крови, но все равно, через некоторое время каяк утонул, а нам пришлось в полном водолазном снаряжении, пробиваться к Южным Курилам, но вода была ледяная, моча подступала.

- Принял решение - (ПИСК*) в штаны! - передал Одиссей (*)

Мы переглянулись - в этой черной бездне, - где-то в глубине возникла тень огромного чудовища, и ужас парализовал нас - у всех нас никогда не было страха во время ночных прыжков, бывало и без парашюта, но от такого всякий раз захватывало дух, так что мы лишний раз убедились, что Одиссей всегда принимает правильные решение, на то он и самый среди нас - (*).

15

Глава пятнадцатая: "Страсти рожают шторма"

Одиссей (*) всегда лыбился с закрытой пастью, ибо ему еще в детстве во время морских сражений веслом обрубил правое ухо и зубы рассеяли – по ветру.

Как-то Патрекей сказал ему:

«Давно уже лыбисся, сынок», на что (*) возразил, махнув по яйцам Муррзику – то есть запросто простёр воздух:

Типа,

«Все мои женщины поклялись, я же не клялся никому, даже мужчинам, иногда только говорил «бля буду», и был им».

(В переводе на человеческий язык, он выставил из-под соленых вод фаллос, и он стал служить нам всем – перископом, и мы увидели в него подлетающую ангелицу*).

Мы сразу вспомнили, что в своём «Бестиарии» Великий Мистификатор Борхес упомянул о драконах, зеркальных существах, гарпиях, трехногих ослах (об одном таком снял фильм Великий Мастурбатор, и назвал его «Андалузский пёс», птицах «Феникс» (есть у нас такая, в красных подштанниках, Фениксом же и зовут*), кентаврах (с одним такими (*) постоянно путали*), демоны иудаизма; двойники, единороги, валькирии т. д.,

а в его исследованиях ни слова нет о той, на которую нарвались и мы.

Ели бы нам, глав этак через тринадцать, не пришлось вновь возвращаться к этому вопросу (речь пойдёт о валькириях*), то мы выяснили бы всё это уже сейчас, но девка была уж больно хороша. Валькирия, то есть. Тётка, встречающая душу воина – и не важно, отчего он погиб: рухнул с этажей на вилы, или стал весь высосан вампиром, да ещё самкой.

Мы определили её в подвид: «редко встречающихся ангелиц, и Одиссей (*) назвал её:

«Красная Соколица с Синими Глазами»

(Такими синими, какое бывает море, - нашел он же потом в кёнингах; мы же пересели на катамараны «Торнадо», те, которые летят по ветру, да с такой скоростью, что поёт такелаж, и погнались за одноимённым тайфуном, ибо зрелище завораживало, это правда, как правда то, что обезьяна – это преобразившийся человек).

Таковой она привиделась (*) во сне: сначала его в безымянный палец правой руки укусила черная змея – в тот же день ему сломали правую руку, ибо после Троянской Войны она у него не по шву срослась, и он решил, что это всё, но потом он сам себе двумя граблями съездил по обеим челюстям, и он уже подумал, что всё это на соколицу с синими глазами и красными перьями валить не гоже, и уж не мусора ли это вообще – втесались в доверие, и стали соколами, но потом сообразил – в таком оперении приходит та женщина, которая послана тебе от твоих же слезных молитв – избавить от каких-нибудь страданий, скорее всего душевных.

Во время таких молитв мы были невинны как девочки и мальчики – одновременно, все, кроме Одиссея (*), ибо даже когда ему прямо по ногам в лунную ночь на новый год пробежало стадо кабанов голов в двести (Деревня Парижская комунна, Лысогорского району Саратовской области), то он и тогда думал, что с ним местные демоны заигрывают.

Мы молились за то, чтобы когда-нибудь этот мир перестал заболеть страстями, да такими, которых бы мы не пожелали – врагу.

А когда нам сначала приснилась, а потом явилась ангелица-соколица, и взглянула нам в глаза своим прозрачным оком, мы вспомнили о море, хоть и не морская она птица, и увидели мы слова своих молитв – она нашептала их нам, они стали прозрачными кристаллами, быстро распадающимися на то, из чего состоит мир – они превращались в НИЧТО, и Великий Мастурбатор не соврал: он поймал время за хвост, и закольцевал его – вокруг ВСЕГО, что только можно.

Ангелица-Соколица свалила нас на землю, и закрыла красными крылами – вот оно, избавление, чистое, как вода, и ясное, как конопляная ветвь, та, что растет на вершине, но тогда мы не знали ничего, и знать не хотели.

Её спугнул (*), когда он устроил шквал, ворвался в храм Посейдона, и заорал:

Ёще слово, и вы все будете беременны;

Или:

Одно моё слово, и вы все беременны;

или:

и все – не от меня!

Или:

Не царское это дело!

Или:

Кто из обслуги слово супротив меня скажет, тот немедленно обосрётся!

Потом он заметил Патрекея, который вскрывал железными зубами банку «Вискас», что бы задобрить Муррза, и тот бы явился хоть раз с обоими ушами, и сказал:

Ты хочешь сыграть в правду, жрец?!

Ты хочешь сыграть в эту правду?

Смотри!

Загляни в мой давишний сон, пока из небытия не вынырнул наш паскудный кот:

Вот она черная змея, выползает из черепа моего Буцефала, вот она кусает, а вот она, красная ангелица-соколица, спасает меня, у неё красные крыла, это было моё, пока эти двенадцать ученых мужей, этот суд присяжных, с которым я выиграл Троянскую войну (кто не жрёт вражьего мяса, тот во всём себе отказывает), не распяли меня, пока они не предали меня, не спугнули птицу, и не запустили мне в буровую рукавицу самку беременного скорпиона, который пустил свой яд, который ударил по затылку, случилась передоза, и последовала смерть...

(Тут он загнул, ибо надевал кроссовки, а соколица сидела у него на плече, оглядывала нас, отборных гребцов этого ковчега, и смеялась нам в лицо*),

вот вам и птицы – ангелицы, одна вьет гнездо, а ведь есть еще и лебедица, которая потом горюет и умирает, когда её единственному партнеру, с которым они гнули шеи на Чистом пруду, отстреливают из рогатки клюв, - (*) замкнул круговерть, и посадил соколицу в золотую клетку, ибо поклялась она быть только его, и ничьей больше.

Одиссей сказал на прощанье своей Красной Соколице с синими глазами, ибо мы собирались в поход – обратно на Итаку:

- Нас раздирает между тремя святыми чувствами, и каждые тем сильнее, чем ближе ты, счастье наше – посиди пока в золотой клетке, раз и навсегда, ибо не надо тогда колотить себя по грудям, и заявлять, что все вы мастера, а я, стало быть, ТА САМАЯ Маргарита, только в более широком смысле слова, и что ты заранее молилась -

эти вагинальные стандарты нас мало интересуют, для нас главное – идея.

Подошел Патрекей, напустил на Соколицу нашего бешеного кота (56 кило – он и маленьким котёнком был о среднюю пантеру, потому что не было его*), и тот снял с неё новейший жучок «СОНЯ», и поняли мы, что Соколицу – Мастерницу нашу пасут с того самого момента, как она забила нас крылами, спасая от самих себя, а стало быть, от заранее предсказанной измены.

Пасет, как видно, демон, такой, что непременно с лицом Архангела, и напасти не избежать:

Как сказал Иосиф:

«Друг Телемах, Троянская война закончена»,

от себя добавим, что и Соколицей случай типичный: её тогдашний хозяин так и не получил ее назад, но наслал стаю каких-то чертей – но мы-то были хоть и после войны, но значит в форме, ни хрена, отбились, и Соколицу не отдали – она каталась, привязанная в тороках у (*) Буцефала (Быкоголового, и объезжен он был – Александром – Двурогим*), а когда она просилась на охоту, Одиссей орал:

- Тридцать раз подумай, прежде чем в следующий раз осмелишься просить об этом!!!

Он отказывал ей в основном её кайфе: разлететься кругами, аки голубю, а от туда, с немереной высоты, завидев жирного, серого гуся, пуститься стрелой вниз, и стать невидимой, резать воздух со свистом, отбить ему башку: хоть и не ворон он, а всё ж не наша птица, такая птица для нас – корм.

- Тебя, птица счастья моя, никто никогда ни с кем не перепутает, ни днем, ни утром, ни после смерти, ни до неё – таких, как ты, больше нет.

Он боялся, что она Соколица эта, улетит, и удача к нам не вернется.

Так что мы только и делали, что пели:

Бог нам послал тебя, птичка Божия!

Если б не ты, не видеть бы нам ни еды, ни удачи, ни твоих соколиных перьев – в красный окрас, да такой, которым светится вот эта стотысячная задница какой-нибудь кремлевской шлюхи, ибо платье это – из драгоценных камней.

В тайне от (*) мы всё ж таки выпустим тебя на волю полетать, предварительно натянув вот эту твою служебную панаму на пояс целомудрия, - чтоб на нас не подумали, что мы какие ретрограды.

16

Глава шестнадцатая: "ДЖАХАД, ДЖАХАД..."

«Царствие Аида», - объявил Одиссей (*), и плюнул в бездну.

Господи! – взмолились мы. - Грехи наши велики, как безгранично время, которого нам не осталось.

Позже мы назвали это место

«психбольница для ноль-ноль седьмых»,

где главный девиз для агентов: убивает не трава, а жизнь. (Что с женщиной, что без них*).

Что в Пост, что в Святки, что в разговение – мы спутали навеки эти времена, ибо не постились, потому что нечего было жрать, кроме мяса, с нас в ночных кошмарах про Страшный Суд подёргалo кресты,

Подушки бывали как переполненные памперсы, от слёз и пота,

И водка забирала, как в болото, потому что, как говаривал Р. Киплинг:

«Так всегда бывало весной».

Этой точки нет на карте земли, поскольку есть под землёй место со всеми его глубинными презервуарами и резервативами, ровно как и над землёй (это как а сказке про земной и небесный Иерусалим, придуманный тамплиерами*), так что это уже не точка на карте, это уже карта, только чёрная, и всегда крестовая.

(специально проголосовали «ЗА», что б потом кто не прозвал нас грибниками, а то еще чего – группой грибов, особенно если рассматривать весь этот кошмар из ближнего космоса*).

Аид!

Крикнули мы ещё за 13 лет до этого очередного подвига Одиссея Хитрожопого (*). – Ты же изо всех сил хочешь казаться современным, так иди к нам – мы тут придумали Новое Искусство, основная характеристика которого чисто греческая:

«Ни х(ПИСК)уя, ни х(ПИСК)уя».

Тут имеют насильно, но зато дают добровольно, поскольку здесь, под жуткой символикой, которая, хоть и выглядит, как буква на той двери, что разделяет полы строго аналитически:

«Ж».

И у тебя в аду – тоже, помнится, пребывали одни бабы:

на них весь грех за Троию – Елена пока еще не здесь, но для неё есть место.

(Плюс Ковчег, оказывается, в закладе, и скоро запросится к родным берегам, - выходит мы, как балласт собственному кораблю, все время гребём не в ту сторону, изыскивая на жопу приключений, и постоянно рассуждая, где ж он, наш красный «Кадиллак» с тигровыми сиденьями, ах, да, опять погоня, и всё про наши души (SOS – это для нас всё равно, что гипс носить, а тут ни рентгена, ни хрена похожего на ту систему, под которую ещё можно лечь*).

Беду предвестили такие тараканы, которых ни один «Комбат» не брал, ибо длина такого лабиринта была равна количеству лавок Блакамана Доброго, героя Г.Г. Маркеса, которые начинались здесь, а кончались там, где сейчас рассвет – здесь же, у Аида, всегда ночь*).

- Аид! – вскричал (*). - Ты тоже часть сервиса, раз берешь деньги за вход. А как же быть с основной заповедью?
- Какой это? – вскричал Аид, плавая в таком пространстве, которое может только присниться, и то с похмелья. – «Подмывайтесь, я иду?!»
- Да нет, «кто скинет Зевеса, и пойдёт на крест?!» Поэт же пел? «Вот только жаль распятого».

(Он вспомнил, что нет ни хавки, ни к ней аппетита, и приблизился к сытому обмороку, ибо главное оружие против голода – воображение, которое, по заявлению специалистов от конфессий, «враг Дзена»*)

Чёрная лошадь как правило не проходит, но светится, так и Одиссей (*), черной лошадью не прошёл, но засветился – адским огнём.

Так что если он и проиграл этот дурацкий кастинг, то только потому, что это была не его игра, так что на самом деле поход к Аиду был выигрышным, ибо подбросила (*) ближе к Зевесу, нежели ещё куда, ибо кто побывал в Гостях у Аида, и не остался у него навсегда, ибо там всегда было чисто «кавказское»

гостеприимство, то есть чреватое ожиданием выкупа, а мы к этому времени изрядно поиздержались, да и выкуп за нас было заплатить некому, да и не больно надо – мы сами из любых жоп привыкли вылезать, то есть то вылезем из неё, то обратно залезем, и выйдем после этого, как Ульянов (Ильич наш дорогой*), в образе Вильгельма Телля, с пятиметровой правой ягодицей (в длину*), покоящейся на классической далианской подпорке, в русской охотничьей классической традиции такая хреновина называлась завсегда «рогатина».

ИЛЛЮСТРАЦИЯ:

«Загадка Вильгельма Телля» 1933, холст, масло, 201,5 - 346 см. Современный музей, Стокгольм.

Перед этим Одиссей (*) всю ночь уговаривал Калипсу дать ему без истерик, но та не вняла, (он умолял к нему хотя бы прикоснуться, потом ему показалось, что весь этот вулканический остров вибрирует, что случалось обычно, когда богиня сама себе лизала, то есть, проделывала себе то, что в миру доступно теткам не ниже значкистки ГТО*);

За что ему было просто сказано, что он – охуе(ПИСК)вший маньяк, и был повернут к нему зад в манере нагульновской Лукерьи, аминь.

Так что сердцем его постепенно завладел дьявол, приглашая насладиться той частью своего царства, где бабье отвечает за свою вагину, а не сутенер, то есть, обратился к феминисткам.

К этому времени мы сами себе отменили цензуру, ибо были озлоблены, голодны, и походили на стадо позопрошлотысячных скелетов.

- Так здесь же та же Греция, только через жопу-с- сказал Аид.

(*) спросил его:

- Ну-с, какие у вас тут спецэффекты, кроме дыма и огня?!

(Так говорил Патрекей, у которого был, как и у Великого Мастурбатора, имеющего базу танка т-90 с, недавно проданного Саддаму в количестве 130 шт., да и не (ПИСК) у него был, а циркулярка – из чистого золота, про это в «Парамант» снимали кино, но продюсер оказался трансвеститом, так что ему этой циркуляркой и проехали*).

-Здесь всегда рады гостям, - сказал Аид. – Но после застолья всех имеют черти, - вон они, разминаются.

Мы, наконец, развернулись, и увидели оранжевое зарево над чугунными котлами, везде там были боксёрские ринги, и бабы там бились за счастье присесть на чёртячью участь, чем бог послал, а чертей, как видно, не хватало. («Вот и безработица»*).

Черти были какие-то сказочные, все в латах стали С-75, все с каким-то говном, типа секир, на которые Ваня Грозный сажал своих стрельцов (помнишь, Вася, чувака такого, по фамилии Скуратов?!*), и сплошь все были, как железные дровосеки в поисках своих забытых сердец, а царь мёртвых Аид, стало быть, был тут за разводящего, местный, стало быть, пахан.

- Ну что, промассируем простаты?! – вскричал (*), оглянувшись, но нас не увидел – ибо мы всё ещё торчали с заклеенными ушами, и сирены распевали свои песни на погибель ему одному.

Когда же наша миссия оторвала нас от этой сучьей суеты, мы увидели (*), заливающего себе в пасть огненную воду (!*), и вещающего:

- Я такой же солдат, как и ты, только у тебя яйца обуглились, а у меня тоска по Родине. Вот, видишь, скажем, на мне калоши советского производства, так вот, французы говорят, что у них гондоны лучше американских, а на мне такая резина – триста лет назад в них старуха с колокольни шлёбнулась, сама вдребезги, калошам хоть бы (ПИСК).
- А что это за слово такое? – спросил Аид. - «ШЛЁБНУЛАСЬ».
- Не туда слетала.
- А что за старуха? – спросил Аид.
- Смерть.

Тут мы, обнялись, и зарыдали.

Пока мы рыдали, Одиссей (*) с Патрекеем, взяли смерть за уши, да и разорвали её на части, так что ровно оказалось пополам, в аккурат по (ПИСК)дядечему периметру.

И пошёл потом (*) гулять по адским, как грится, стремнинам, волоча по обеим рукам это чисто славянское изобретение – бабу с метлой, пополам порванную, так в ступе и оставшуюся.

Он орал:

«Мне было весело с ней!»,

и только лет через сто добавил:

« Но всё же ж стрёмновато»,

ибо время значения не имело – уплыло оно.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ

Кат.1, № 360

«The Persistence of Memory» (Soft Watches) 1931.

В тот день здоровенный бродяга лось увел у нас двух лучших выжлецов - Габоя и Журая, и наша ГОНчая стая осталась без вожаков - братьев.

Мы молча попивали коньяк, и смотрели на огонь, обставив камин стульями, диванами, шкурами и книгами.

Одиссей (*), кажется, взял за правило усугублять всеобщую тревогу чтением Юнга. Он носил “Феномен духа” с собой даже в гальюн ковчега, и выходил из него, скрипя зубами.

Кто-то из нас спросил его о качестве стула, а в ответ он прочел тот кусок об “Улиссе”, который его, по видимому, особенно раздражал.

- Мне самому никогда не пришло бы в голову относиться к автору “Улисса”, как к шизофренику, - написал профессор.

- Ну и что? - не поняли мы.

- Да кто он такой, чтобы относиться, или не относиться к Джойсу, как шизофренику? Еб(ПИСК)аная профессура.

Для того, чтобы отвлечь (*) Одиссея от чтения шизофреников, мы стали вспоминать Поход Александра, звали которого в священной книге мусульман «Двурогий».

Мы начали с помпезного Квинта Курция Руфа, и нашли то, что надо:

“После этого он подошел к Кавказу и расположился там лагерем; некоторые называют эту гору Парапамисом.”

Потом перешли к бесстрастному Арриану:

“...Не следует, впрочем, подвергать слишком точному исследованию древние сказания о богах. Если их мерить естественным ходом событий, то они неправдоподобны; если, однако, допустить вмешательство божественной силы, то они покажутся до известной степени правдоподобными...”

Как только кто-то из нас прочел эти слова Арриана, тот явился сам, он стоял в стороне, и лицо его выражало только голые факты, которые и есть - знание.

- Есть и у других писателей сведения, которые показались мне достойными упоминания и не вовсе невероятными; я записал их как рассказы, которые ходят об Александре. Если кто изумится, почему мне пришло в голову писать об Александре, когда столько людей писало о нем, то пусть он сначала перечтет все их писания, познакомится с моими - и тогда пусть уж удивляется.

Я полагаю, что не без божественной воли родился этот человек, подобного которому не было.

- А если не допускать “вмешательства божьей силы”? - спросил тот из нас, кто временами ни хрена не верил.

- Если не допускать, то не было и Александра, и кота нашего Муррза – не было ваще! - ответил ему Одиссей (*), и врезал по столу: Арриан исчез. А кота и не было.

17

Глава семнадцатая “ЕСТЬ ЛИ БОГ НА МАРСЕ”.

Настал тот день, когда Одиссей (*) загрустил в гостях у царя мёртвых - Аида, ибо задался тем вопросом, которым, по старой византийской привычке, принято было мучиться, во всех известных измерениях.

Мы открыли бутылку с грибами и банку с самогоном, и после таковой, чисто охотничьей комбинации, прозрели донельзя, ибо заговорили с хозяином этого, красного от огня и крови подвала, об искусстве.

В личной беседе Аид сказал нам, что юношеские грезы привели его как-то в загадочный интеллектуальный туннель, в конце которого пребывал некий Председатель, шевеливший свои тонкие, синие губы в гримасе, и говорящие забавный текст:

- Искусство - искус.

- А кто он – этот самый Председатель. Он что же – круче тебя, Аид? Или круче той сестрёнки, имя которой – смерть, мы ж её, как ты видел, на части порвали, и к ногам твоим уложили – вон она, уползает прочь, умывая твои мраморные полы какой-то сине-зелёной жижей, - такая же кровь у Посейдона, уж не маманя ли она ему?!

Мы обратились за поддержкой к (*), но он стоял, как вкопанный, - видно, забыл предупредить нас, что с некоторых пор завязал играть с богами в карты, сразу после того, как послушал песни сирен.

- Прости, капитан, - сказали ему мы. – Но ты ж сам залепил...

- Чего ещё я вам там залепил?! – заорал Одиссей (*), ибо у него были другие планы – уйти наверх, а они тут были, как видно – все родственники, и Смерть, и Царь Мёртвых, и прибывающие бесконечным потоком грешники, свои грехи усугубляющие.

- Уши, - дружно ответили мы,

И ТОЛЬКО ПОТОМ МЫ ЭТУ СМЕРТЬ СПРОСИЛИ, А ЧЕГО ОНА, СОБСТВЕННО, ОТ НАС ХОТЕЛА?

Мы вспомнили единственный глаз Полифена, посеидонова сына, и зарыдали ещё пуще – ни хрена хорошего он там и тогда не предвещал, а этот гоблин ещё круче, видать, в прошлом люберецкий.

Между этими двумя подвигами нашими, прошло немало лет, и всё это время вместо затяжного прыжка из единой (ПИСК)зды (мать Земля*) в братскую могилу (синее море*),

мы испытывали сплошное удовольствие, которое, по мнению Ж.И. Кусто, ныне покойного, но знающего толк в королевских жестах:

«лучшее, что бывает в жизни».

Ибо:

Сразу после того, как в заветный четверг крякнул розовый петух (так на св. Руси называют геену огненную, то есть ту африканскую падальщицу, что бегаёт по прерии, когда индейские дети обкурят её керосином «Джонсон анд Джонсон»*),

Аид предложил (*) пройти к котлам с женщинами.

- Это рыбы, - сказал Аид. – Как говорил Тиберий его ещё нет с нами, Рим не родился, а котёл готов: «little fishing».

Они нежны и преданны, они умны, тонки и женственны, но они уплывают, когда чувствуют смерть. Но отсюда они не уплывут, здесь они, как видите, просто уха, и «заливные потроха».

- А это скорпионы, - продолжил Аид, пока Одиссей (*) тарашился в котёл с теми, на кого ему больше всего в жизни везло (рыбой была Пенелопа, и никто не знал, дала ли она Алкеною, или кому-то другому жениху, ну да мы знаем, что там с ними было потом, она – то как раз была верна (дала пару раз какому-то залётному пастушку, но разве ж это измена, по нынешним-то временам?!*),
- и за подвиг такой была в ожидании счастья, которое в морях не потерялось, потому что как (*) вернулся, так сразу и запил, и затосковал, счастье её бабье закончилось.*
- Скорпионы, - самый активный знак, после львиц, но те просто дручатся, а эти – все поголовно с манией самоубийства, и все их мужчины не отвечают устремлениям, отчего должны убиваться вместе с ними.
- А здесь – все подряд, - дирижировал дальше царь мёртвых Аид, пролетая на бреющем, «то явится, то растворится».
- Это как? Ваше мёртвое величество.
- Лесбиянки. Брюнетка – с брюнеткой, сестрёнка – с сестрёнкой.

Мы проверили воду в бассейне – тридцать шесть и шесть.

- А шлюхи – где?

- Везде, - Аид обвёл своей бесконечной рукой всё это внутриутробное пространство Зевса.

Тут и мы подгребли, ибо разлепили уши, а сирены охрипли, и попрыгали в котлы – каждый в свой, и сразу пожрали друг дружку, да и Аид, видать, с ними накувыркался, подлил маслица в огонь – козирожихам, со словами:

«А вот они, мои любимые».

Любимыми он назвал тех, кто безо всяких намёков на нравственные муки, или какие-либо сожаления о чём-либо, плавали в этом раскаленном томате, и в отличие от рыб этим отчаянным девкам в огненном томате было хорошо...

- Ну да ладно. Не в этом дело! – прочёл мысли Аид. – Просто это трехмерные раз, шлюхи – два.

У них нет знака, нет души, нет мозгов, ни хрена нет из того, что так мешает вам жить, смертные. (Он осмотрел нас, сплюнул и утёрся – рукавом прозрачной тоги*).

- Ну, ни хрена, - подумали мы, да так, чтобы он мысли наши не просёк, - теперь мы все знаем, ты нас не одолеешь, и мы тебя сами выкурим отседова, ибо перед нами варилось то, о чём можно было только мечтать, тетки с идеальными формами, без претензий на моногамию и постоянных угроз отправить в КПЗ.

В них не было этого проклятого вируса, по дикому совпадению названного в честь такого прекрасного слова, как СКОРОСТЬ, а так же наших югославских плавок двадцатилетней давности, купленные в Питере по карточке, ибо были мы тогда на гастролях в театре Комиссаржевской, где вся сценография поднимается на второй этаж вручную и канатами.

Времена всё опошлили, и вот мы пьем горькую, и засыпаем в презервативах, а здесь их не надо,

здесь вообще ничего не надо, ибо это и есть настоящий покой от клинической смерти, до которой сирены, помнится, едва не довели Одиссея (*), ибо он рискнул прослушать их сладких голосов – все эти басовые струны, на которые был всегда настроен – соль, ре, ля, ми....

Здесь та самая воля, без которой нельзя, и без отношений тоже нельзя, а они у нас как у нормальных людей, только друг с другом, в самом лучшем смысле, ибо нас не разлучить, хотя мы друг другу уже порядком поднастонадоели.

Но, по странным причудам судьбы, мы не смогли поставить точку здесь, в царствие Аида, мы не захотели ни на миг прервать этого повествования, ибо знали:

пока мы вместе, нас не сломать.

Мы намотали на запястья бинты, а потому уже 16 унцовые пакистанские перчатки «BULL S», и, перегнувшись через край котла, крикнули во пламя:

- А у нас – в квартире газ!!!

И если бы законодатели наши не были такими идиотами, как кажутся, то давно бы уже послушали самого трезвого с похмелья из всех русских фашистов (либеральных демократов, и разрешили б многоженство, и не мыкался бы наш (*) по белу свету, а сгрузил бы всех своих богинь прямо к Пенелопе в предбанник, и что б эта тётенька, не помним, как имя отчество, простите, предварительно произвела влажную уборку, и стёрла жениховые остатки – кишки, говно, и все дела.

И жили бы все вместе, и счастливо, и в достатке, и богини и царицы, и детки были бы друг у друга на виду, и всякую эту маковую дрянь отследить легче, да и бабы всегда друг на друга настучат, ежели чё.

- Настучите же, в бога душу мать? – спросили мы, перегнувшись через край котла. – Можно, в конце концов, хотя бы под клятвой кому-нибудь из вас верить, или нет?!

Этот вопрос был для виртуальных теток неуместен, как и торг.

Ибо нам предлагали чужие тела за наши деньги, тут они друг у друга переспросили, типа, где этот феномен (они имели в виду, конечно, царя Мёртвых, и врага живых: это он начинал последним, а кончал всегда первым*), - все еще заорали Аиду, который только что, со словами:

- А вы думаете, мне легко? Знать, что ты в аду, и никакая любовь тебя не спасёт, и в этом грядущем цунами всем этим бабёхам посмывает бигуди, по каким местам их не накручивай.

Аид выволок за шиворот из котла со скорпионами самую крашеную курицу, и сказал:

- Вот. От соприкосновения с этой тётенькойдохнут не только педики в возрасте молочных поросят, но и ваш этот Муррзик, слава Зевесу, которого нет.

- А как звать-то?

Она звалась, мы ж валились на чужие стрелы, торжествуя своими наглыми харями, не брезгуя точёными напильниками – до того захотелось ей понравится, чтоб, за одно и подосрать Аиду, потому что была эта самка – его собственная дочь.

«Если повар нам не врёт».

Меж тем Одиссеей (*), как всегда проигнорировав советы учителя, (он обычно говорил: «Я сам-сусам могу давать, едрёна вошь, советы, а ты, старый пердун, будешь уволен*»),

нащупал в портках то, что еще не отъели мурены – посеидоновы слуги, и сказал Аиду:

- Аид! Вот она, очередная победа над смертью.

Мы оглянулись – всё это царство было похоже на американскую автосвалку, после того, как её спалили напалмом с воинствующего звена «Фантомов», естественно, под «Полёт Валькирии» Р. Вагнера – лучшего дружана Людвиг Второго Баварского, которого, как уже много раз упоминалось, утопил в озере собственный психотерапевт, а потом утопился сам, чтоб его возмущенные селяне не отправили – сюда же, в этот пылающий подвал, в совместную парную, где сервис идеален, - тазы разносят черти, и можно не стесняться.

Мы подумали, что сейчас хорошо бы отобрать отсюда тачку, здоровую, широкую, но не американскую, потому что они задолбали, суки, а немецкую, поскольку в нас кровь ариев, и нет крови ни сиу, ни каманчей;

тут-то мы и увидели этот перламутровый «Опель – сенатор» 83-го, оставалось только воткнуть в него движок 2000-го и перебить номера, и выгравировать «Веселого Роджера»,

и звать вон из того, углового котла, или его жанровой стилизации, всех архиепископов, а отсюда выгребать дарохранильниц, что делали, значит, массаж,

на этих старомодных сидениях, в этом расплавленном салоне всех парящихся здесь женщин, матерей России,

которые даже если бы и предъявили разом за их разбитые тачки, оставался всё равно – только этот «Сенатор».

И вон тот движочек нам, пожалуйста, хоть и ворованный, но 8-цилиндровый, да мы взлетим на этой тачке в поднебесье, она нас вынесет отсюда к звездному небу и холодной Луне – здесь у тебя жарковато, Аид, повелитель мертвых, а мы все ещё живые, и мы сильнее тебя.

К темному небу и этим самым нравственным законам, о которых собрался посоветовать Патрекей, да наткнулся на тяжёлый взгляд (*) – капитаном-то всё едино, был он.

- Сколько стоит движок? 200 баксов?! Сто пятьдесят, давайте его возьмём, ребята, это ж по цене, что сибирячка в «Интуристе» (снесли его, а звали – девушку - Алёна*), а тут их плавают – как в проруби на крещение – желающих оздоровиться.

Меж тем Аид, мудями бодро вострепелувшись, посмотрел на свой черный, весь из абсидиана (вулканическое стекло*), мобильник «Рибок», взглянул на огненное время, и возвестил, что у него после ланча групповой секс, и что нам пора бы удалиться отсюда на (ПИСК*).

На прощанье он нам сунул рецепт, как можно дать новорожденному телку, чтоб он заглотнул плешь вместе со скальпом, а потом твоё мясо сожрёт мать-корова, и всё едино – путёвка в мёртвое царство*)

Мы обкашляли это дело, как грится, в комитете, и решили, что Аид сам пусть идёт на (ПИСК), а мы тут, в котлах с этими икрящимися рыбами, ядовитыми скорпионами, беременными львицами, кусачими блохами, перетрёмся на весах,

к тому же тут пар плюс четырёста тыщи по Форенгейту, а мы давно не мылись в бане, точно с тех времён, когда валькирии в количестве трёх не заманили нас прямо сюда, честно выполняя свою прямую задачу «избирать мёртвых»;

то есть соответствовать англосакскому заговору от «невралгических болезней»:

«Гром грохочет, да, гром грохочет, когда они на небе скачут. Храбры они были, когда скакали по земле. Могучие жены...»

и злая фея, забыли как её, да ещё бы век не вспоминать, превратила нас в тот же самый зверинец, век воли не видать.

Чуть позже Одиссей (*), здесь же купил у какого-то колдуна (тот только что обрёл веру, и потому срочно распродал имущество*), и расколдовал нас.

Позже, в дружеской беседе, когда мы просто чифирили, и пели песни о любви, Патрекей одним движением руки содрал с Муррзика его черную шкуру, вместе с его виртуальными блохами (раз шкуры не было, то и жить им было, естественно, негде*).

После чего закончил историю про наше путешествие во Ад.

Он сказал:

- А ты, царь мёртвых, кто, собственно такой? Как говорят американские негры, у которых в жопе так же темно, как в этой твоей камере пыток: срань господня.

Ты – мой персонаж. Я в шутку создал тебя, сделал из тебя бога, и забыл заправить смерть в твоё правое яйцо.

Я в шутку создал тебя, а теперь рыдаю над тобой. Потому что забыл схоронить – в этой братской могиле.

Так что подбрей затылок – я пришёл.

- Останетесь погостить? – спросил Аид.

- Нет.

- Ничто так не завораживает, как чистая бездна!!! – заорал Аид, ибо понял, что нас ему не удержать.

- Ни хрена, - сказал Одиссей (*). – Мы все, воины Итаки, усираемся ради последующих ощущений, чтоб протащиться от бортовой качки после сабельного похода, а также,

чтоб промять мошонку при верховой езде: чтоб в ушах потом звенело, когда погнала небесная стая;

Что б зубам не свербило, ибо там пребывал загубник от легочного аппарата от акваланга «Дрегер».

А на большом и указательных пальцах правой руки мозоль то ли от одиночества, то ли от сбора целебных трав – с бескрайних степей;

А то ли от лучной стрельбы, ибо никто из нас не любил лишнего шума.

Если мы останемся здесь, то лишимся последующего кайфа, который зовется – жизнь.

Потом Одиссей вспомнил своё высокое звание (*) (Хитрожопого*), и сломал себе путь от ГОНщика до каскадёра – за 5 мин., ибо дипломатия такая была – народная – не спасения технику выработывать, а уничтожения этой самой техники.

Сказав это, он покинул царство мёртвых, а мы быстренько за ним, ибо, как пел Поэт:

*«Ада с тобой нам не надо.
Холодно в царстве теней».*

Потом он спел «Бешеную Лейзи», и перекрестился.

Так (*), в возрасте 39 лет, во второй день Великого Поста, оставил все свои зубы на куске кабанячьей солонины, той, что грузили в «Ковчег» как раз для каждой твари по паре:

кота Муррзика, который впоследствии вообще, оказался кошкой, которой нет, а потом опять – котом; а тут как раз и Крысиный Король Пётр обзавёлся семейством (он единственный, кто выжил у Аида, где все, поголовно – мёртвые, такая радиация, что живут – пауки да крысы*);

разумеется, наши боевые Доги с монтажными поясами вместо ошейников, их всех звали Нордами, и были они родными братьями – в одночасье родились, в одночасье померли;

те славные собачки зимой по сто кило, летом по 85, что являлись воистину ГОНчими универсальными, ибо среднего подсвинка разрывали на части за 0,5 парсек, даже не залетая к «Большой Медведице»;

и фокстерьер Крючок, падла, к размножению не способный, и потому злой на весь белый свет, ибо кроме него самого, и, разумеется, Патрекея, никто не знал, как здоровенный барсук трехлеток отгрызает яйца, и каково потом обманом проникнуть на Ковчег. Так что с фокстерьерами накануне Второго Пришествия было покончено, за исключением самого Крючка, который был бессмертней самого

Кашея, потому что не было у него яиц, чтоб хранить заветную иголку, мы, ежели б нашли её, то непременно бы сломали;

и ещё ряда товарищей, тех, что загребали воды вокруг Ковчега;

так вот:

все мы видели, как настала эра Марса, ибо на небе сошлись два звёздных признака, не тех, о которых говорят доморощенные астрологи, а конкретных до неузнаваемости:

(*) перекрестился, ибо десятью годами раньше послал на (ПИСК*) богов греческих, одним этим крестообразным движением обратив их в болванов, то есть, осуществив свою заветную мечту – быть всех круче, даже Патрекея.

Задумайся, тот, кто выловил эту бутылку из вод:

Все мы выплыли из этой свалки Аида только потому, что была обратно дорога: перекрестился бы (*) при входе, всё бы было иначе.

Ибо не попросил бы Одиссей (*) прощения у женихов, предварительно их всех замочив совместно с Телемахом, вспомнив о Прощённом Воскресении, а те не смогли его в ответ поздравить, ибо были мертвы – вон они, они на вход, а мы на выход, они – навсегда, а мы – на экскурсию, да ещё на новой тачке из старых железяк;

Вернулся Одиссей (*), помнится, один разбудил нас: нам снился Аид.

А еще мы видели людей в чалмах, колпаках, и бритых елдаках, которые палили ракетами по статуе Будды, и всё сразу соединилось – финал той книги, которая давно написалась, - он был известен только Одиссею (*), Патрекею и Муррзу.

И наш собственный финал, ибо мы знали, что мы есть, пока пишем эту книгу, а значит живём, а стало быть – кому-то снимся (до сих пор*).

Он открыл эту прекрасную книгу на 50-й же странице, и торжественно вычленил нужную нам всем реплику:

КОРОЛЬ РИЧАРД. Трубите трубы! Бейте барабаны!
Чтоб не слыхало небо глупых баб,

Что лают на помазанника Божья!
Трубить сильней!

Мы повытаскивали свои схимы под названием “добра молодца набор”, подоставали охотничьи рожки, и затрубили “на драку”, но тринадцатый никак не подгробал.

- Где твой брат? Где бедный Кларенс? – спрашивали друг друга мы, и кони наши смотрели на нас – с подозрением.*

18

Глава восемнадцатая: "Пакита"

«Я обратил внимание, что большинство из вас, разговаривая по беспроводному телеграфу, чешет себе яйца», - сказал как-то Муррз, чистым баритоном, потом растолкал всю эту свору молодых котов, и пробился к этой своей драной кошке, - так вот, всё, что вокруг сидело, стояло и орало – было, а Муррза - не было.

В тот день мы так ката и не дождались, и пробежали кросс - до матери Волги, а потом устроили себе полноконтактную тренировку по специальной программе - одели перчатки и разбили друг другу хлебальники.

Прибежав обратно, до нашего особняка в Жаворонках московской области мы приняли душ, помлели в бане, выпили кофею, и включили тинейджерское телевидение.

Там Вася Стрельников устроил “ЗАД-ПАРАД“, и мы попросили нашего дежурного технолога отмерить размеры пространства во всю сцену - нам хотелось, что бы это утро ознаменовалось таким количеством задниц, которых, как сказал Вася, должно было проплыть по потокам сознания не менее 400.

Вася напомнил о статистике, (которую, как самостоятельную науку, зарегистрировал Прекрасный Зинберг (И. Ильф)*), и сказал, что у всех исполнителей, практикующих кто-чем, больше всего запоминается качество статисток.

Среди опрошенных (он не сказал, какого пола опрошенные), 82 процента заявили, что помнят только задницы.

Мы сели кружком, и стали все, как один - сплошное внимание.

На 10-м месте оказалась “Offspring” и кто бы мог подумать, все почему-то решили, что они окажутся на 5-м - этот отчаянный парнишка, похожий в чем-то на Хулио Чкалова, если бы это был Балаганов - в молодости, стал-таки звездой, и многие думали что “Offspring” - это он и есть - Petti Fly.

9-е место - “Dog eat Dog”, различных задниц показывали 9 раз, но не так обильно, как в “Offspring” - там всего пять, но зато по 25.

8-е место - 12 задниц! “SOLE - 4,5, 6” - Gretin ledy wihc it дамская группа, - тетки возбуждают на изнасилование негритоса - точ в точ - Майк Тайсон, и нет рядом с ним только покойного Гасса Домато. Тайсон кидает купюрами, но, суки, сюжет затянут. Потом Тайсон поет. И мы понимаем, что это-таки - Тайсон, только с бородой.

7-е место. На седьмом месте у нас рвануло напряжение, да так, что включенный бортовой компьютер - в другом конце каминной залы сначала потух, а потом стал пищать с той интонацией, которой мы сами у себя перекрываем земной кислород - (ПИСК*).

Мы включили ящик, и увидели Васю Стрельникова, который порекомендовал передернуть затвор, “теперь у вас под носом помашут задницами 14 раз и это не предел, и показал “Monster Magnet” - “Spase Lord”.

Здесь работали ультроспортивные тетеньки, все в красных купальниках, подчеркнута обтягивающие максимум задниц, все дорого, респектабельно и возбудительно.

- Такое произведение понравилось бы Великому Мастурбатору, - сказал Одиссей (*).

- Почему именно это?

- Потому что он любил такую хореографию - естественную в своем парадоксолизме.

Мы так и ахнули, лишний раз подивившись его (*) (хитрожопости).

На 6-м месте пребывал Уилл Смит - но “Getting ligi yith it”,

а не то произведение, которое порой портило настроение, когда мы пребывали не на юге Нового Света - в "Miami", где, как говорил Великий Комбинатор, гуляют и пьют без закуски.

5-е место Эглессиас, но не тезка нашего Героя Чкалова, а младший, Энрике - "Lime Temiks".

- Этот чувак потерял всех своих поклонниц, когда на небосклоне появился этот пуэрториканец, рекламирующий "Pepsi" вместе с этой толстой обезьяной с вечным траурным бантиком, - сказал тот из нас, кто вчера вечером отнял у группы тинэйджеров журнал "COOL".

Солистка, как и у пуэрториканца, была хороша.

Здесь Вася кинул нам информацию, как ГОНчей стае кость - мол, вместо этого клипа хотели поставить "мамбу номер пять", но оказалось, что у того бодрого туземного немца снималась пара трансвеститов.

Одиссей (*) сразу сообразил, что та костоломная негритоска как-то странно скачет, он еще сказал, - смотрите, пацаны! а ведь у нее между ног...

Мы так и обомлели.

- А с чего ты взял? - спросили мы тогда.

- А он и сейчас...

Мы присмотрелись - так ни хрена и не поняли, а может быть сработал де-жавюционный эффект, и каждый из 12 присяжных выбирал себе трансвестита, и лишний раз убеждался, что ни хрена в этом не понимает.

4-е место, 21 задница - 21 очко, - сказал Вася, - "Dzyvelima". Это произведение мы так и не увидели, ибо лишний раз вспомнили о божественных совпадениях, которые, как ни крути, назывались в узком, сугубо специализированном кругу, как Провидение, ибо, как тут же выяснилось, путем несложного математического расчета (на который даже мы били способны, с чем у всех тут было плоховато, так это с элементарными дисциплинами), можно было добраться до самого глубокого дна истины.

Нам показалось, что если 21 переписать наоборот, то получится суд присяжных (наш, самый гуманный суд в мире), и все это совпадало с количеством задниц, оказавшихся на 4-м месте, впрочем, если бы это была не десятка, а, скажем, двадцатка, то этот клип оказался бы скорее

всего на 12 - и тогда вообще лафа, можно мчаться к Фабию Яковлевичу, и воевать за права Авторов.

3- место принадлежало “GRUPP DOG DRILL”, их хитом: “Lovely Sain” - задницы показывали хоть и часто, но все они плоские, а стало быть, по латиноамериканским меркам, они считались все до одной - инвалидными, к тому же их постоянно мазали глиной.

2-е место - “B - TRIBE”, “Fatal, Fatal” - это про нас, когда нас всех подорвут на одной, сверхмощной мине.

Сюжет - такой, от которого хочется жить и работать. Идет престарелый гаучо, и не обращает внимания на теток, он в молодости водил через границу наркоманов, потом оторвало придатки - они присел погадить на мину.

Старая пиратская песенка, про Ямайку - на гитаре бацает чувак - в возрасте свежего мамонта, явно индеец, к тому же беглокаторжный.

Гаучо останавливается только возле солистки фламенго, и тут у него обнаруживаются в ушах наушники “So-ня”.

- И, наконец, лидер хитпарада, - сказал Вася, и расстегнул брючата, прямо, как наш Александр Степаныч на Копакабане. -
- 1 - место. “Aphex Twin”. “Window liker”.

Мы отпали. Это произведение кислотного искусства, могло стать вехой в истории “до каких пор нас может шугануть наша же алхимия.

Это порождение цивилизации могло было назваться - “АНТИЗадница”, ибо, как это произведение точно доказало, “не вся та задница, что блестит”. Ибо есть еще и голова, а она бывает такая, что в нее и дать-то неудобно.

Тут мы с тревогой переглянулись, ибо каждый из нас подумал о том своем, что бы он мог такой голове предложить. Оказалось - только удар по воображаемому паху.

- Такой кинец не понравился бы Великому Мастурбатору, - сказал Одиссей (*).

- Почему?

- Пора бы уж соображать, - сказал он нам с упреком, и тут мы поняли, что в перспективе у нас - дальняя дорога. - Потому что он ни разу не

упомянул Босха, будь тот трижды Иероним. А у лидеров этой, сугубо жопной десятки - лица с полотен.

- Почему?

- Да потому что Босх не умел рисовать. Он был чистой воды плагиатор, ибо передирал свои полотна с инквизиторских комиксов, типа “Молота Ведьм” Я. Шпенгера и Г. Инститориса.

Он показал нам телерекламу английской “Independet”, где рекомендовалось эту газету читать, - это была полная, хоть и слегка ремиксированная, копия клипа “U-2”, где Эдж просит не мочиться в водосток.

- Этот ролик взял в последнем году навсегда уходящего тысячелетия все призы на “Каннском льве”, да еще приз журналистских симпатий. Чистый плагиат. Так и у Босха - плагиат от Великого Сальвадора, который еще не родился, но уже действовал догматам на нервы.

Босх - идеал догмы. Ни кто из них не был в настоящем аду, и адом мы называем обыкновенный земной дискомфорт, на самом деле - ад схож с Раем, а искусство, по словам О. Уальда, лишено всякой пользы, стало быть, нам всем туда дорога.

После этого одиссеевского, как всегда (*) (хитрожопистого*) монолога, мы пошли седлать коней, заодно и “распарить” “запарку” нашим ГОНчим в сараях, ибо борзые, как им было и положено, валялись в особняке и жрали со стола, бывало даже кошачьего.

Мы выдвинулись сразиться с врагами.

Сразились, победили.

Похоронив врагов, пальнув в облака, тем самым воздав им почести (они хорошо дрались, и красиво умирали*), мы решили отныне, присно, и вовеки веков (Амин*) не давать выводить нас из себя, - каким угодно задницам, даже если их было 400.

- А чего все так расстроились-то? - спросил тот из нас, что нынче не догнал, и перегнал.

- Да все из-за этого первого места, - сказал Одиссей (*), гарцуя на своем Буцефале, - от них, как и от всех нас, исходил пар недавнего сражения. - У нас все так - по количеству, и даже не задниц, а показов. Тоже и в парламенте.

Мы вновь вспомнили об и ныне здравствующем Квентине, открывшего тайну мягких часов Сальвадора Каменеч Куси Фарреса, графа, маркиза, и проч., проч., проч. (Друг отца Буча растворил их в своей заднице, и они поплыли – от жизни – к смерти *).

- Вот и мы будем спокойные, как слоны, - сказал Одиссей (*), и тут же предложил двигать задами в ритме BeastiaBoys, придерживаясь их же неторопливого мастерства выживания.

Потом мы заметили, что (*) Одиссей, спокойный, как слон, выхватил из кармана своих утепленных, китайских кальсон, доставшихся ему по наследству от дедушки, “Феномен духа” К.Г. Юнга, и прочел:

- Если судить по воздействию “Улисса” на современников, то оказывается, что его ограниченность воплощает в себе более или менее универсальные черты. Так что “Улисс” пришелся своим современникам в общем-то ко времени. У нас, должно быть, существует целое сообщество модернистов, которое многочисленно настолько, что с 1922 года сумело поглотить 10 его изданий....”.

- А что это за сообщество такое? - спросили мы, мужья ученые.

- Те, кто не впадает “в эту адскую скуку”. В ту, которой упивался Босх. Которого при жизни так демонстративно проигнорировал Великий Сальвадор, он же - Мастурбатор.

- А кто впадает? Ну, в смысле, в скуку.

- Этот самый Юнг.

- А кто он нам?

- Он нам пример того, кто никогда не скучает, - сказал Одиссей (*), явно тешась воспоминаниями - он у нас тоже никогда не скучал, прямо как этот самый Юнг. - Вот текст его нескучного заявления:

“.....Они не впадают от нее (от книги*) в адскую скуку, а, наоборот, растут вместе с ней, чувствуют себя обновленными, продвинувшимися в познании, обращенными на путь истины или готовыми начать все с начала и, очевидно, приведенными в определенное желательное состояние, без которого лишь жгучая ненависть могла бы подвигнуть читателя на то, чтобы внимательно, без фатально неизбежных приступов сна прочесть все эти 735 страниц...”

- Ну, мы ж не читатели, а писатели, так что нам все эти приступы не грозят, - сказал тот из нас, кого в самом начале этих 735 страниц

прозвали “Зоркий Сокол”, прямо, как того восточногерманского индейца - Гойко Митича.

Он плюнул в окно, взял со стены свой американский, сугубо спортивный, а иногда и охотничий, лук, колчан со стрелами, вскочил на своего донского мерина, и, не смотря на свежую рану, помчался в лес - отводить душу.

Через некоторое время мы сделали тоже самое, и никогда уже об этом не жалели.

18

* Мы смотрели в окно, за ним была ночь, и начиналась вьюга.

Вот уже сто тысяч лет, как пропал тот наш кот, которого не было, но которого постоянно кто-то где-то видел, и это создавало легкую нервозность - мы все нелюбим неопределенность, либо кот есть, и его надо кормить, либо его нет, и его кормить не надо.

Одиссей (*) вынул из кармана все того же Юнга, и у нас сдали нервы.

- Давай спалим в праведном огне, и феномен, и дух, и науку и искусство, тем более, что оно искушает, - попросили его мы, но он не услышал, и открыл заложенную страницу.

- Таких мест в “Улиссе” всего два, - сказал Одиссей (*). - Даже Карл Густав это заметил, хоть и все время спал.

У нас их будет тоже всего два:

“Легкий кораблик, скомканный бумажный листок Илия плыл рядом с бортами больших и малых судов, посреди архипелага пробок, минуя новую Уопинг-стрит, на восток, мимо паром Бенсона и рядом с трехмачтовой шхуной “Роуз-вин”, пришедшей из Бриджуотера с грузом кирпича”.

- Давайте послушаем Бенсона, какой-нибудь его вокал - под гитару? - предложил тот из нас, кто любил и мог делать предложения вовремя.

Это был один из тех чарующих русских, ноябрьских вечеров, когда стихия возбуждала огонь в нашем камине, и с тем делался транс - он

показывал нам такие картины, от которых становилось, черт возьми, хорошо.

Потому что настало утро, и пришёл Муррз. Можно было отправляться в дальнейшее плаванье.

Господи! Мы прочли эти строки, ПОЗДРАВИЛИ Конфуция с писеглазием, зарегистрировали пере дозировку Авиценны (то есть испытал магию нашего черного кота на себе*), потом спели куплет «нулёвого» Чистякова «человек и кошка порошок тот примут, и печаль пройдёт», затем погладили Муррза, которого нет, против той шерсти, которой быть не может,

и тем самым сотворили «Горнадо», тот самый, который в 74 снёс пол Калифорнии, а в 98 – святые купола в Кремле;

и все эти кремлёвские шлюхи, стали железными, тупея от страха;

присели на завалинок той избы священника, которая сгорела, ибо жили в ней черти, что пугали нас по ночам, да так, что взбесилась стая, да ушла на сотню лет – бродить по окрестным лесам;

а сами мы едва не перестреляли друг друга, да и самого святого старца, что этих самых чертей по святости своей прикурил;

ибо не были уверены – мы это всё еще, или это уже ни хрена не мы – тени наши бьются с нами все эти пятнадцать раундов, отпущенные на времена скитаний.

Именно тогда мы вышли из пылающей избы (само, так сказать, возгорание, по научному - пирогенез*), кинули шинели на снег – там сразу же отпечатались наши тлеющие образы, воздали очи к чёрным небесам,

и сразу увидели то, что раньше казалось далеким лунным светом:

пару глаз нашего чёрного кота Муррза, который держал все эти сокровища наших пылающих сердец в своих мягких лапах с дамасскими когтями.

Потом мы спели:

Вот так, и в счастье, и в беде,
Без лишних слов, без громкой фразы,
Простую делают в воде
Свою работу водолазы.

(«Привет участникам погрома!!!», национальная премия*).

- А что потом?! – спросили мы вверх, сидючи на тринадцатом ряду, сплошь по тринадцатым местам, ибо тринадцатых мест – всегда чертова дюжина.
- Как что? Пришел Патрекей, сказал вам, - что, черти, подкиньте, что ли, дровишек. А вы что же?

Мы дров нарубили, и хворосту подкинули. Наступала первая осень, и всё вокруг засыпало, как усталому лосю, осень, осень...

20

Глава двадцатая: "КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ"

Сегодня был праздник, и мы раздвинули размеры ящика до вселенских пределов - посередине должен был пребывать ринг, вокруг ринга - ров с кислотой, а бьются нынче - Мадонна и Майкл Джексон, вторыми номерами- Эвандер Холефилд с Мухуилом Тайсоном (Тайсон предпочеатет идти на пошлые уловки, типа - глянь, Эд, с крыши огни видать, может, там твой дом, - и (ПИСК*) ему.

Оказалось, что это были финалы, а полуфиналы мы проспали, точно так же, как проспали, подобно И. А Бунину (“А случилось мне проспать охоту!”*), и охоту - ГОНчие по вольерам заскулили, огрызнулись, демонстративно обосрались, и расползлись по будкам;

борзые сосворились, и поскакали в соседнее село - на блядки, мы же, поискав глазами образа, так и не стали креститься.

На завтрак у нас было по вареному яйцу, куску черного хлеба, сыра, потом тот из нас, кто больше всех следил за собой, примчался в

кроссовках, трусах и майке, с импортной сумкой, набитой творожной массой с курагой и черносливом.

- Хорошо бы сейчас Джорджа Майкла - он всегда собирает таких теток, что потом можно мастурбировать - во временной бесконечности, - сказал тот из нас, кто когда-то кинул в одиссеевскую кепку фант 12-го калибра, начиненный снарядами под выпелом “пять нулей в стакане” (его звали то Механик, то “Сбежал от Нянек”, то “Засидчивый”, то “Нулевой”), за всё его пристрастие к патронам.

Пользуясь тем обстоятельством, что мы с утраца, порхая крыльями, растянули монитор - во весь небесный купол, мы показали Засидчивому всех теток этой земли - одновременно.

- Никогда не думал, что такое возможно, - сказал Одиссей (*), заморожено оглядывая небеса - они все, сплошь состояли из разного размера, цвета, масти и напасти - исключительно вагин. - Надо быстро взяться за дело, пока у них у всех одновременно не начались схватки. (ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

КАТ. № 2.

стр. 129,

“Утренние фантазии”, 1932,

Холст, масло, 81 X 100 см.,

Благотворительный фонд Морзе; экспонируется в Музее

Сальвадора Дали, Сент-Питерсберг, Флорида, США.

- Марко ди Капуа, будь он неладен, - объявил Одиссей (*), и приоткрыл занавес, вероятно он считал эту картину Мастера одной из самых совершенных творений на земле, и потому пригласил самого мистера Капуа, отправив за ним в Барселону тройку удалых ДОНчаков, забыв поменять сани на колеса.

- Дали обретает безукоризненную точность, - начал гнустить нам с утра этот знаменитый испанский критик, - в трактовке форм, он ясно отдает себе отчет в силе взаимодействия каждого элемента, который включает в свои композиции.

Поэтому он и блуждает среди скал, отыскивая многообразные перспективные решения, чтобы изобразить нечто вроде могильника,

поместительного и уютного, в котором покоится нежная материя, излучающая сияние, создающая энергетические поля.

А вокруг - бесконечно малые элементы жизни, укореняющиеся в скалах.

Докладчик помолчал, а тот из нас, кто был нынче особенно настроен срубить какому-нибудь козлу его глупую башку, не удержался, и спросил:

- Слышь, католик, а ткни пальцев в этот самый “поместительный могильник”?

Одиссей (*), не дожидаясь смертоубийства, которые потом непременно влекли за собой массовую порчу настроения, и споры, (а кто будет со всем этим говном возиться*), вытолкнул испанца за кулисы, вернулся, взял указку, и сказал:

- Видите этот козлиный череп внизу? Узнаете?

- Узнаем, - сказали мы. - А когда это ты успел?

- Это - утро Полины, господа. Теперь к делу - козлиный череп вещает все то, что вы только что слышали, и будет вещать он это до тех пор, пока в это черное небо не перестанут чмокать траурной помадой (пусть это будет “МАКС ФАКТОР”), этими своими губами летающие там вагины.

- Это красненькое, что такое? - спросил из нас самый усомнившийся, прямо платоновский Макар.

Мы наградили его 12-тью затрещинами, но любя - и он это знал, а потом внушили (большинством голосов), что это - красный “ПРЭЗЕР”, мы увеличили ему изображение, памятуя, что мы здесь все проходили отбор, и среди нас дальтоники, как не бывало.

Одиссей (*) пошевелил рычагами, и увеличил изображение этого красного кондома - до бесконечности, и мы отчетливо увидели на его дне спящего Великого Мастурбатора.

- Видать теперь? - спросил Одиссей (*).

Мы, как нам и предлагалось, отпали и сразу успокоились.

Глаза разбегались по перспективе - кто-то из нас порывался открыть Тайну Ключа, того самого Золотого Ключика, который мог

бы нам приоткрыть тайну над бесконечной плевой этого “возвращения в невинность”, там прямо слева от этой кривой золотой железяки, подходящей к единственному во Вселенной Замку, которого не сыскать было цивилизациям, - за всю их историю. (Потом, разумеется, летучий, весёлый, праздничный корабль, который позже благодарные потомки назвали «Одиссей Хитрожопый (*)»).

Кто-то кого-то этой невинности лишал, но это был лишь дьявольский, искушающий, отвлекающий от истинной картины маневр - ибо истина, одна на всех понятная, лежала на самом дне огромного красного кондома, который в пору одному только Творцу, а венцом такого стерильного соития, являемся мы, со всеми нашими ГОНчими, БОРзыми, конями и потрохами, а висит над нами - голова Спящего.

Здесь Великий Сальвадор одарил нас своей высшей метаморфозой - мы метнули взгляды по углам - там, в этом бесконечно “КВАТРО” разошлись те музыканты, которые были Великие Импровизаторы, и они сделали нам музыку, ибо торжественность момента не нуждалась в какой-то дополнительной мысли, - мы увидели, как крохотная голова Великого Мастурбатора, белая - по красному, выросла до “самых верхних” небес, и покрыла собой все имеющиеся в этом безумном, дурном, но прекрасном мире, пространство, и мы вновь услышали голос Мастера - он звучал ото всюду, ибо всюду был он:

“Утомленный светом дня,
Мучившим Великого Мастурбатора
С самого восхода,
Его безмерный нос,
Уткнулся в анисовую поверхность равнины,
Его громадные веки опустились,
Его лоб съели страшные морщины,
А шея вспухла оттого,
Что на ней поселился знаменитый фурункул,
В котором копошатся муравьи,
Сковывая его в этот вечерний час,
Когда еще слишком светло,
А между тем налет,
Полностью покрывая его зев,
Начинает застывать в агонии
Огромного кузнечика,

Который неподвижно прильнул к нему,
Приклеился к нему в течении вот уже
Пяти дней и пяти ночей”.

Казалось, что именно в этом месте, как пел Поэт, “остается одно, просто лечь - помереть”, но оставалось выяснить последнее обстоятельство этого, по настоящему далианского, мироустройства - с какой стороны испоганили всеобщую прозрачную небесную сферу - сверху, или снизу.

- Со всех сторон, - сказал Одиссей (*). - Вагины везде, надо только как следует поискать.

- А не устроить ли нам “Праздник Ерша?” - спросил из нас тот, кто сегодня был самый заводной.

Не успели мы сообразить, что нам теперь делать с этим, внезапно свалившимся искушением, как Ковбой (да, да, это был он*), пустил трехлитровую банку с пивом по кругу - по часовой стрелке, а бутылку с водкой - против часовой. На Одиссее (*) напитки соединились, и мы пошли «плясать в избе».

Во время безумной этой пляски Одиссей (*) вдруг остановился и заорал – и далеко было его слышно:

- Красивая война грядёт, ребята! Авианосцы, ракеты, субмарины, «СУ», «F», «X», «У», и т. д. Но мы всё равно всех нае(ПИСК)бём. И англичан, и турок. В память об адмирале Ушакове – он не проиграл не одного сражения.

Мы бросили пить, и вошли в тот Храм, где пребывала его чудотворная икона.

- Жизнь воина – жёсткая штука, - молвил нам лик Святого Адмирала, – но унывать не стоит. Слава Потёмкину.

Что было потом, описанию не подлежит, ибо умер Иван Семенович Барков - певец забав русских. Но он остался в наших сердцах. «С своей, Гомерка, балалайкой, и ты, Вергилишка, с дудой».

- А про Великий Рим – ничего нет?
- «Представь на мысль плачевну Трою...»

Рим, Рим! – орали мы.

«Есть! «Надвинув Етну, юшку вытер –
Бессилен встати Енцелад...»

Варварская обувь, та, что прошлась по Риму, и пощадила христиан, тоже не сразу стала самая анатомическая, и Ивановские Соколицы с синими глазами не сразу повылазили в Москву.

То же и елдаки наши: человеческого языка не понимают, а понимают только женский, и еще желательно, что он был в голове, а голова, как заметила Майя Михайловна Плисецкая, как и «Анна», «на шее».

- Между прочим, - сказал (*), - в сенате все вопросы решались – исключительно качеством кайфа.

- А что за кайф? – тут мы все, как один, кой-чем встрепенулись.

- Не имеет значения. Я-то думаю, что все, конечно, решает, общее число лесбиянок. Даже не качество – просто число. Ибо число есть форма, а содержание этой вашей бесконечной истории никого не интересует. Народу было и будет интересно, что ему по кайфу, а что – нет.

- Ну что, много там было лесбиянок? – спросил Патрекей, пробежав свою десятку и отпарясь «по-черному».

- Половина страдала, а половина – прикидывалась.

- Да, вот вам вечный город, термы. Вот вам поле для конфликтов, - выйдешь в поле. А там тысячи, да что там скромничать, десятки тысяч.

- Кого?

- Да лесбиянок же. А чего душу травить? Кто сказал, что вечный РИМ – это кровь и пот. Да кто вам такое сказал? Вспомните, как выломили речь в сенате, без трусов и в тогах – любо дорого было смотреть – тому, кто видит, и слышать невозможно тому, кто глух – от рождения!

- Ага. А вы попробуйте поруководить хотя бы шестьюдесятью дебилами – вот они вам дадут про(ПИСК)сратья, особливо, ежели

сидевшие. А вы – целая Евразия под жопой! – встрял со свойственным ему тактом Патрекей, и мы, взглянув на него, сказали:

- Ба! Так это ж цезарь. Цезарь, ты который?

- Оставьте ловчего в покое, - сказал (*) грозно, и продолжил свою римскую эпопею. – Это было лет за двадцать до Кровавого Яйца.

Мы вспомнили, ибо Кровавым Яйцом звали Калигулу, так что привязались легко – как по данным геофизики – к пермским солям, правил Тиберий, скрывающийся нынче в мерцающих веках под патрекеевской личиной (небритой харей*).

Помнится, разлезлись по термам, запустили кому мурен, кому пираний, (*) запустил себе рыбок золотых (все орал, «кам ин, май литл фишен!», словно Тиберий он, а не Патрекей*).

Под водой стали бурлить те, кому кого Зевс послал, но Муза не пришла – она дерзнула пренебречь нашими божественными прикосновениями, и над круглыми задами (тогда воздух был чист, и все зады были круглыми, а чего им, спрашивается, не круглеть, если всего навалом, и столы ломились от явств, и (ПИСК*) стоял, и деньги были*), смиренных рабынь всех видов и мастей замигала надпись:

«Минутная готовность, суки!»

- Давай повспоминаем Колизей, дорогой (*)! – проорали мы, толкаясь – нас было в ту пору двенадцать на одно очко, прорубленное прямо в сундук мертвеца – за бутылкой рома. – Во где рубка была! Главные люди в стране – гладиаторы!

- Вы видели Никодима? Никодима не видели? Смотрите – вон он строчит последнее евангелие – неканоническое, прямо от себя, и ходит – за угол, налево. Человек как человек, но до чего ж так звонко щемятся в его кошельке зеленые монеты: благая цель – перекрыть грядущего Ницше, чтоб тот не сказал, что мол, и римляне стали армянами после того, как узрели в яйцах Давида – чистый цемент, и песка там было процентов на девяносто. Египетского песка!

Он пишет потомкам, что прокуратор Пилат до последнего отбивал Христа у евреев, сам получил несколько ударов, а потом, с горя, велел выдать на живодерню своего любимого пса – предка наших

боевых догов, ульмского происхождения и голубого окраса – их всех звали Нордами, и судьба их была трагична.

Всмотритесь в его коммерческое письмо: это он, неизвестный неканонист Никодим кладёт Пилата вместе с его булгаковским псом на иудейскую эту амбразуру (не выговорить на идише*).

Он, этот прославленный прокуратор, защищая Спасителя, должно быть, предвидел явление в Возрожденный Вечный Город конной статуи императора Константина, подпоркой бронзового коня которому служил гвоздь с Распятия (гвоздь подарила ему матушка, сделав сыновьей боевой эмблемой тот самый Крест, а как звали скакуна – история не знает, однако часто путает его с Вещим Олегом, который про своего коника сказал: «Каков был! Я ездил на нем, как на танке»*).

- Кончайте трудиться! – крикнул Одиссей (*). – Нету талантов, нету соблазнов, меньше будем водки пить, здоровей будем.

(Дословно: (*) имел в виду те монеты, коими Великий Александр сорил, не слезая с набитой холки Буцефала, (да простят нас итальянцы, речь в конце концов идёт о греках, - покоренные народы задарили ему коровье седло, а сатрапы проглядели*)). –

- Гаси станок! Покамест – мастурбируйте, а там поглядим, как закрутится спираль – может, вылезет из гробницы какой-нибудь фараон, и научит нас, как самим промумифицироваться.

20

- И я дождусь, чем кончится игра!- проорал Одиссей (*), голосом Ричарда (третьего*). - Шесть Ричмондов, должно быть, вышло в поле:

Я пятерых убил, а не его!
Коня, коня, полцарства за коня!

Тот из нас, кто был самый запасливый (это был опять Механик*), кинул (*) Одиссею бутылку “белой лошади”, на том нынче и успокоились, но рано: мы вспомнили, что Британия как-то была

римскими задворками, что до Израиля – тут историки бьются, как куры за стеной.

- Что ни говори, а Риму подосрал Иуда.

Сказав это, он заглянул Иуде в ясны очи, и те из нас, кто еще не удалился присесть на «аутодафе» (каждый на своё*), увидели четвертую версию предательства, такой, как зарядил ее нам Великий Мистификатор – Борхес.

- Это как он еще зарядил? – вспылили мы.

- С неким сатанинским пылом, - сказал (*), а потом прочел:

«С потрясающей ясностью он (Иуда*) он заранее продумал свои грехи. В прелюбодеянии обычно участвуют нежность и самоотверженность; в убийстве – храбрость; в профанациях и кощунстве – некий сатанинский пыл (!*). Иуда же забрал грехи, не просветленные ни единой добродетелью: злоупотребление доверием (Иоанн, 12, 6) и донос».

Мы злобно переглянулись, вычисляя среди нас того, кто готовился продаться – пусть даже с «веревочной петлей на залитым кровью поле».

Мы уже были готовы издохнуть хором от разрывов бесконечной своей аневризмы, которую можно было проложить – на весь экватор, как некогда это проделал Нильс Рунеберг, в 1912-м году, - кажется, в том году ушел «Титаник», разбивая пространство своим, никому еще тогда неизвестным «SOS»; но в помещение, где стоял станок, вновь ворвался (*), и взмахнул, чем Бог послал.

- Не дергайтесь, рыцари круглого стола! Он уже накрыт, и посередине стоят Святая Чаша. Кто-то уже взял на себя грех, заявив, что Иуда – тайное имя Бога, мы же вновь обратимся к тому фатальному обзору, в который посвятил нас Борхес. Весь этот греховодный морг собрал вместе он, и только он. Помянем:

Илью и Моисея, которые на горе закрыли себе лица, чтобы не видеть Бога; Исайю, павшего ниц, когда его глаза узрели Того, чьей славой полнится земля; Саула, глаза которого ослепили на пути в Дамаск; раввина Симона Бен-Аззай, который узрел Рай и умер; знаменитого колдуна Джованни из Витеборо, который обезумел, когда ему

удалось узреть Троицу; мидрашим, которые презирают нечестивцев, произносящих Шем-Гамфораш, Тайное Имя Бога, и т. д., и т. п., да мало ли еще прозревших и узревших?

(От себя добавим ловчего нашего, батьку Патрекея, который сам не раз в этой жизни, а особенно в предыдущей, видел такое, отчего сам собой возносился небесный планктон – прямо к звездным пастбищам, где ныряют в бездну огромные и мудрые киты*).

А Рим?

«Валерий Соран умер из-за того, что разгласил его тайное имя, - сказал Борхес – Великий Мистификатор, пребывающий ныне в легком недоумении от того, что шайка негодяев морочит его нетленный дух, добавив: какая же бесконечная кара будет назначена ему за то, что он открыл и разгласил грозное имя Бога?»

- Бога, это который потом вознесся во плоти? – спросили мы, напрашиваясь (*) на комплимент.
- Вернитесь в Рим, братья Елдаковы, - со злостью сказал Одиссей.
- Как – как?
- Нерона тело подводило? Сенеку подвело!
- А чо злой-то?
- Полнолуние.

Мы взглянули под ноги – под нами была лунная пыль, а любимый Гилмор выводил свою «Черную сторону».

Мы взглянули в бездну – там, на далекой нашей планете, вне времени и денег наши духи шли через Форум, предупредить Цезаря.

Но, повторяем, Луна была полная и мы не дошли.

21

Глава двадцать первая: "КАРНАВАЛ"

“Доска безумных ассоциаций” (ИЛЛЮСТРАЦИЯ)
1931 Г.,

- "Смерть - ничто, голубица - совесть", - гвадемальская поговорка, сказал как-то Одиссей (*) - А что, господа присяжные заседатели. Не запалить ли нам весь этот шоу-бизнес?

- Точно! - вскричали мы, запахиваясь на ходу в красные, оранжевые, желтые, зеленые, голубые, синие, фиолетовые овечьи бурки, и с третьего этажа на второй соскакивали во в многообразном множестве своем.

- Хлеба и зрелищ! - научил как-то оратор римский сенат свой же римский народ.

Не хотелось нам в тот радостный день изводить себя и других требованием идей невысказанных, например - вечный пир во время вечной чумы и т.д., можно спорить с теми, кто имеет во время войны такой экстаз, который не даст ни один хлеб и ни одно зрелище - все мы, числом 12, (13-м был Одиссей (*)), бесились и неистовствовали с тех самых пор, как по теории того же Т. Маккенны, самого главного шамана современности, обезьяна объелась первого галлюциногенного гриба, у нее настало просветление, и стала она тем самым первобытным человеком, который хрена не соображал до тех самых пор, пока не изобрел атомную бомбу, и человечество вдруг перебздело и сообразило.

- Пятидесятый год, господа присяжные заседатели, - вещал (*) Одиссей, расхаживая возле пылающего сосновыми поленьями камина - это, воссоздающее нам все картины мира, хайло (типа: “Свет мой, зеркальце, скажи”*), было выложено той керамикой, которую мы достали у берегов Родосса, когда там пьяные купались.

- Аллегоры были самыми плодовитыми, женщины самыми красивыми, пираньи самыми прожорливыми, русские самыми счастливыми, а первые хиппи еще ходили в восьмой класс средней школы, и не знали, что такое героин.

Вспомните:

Человечество доводило себя до экстаза самыми гуманными за всю свою историю способами, не смотря на холодную войну, от которой у военных чинов и политиков леденели яйца.

Отсюда и та самая цветастость тонов и буйство красок - год пятидесятый - сексуальная революция в Швеции - то есть тот самый прогресс, который, например, в латинской Америки просто не заметен, потому что такая революция здесь существовала уже десять тысяч лет, и

ее провозгласили индейцы Амазонки, знакомые с устройством Вселенной именно потому, что не имеют другой собственности, кроме лука, стрел и набедренной повязки.

Год пятидесятый: всего год назад, 29 августа 1949 года в СССР испытали атомную бомбу, схему которой за небольшую сумму продал советам Клаус Фукс, а нынче, в году пятидесятом, его уже арестовали в Англии, скоро наступит июль, и президент Эйзенхауэр, в рамках проекта "Охота на ведьм", арестует супругов Розенбергов, а директор ФБР Эдвард Гувер заявит, что все пойманные ведьмы должны быть изжарены на электрическом костре, и упадет железный занавес.

Год пятидесятый - еще никогда мир столь явно не напоминал большой театр, с его безумными декорациями, и противопожарной атрибутикой.

Год пятидесятый - в СССР снимается документальный сериал "Летопись полувека", а в Бразилии в тропических лесах Амазонии по-прежнему полным-полно диких обезьян. Они скачут по всему этому мыслимому гербарии. Он произрастает на этой влажной земле, под ней, над ней - какой смысл загромождать свою жизнь тем, что - мусор?

(То же и правосудие, которое стоит денег, и потому - для идиотов, а так же та зомбированность скандинавских детей своих революционных отцов, которым секс видится исключительно причиной деторождения? Это обстоятельство знаменует шведские пристрастия Великого Комбинатора - бездушных людей легче очаровывать, им, в конце концов - все равно, будут они очарованы, или нет - у них шведская семья, а мы, будь немного поглупее, куда б талантливей шифровали древние тексты *).

Год пятидесятый - уже пять лет, как все продвинутые мужи мира сего сначала объединились для того, что бы дружно обоссать холм третьего рейха, а потом разъехаться делить бабло.

А лимузины? Взгляните на хуликовский, - Одиссей (*) выглянул в окно, где, неизвестно откуда, "к подъезду подкатил кабриолет", и оставалось только выйти платье "цвета фиолет, в манто и удивительном колье", - он к нам еще придет, - то самое средство, которое не передвижения, а сами понимаете чего, - в мирной обстановке Копакабаны выглядит не то, что у ворот этого дурацкого, никому не нужного бункера - ох уж эти немцы с их этим вечным фундаментализмом - они из обыкновенного публичного дома умудряются сделать склад боеприпасов - это у них с тех самых пор,

как римский народ подзаткнулся, перестал требовать зрелищ, и стал довольствоваться травой, водой и дымом.

Год пятидесятый! Человечество уже десять лет, как поделило Польшу, уже пять лет, как оно второй раз поделило Польшу, и еще 17 лет, до того, как оно ее поделит вновь.

Люди прекратили легальную продажу друг друга, и за убийство вот уже пять лет, как стали сажать в тюрьму.

Над Вайомингом ПВО США, которые, как никто, трясутся за свое воздушное пространство (через какие-нибудь сорок лет внук генерала Паулюса, поклявшегося отомстить за свое поражение в Сталинградской битве сорок второго года, приземлится-таки у кремля, пользуясь чисто русским гостеприимством*), прогремел ракетный залп с земли, и одновременно с истребителей посланы две ракеты - "воздух-воздух" - и та самая тарелка, только что, буквально пять минут тому земного времени, сбросила свою лучшую женщину на карнавал в Рио, так сказать, "пересидеть паузу", пока та сфотографирует военные объекты Пентагона - в фас и профиль, уже падает на каменистый песок пустыни, как пел Поэт "слегка покривив отражатель". (Через двадцать лет ЦРУ рассекретит кадры из морга, где вскрывают кишки родного брата той, что коронована нынче на золотом троне в Рио*).

Здесь мы, признаться, ни хрена не поняли, и решили, что Одиссей (*) говорит нам одно, а думает о чем-то другом, должно быть, об адском самоустройстве, однако мысль ему сбивать не стали, а когда кто-то из нас потянулся за носовым платком, а нам показалось - за "Веблей-Скоттом" (он у него имел хайло 11 мм, ибо насморк был нынче - у Ковбоя*), то тут же был от(ПИСК*)зжен, и на три дня из есаулов разжалован в рядовые выжлятники, и поставлен в конюшню, что называется, "на говно!"

- Год пятидесятый! - орал Одиссей (*), как будто он только что вынырнул из этого самого года 50-го, и вот-вот был готов туда обратно занырнуть. - Никто не обходит этот Новый Колизей, ни по кругу, ни по прямой, вопрошая толпу кровожадных граждан - "добить" или "не добить", - двадцатый век гуманен до странного - еще недавно он отправлял себя на тот свет руками тех же, кто ощущает себя временем, а поделив себя на половины - кровавую и бескровную, он зрит плоды гуманизма.

Год пятидесятый - ни тебе разгуливающих по арене цирка львов, и вообще ничего угрожающего. Если кто кого и забивает до смерти, то, хоть и без правил, но зато в восьмиугольнике, кто зашел, тот нарвался, кто не спрятался, тот сам виноват.

Первый город на Западном полушарии, разрешивший такое у себя - вольный Рио, в котором именно в этом году стали продавать билеты на карнавал, и вполне возможно, что некий Шлюхенман купил билет у "бишейрос" некого Бендера, она оба этих высококлассных афериста до сих пор лазили по разным крышам, но теперь начался дележ территории - все хотелось, чтобы их персональный ад был, согласно теории Великого Сальвадора, а по совместительству и Данте, "схож с раем".

"Год пятидесятый" - твердит себе на ночь стальной пигмей, непременно добавляя, как слова из молитвы: "Жить стало веселее", уже чувствуя свой недалекий конец, (вот он, рядом), и, представляя себя в окружении семидесяти миллионов загубленных душ, тех, что отпустил он на свободу - вечную и никем не оспоренную, - от «туда» ещё никто не возвращался.

Он засыпает, и видит пророческую картину, как кто-то разгребает за три года до Нового Тысячелетия архив дочери Л.Н. Толстого, и находит там документы, подтверждающие, что он, великий кормчий, по молодости побирался в качестве стукача царской охраны - и такой человек построил такую красоту, как шпалеобразные каменные избы в городе Москве, а та, что на Красных Воротах, - просто находка для террористов, потому что, ежели чо, провалится в самое метро.

Не иначе, как Одиссей (*) собрался нынче учредить какую-нибудь партию, типа "Покой и воля", ибо ассигнования получены, и свое существование на поверхности матери-Земли надо было как-то отрабатывать, - решили мы.

- Но не до такой же степени! – драли мы глотки, но (*) Одиссей не слышал - он говорил, ибо был нынче - всего этого премудрого спектакля постановщик.

- Год пятидесятый, - заливался наш (*) (Хитрожопый) Соловей, - на территории старейшего восточного континента процветает справедливое государство - там самые главные люди - профессора, писатели, артисты, политбюро и т.д., и для того, что бы сесть в тюрьму, надо уж очень разозлить генсека, - наступает относительный покой, и никому не дадут сдохнуть с голоду, - поднимут, приберут, поселят.

Я вижу, вы подустали, но вот последнее, и можете начинать жрать свою водку - подкопенок уже принесли, так что последнее - год, как уже тридцать раз упоминалось, пятидесятый.

А мы не живем ни в осажденных городах, тихо вздрагивая под мерным стуком штурмовых бревен; мы не будем ни убиты, ни изнасилованы (в массовом, имеется в виду, масштабе, ибо природа, как говорится в чьей-то диссертации, не заботится о единичной жизни, а заботится она лишь о сохранении вида*).

Год пятидесятый: - была суббота второй недели февраля года пятидесятого.

Мы помолчали, и прежде чем начать распределять роли в этом домашнем спектакле (Вселенная - Нам - Как Дом Родной*), все-таки спросили, что ж за подкопеночки такие, - многие из нас не могли припомнить, что ж за грибы такие, с виду на мясо похожие.

- Жрите, дети, - сказал Одиссей (*), почесывая под буркой свою (*). - Подкопеночки - на чистом зерне.

Тут мы и сообразили, глядя в зеленые очи нашего кота Муррза, почему они у него светились огнем презрения.

Подкопеночками являлись полевые мыши, зажаренные на углях - прямо в нашем "окне в мир", только с купированными хвостами.

Мы выпили водки, и закусили подкопеночками, рассчитывая на то, что при почти уже полученном гонораре, можно было бы не экономить на мышеловках, ибо думали, что в свете предстоящего спектакля Одиссей (*) придумал нам какую-нибудь очередную мулю, что б в мирное время, стало быть, совсем не свихнулись без экстремальных видов спорта - мы уже неделю как не ездили на охоту, дабы проверить себя на выдержку - дублировать звон костей и сладость поцелуев, за этим видимым - за кадром.

- Ладно, - сказал Одиссей перед тем, как отправить Ковчег - в поход. - Ни слова о Золотом Руне - особенно при моряках. Потому что никто не сможет его украсть лучше вора, - так сказали Ясону, царю Илока.

- Что этому коту нужно?

- Душить и жрать.

Вчера он, будучи двухмесячным котёнком. Выпрыгнул за борт, взял подранка, запрыгнул вместе с ним на борт «Ковчега».

- А что за дичь?

- Сохатый. Вот с такими рогами, - ловчий показал.

- А что с морским свином по кличке Бэшэн?

- Сожрал его кот. Когда тот ушёл с Ковчега. Тому – идти и жрать – по хе(ПИСК)ру стороны света. Настоящий буддист. Полная свобода.

- Ныне покойный. –

- Да по х(ПИСК)ую ему.

В этом месте нам надобно было прервать повествование, дабы сожрать погубленную накануне дичь (на столе был заяц, который, как в последствии признался тот из нас, кто его замочил, “и мяукнуть не успел”; дудак (дрофа*), которая оказалась недощипанной и недожаренной, вдруг сорвалась со стола, и улетела - в самые верхние небеса, Одиссей (*) впоследствии заметил, что это был тот самый маркесовский ангел; а еще нам подали 12 банок варенья, и пока мы его поедали, то успокаивали себя единственной мыслью, что оно засахарилось, на самом деле мы поедали этих самых “подкопенокочков” дерьмо, ибо академический гонорар мы про(ПИСК)ебали за полтора суток, крокодил не родился, кокос не созрел, и даже молитвы - не творились.

При таком раскладе Одиссей (*), прекрасно понимая, что выход единственный, как и приход (которого не было, такой приход был иллюзорен - по сути своей*) - углубиться в работу, и не ехать на охоту, а стало быть - не дать убить коням - копыта, а собакам - лапы, и ни хрена не добыть - шел дождь, и вся дичь залегла, как говорится - “намертво”.

- Надобно проделать какую-то попытку некого интеллектуального прорыва, - говорил Одиссей (*), глядя на нашего жирного кота, и размышляя - кто следующий?

- В противном случае мы рискуем либо потерять нить, либо перепутать жанр, либо влюбиться безответной любовью, а стало быть - наутро пустить себе пулю в лоб, и потом выяснять со своими ангелами, по какому праву лишил себя того, что дадено Создателем - головы.

Не зря он это все сказал, ох - не зря - решили мы, ибо до нас начало доходить, чего ж мучились - вот он, тот, от кого зависит ваша участь, чуть ниже – дантевский Ад, повыше – догматский Рай, и все это бесконечно, как время, и ада на самом деле нет - иначе как допустить, что грешники (то есть мы, мужья ученые*), будут вечно смеяться над благими помыслами Творца, но глянь - там так же нищтяк, просто выглядят они, грешники, перед ангелами "самых верхних небес" - как вылитые черти.

- Гляньте, какая там веселая компания, - говорил разгоряченный, (*) Одиссей, - и все предаются там как раз тем вопиющим занятиям (съемкам порнографических фильмов, например - кто не знает такого греха, тот, ваще, не грешник*).

Ничего в этом сложного нет, - продолжал (*), просто на мгновение представьте себя Неопознанными Летающими Объектами, этакой эскадрильей тарелок - (Господи, за всю историю этого паскудного мира (и такого прекрасного, прости, Господи!*), никто, кроме нас, так по-дурацки себя не называл!*), только не стадом дебилов, рулящих по небесам в запаянной кастрюле, и, как советовал кто-то из нашего же предисловия, “поэт должен быть поэмой”, - кажется, какой-то француз, - короче, тарелка должна быть тарелкой, а объект - объектом. Я нормально изъясняюсь?

Нам нравилось, а чо.

- Эх, не я вас народил, и не мне над вами глумиться - спорол (ПИСК*) Одиссей (*), и перенесся прямо - по ходу прожектора, который освещал тот самый карнавал, на котором нам нынче суждено было побывать, приняв стоические образы этой самый хулиовской мамашей, которая была одной из тех тварей, что породило воображение Великого Сальвадора.

- Ну, и как вам там? - спросил Одиссей (*).

Нам там было хреново, - но поэтому он и был у нас самый (*), и умудрялся ловить кайф тогда, когда его в каком-то кабаке выловило 12 обманутых мужей (нас там не было, иначе жизнь была бы не иллюзорна,

а абсурдна, в натуре*), и самого едва не перевели в желеобразное состояние (хрен бы они его перевели, (*) был в форме*).

- Теперь взгляните на последнюю страницу этого вашего интимного дневника, в который ни одна училка в мире не напишет тебе замечание, потому что вы все уже взрослые и потому - глупые.

Если точно следовать нашей ученой инструкции, и посекундно вспомнить всю предыдущую минуту, а потом представить, что минута эта - была жизнь, то можно превратиться в НЛЮ, и пронестись по лучу этого самого волшебного прожектора от трибуны, где сидят существа вполне материальные - однако и сейчас они оставили о себе лишь легенду - потому что нету их с нами, - он оглянулся по углам, выглянул в небеса, и сказал кому-то - Пардон, отцы, я вас не заметил, здравствуйте, Валерий Палыч, как леталось?

В этом месте нашей бесконечной мозаики, и элементами строительства которой были, по мнению академика В.В. Глейзера, не слова, а буквы, вскочил кто-то из нас, забыв о договоре, - не вмешиваться в друг друга дела.

- Братья! - вскричал он, как будто у него не разу не было в жизни так, что, в конце концов его окружали медсестры, и поэтому его сразу оттащили спать, но крикнуть он успел, - мы тут переносимся к тем, кто живет в мире ином - нематериальном, ибо тех, кого мы любим, как правило не бывает с нами - и вот тут пади, узнай, кто есть, а кого нет и не было? Может, не было и нас, мужей ученых?

Мы, мужья ученые, рискуем постоянно, даже чаще, чем те канатоходцы, что ходят со страховкой - у нас такой страховки нет.

Среди нас есть представители такой редкой ученой профессии, как бионика, - науки брать пример с животных, и всегда побеждать, потому что при человеческом упорстве развить себе ноги до упругости, присущей зайцу, скажем, русаку.

Так что ученая комиссия по наследию трёх Великих, решила сделать длинную петлю, и вернуться прямо под нос ГОНчим по своим же следам - факт для природы практически ежедневный. Поэтому с ходу хватаем томик Плантона - он у нас прямо рядом с Ваней Барковым - стихи для услады, а истину - вместо клизмы на ночь, и читаем в том месте, где он говорит о вечности, как таковой - он там именует нас, мужей ученых, как (мы цитируем, порой, его, или тех, кто вместе с ним, то есть -

"СЛАВНЫХ МУЖЕЙ ДРЕВНОСТИ".

- Читать Платона мы не будем, - сказал Одиссей (*) ловчому Патрекею тоном, в соответствии с нормальной дистанцией царя до ловчего, расстояние вытянутой руки, - потому что сегодня 1 02 2003, в 9.16 – по их времени, и в 17.16 – по нашему взорвался «Шаттл», а там был – первый израильский космонавт.

- А что случилось?

- Бен Ладан сглазил, а в Голливуде научили, как. Слава героям. Чьи это мощи, дед?!

- Где?!

- Да вон, в подвалах Ватикана – в древнем сосуде, исполненном в зелёных изумрудах?

- Мои.

- Да ты – святой. Итак!

Вот он луч прожектора, вот он на противоположной трибуне, вот он (Слава Богам!) – «Великий Комбинатор».

И последняя деталь, прежде чем вновь вернуть то благодатное время, и те волшебные дни, и город мечты...

Тут еще тот из нас, кто больше остальных был оскорблен властью (с ним это случалось постоянно), вскочил, разбил о желтый кафель стакан, и спел на какой-то заводной мотивчик (Кажется, это была Бьёрг*), мы подхватили эту нужную мелодию, только чтобы он успокоился, и Одиссей (*) продолжил:

- Признаемся себе - то, что мы сейчас видим, вместе с теми НЛО, что любезно приняли наше приглашение, - это сцена, не поддается никакому описанию - тем более без понятий.

Ибо:

21

Тут с одним из нас случился какой-то полуприпадок, когда он снялся с места - в аллюр, разогнался, и на полном скаку впечатался в железный фонарный столб - старого, еще чугунного образца - вся эта канитель была воспета в предисловии, в том месте, когда все мы бросили по фанту в одиссеевскую, (*) кепку. (Это происходило в имении А.Н Островского, в его Щельковском имении, между Кинишмой и Косторомой*).

Мы просто подняли головы, спросили у светила: интересно, а как она устроена, эта вот (ПИСК), и мы сами себе нажали по кнопкам.

- Это какая? – спросила Луна и нахохлилась.
- Да вселенная же. Когда ж мы дойдем до нашего известного предела? Что время, что пространство? Кто был на троне, - мать Хулио Чкалова – сушёная жаба, или та, что не смогла вернуться – в твоё ледяное лоно?

Ты так же моргала, когда в Москве 1999-го театральные деятели свободного толка дарили друг другу «Золотые маски»: шла война на Балканах, Одиссей молил за мир, валяясь перед Распятием в Меньшиковской башне (в той, что на Чистых прудах*) всем было приказано заткнуться, мы всех послали, нам перекрыли эфир;

в Малом театре справили юбилей «Короля Густава Васса» Стриндберга (этого антисемита и алкоголика, последний раз это произведении ставилось как раз в сорок первом).

Что до нас, так нам больше нравилась пьеса, где девка коммунистического толка мочит единственного мужика на Райском Острове, потомственного аристократа, и тем самым реформирует сюжет мироздания, (она называется: «Сорок первый» - Адам вовсе и не отравился свободой (что это было там вообще за яблоко*), не просто остался с голой жопой, оказывается – его вовсе не стало, а формальным искусителем была любовь – женщины к мужчине*).

А сам король Густав! В честь его Величества построенный корабль не простоял и получаса – он перевернулся и утонул – тоже прообраз, трагический прообраз всех имеющихся ныне «Ковчегов» (тварей – по паре, а надежных судов нет, если только из нержавейки*), тоже, между прочем, нехилая реформация – ибо из корабля потом заделали мавзолей, не хуже Ильича нашего дорогого (какое-нибудь ему царство в придачу, впрочем, если бы не он, мы все – 12 рыл и один (*), никогда и не встретились, и не родились, ибо существовала свободная от всего мира – наша бессменная команда).

Итак, Луна, мы собираем с тебя пыль – тогда, перед двухтысячным юбилеем нашей межпланетной станции, которая летит в бездну, верхом на своем безответном «SOS».

Мы и тогда собрали с тебя пыль под «dark side» – а помчались домой - под «Rat bat blue», предварительно заглянув в город Амстердам – там как раз чалил “Ковчег” с мокрым от холода (*).

Луна! Европу обсирали железные грифы, мир содрогнулся и заткнулся – отсюда было хорошо видно? Какая нелегкая вынесла тогда тех, кто там, внизу, шастает по этой голубой планете – там, там-тарам, там-тарам? То бишь, “под облаками”, как пели когда-то “Самоцветы”? Ах, там было “над облаками”? Ну да ладно.

А видно ли было отсюда, не сойти нам с этого лунного места, как царица Клеопатра въезжала в Рим, торговать, так сказать, вагиной? А эта – с позволения сказать, королева Рио? Та самая, которой король Момо должен был передать ключи от Рио – в нашей власти подправить эту линейную магистраль, и сделать так, что бы ключ получила Гала, как обещал ей Великий Комбинатор, но она этот ключ не получит.

- ?
- Сука она была.

22

Глава двадцать вторая: "Белая стена"

Время проистекало так, как могли передвигаться далианские часы - они ползли по всем тем пейзажам, которые мы наблюдали, с позиции оказавшегося на суше осьминога (полураком*).

Один раз, после того, как покойный король Джон пальнул из пушек - по всем крохотным клеткам, где сидели воробьи (как поведали нам позднее в “Крематории”*), часы заползли на самый старый в обозримой антропоидной истории фаллоимитатор, и повисли на не его зачехленной части, показывая свое вечное “6”, “6”, “6”.

Порой Часы показывали картинки, ибо они, в зависимости от даты, принадлежали разным королям, и раз уж они показали нам Джона, то он сидел в своем мятежном 1215-м году, и подписывал нам, двенадцати рыцарям Стола (он был уже накрыт*), “Великую хартию вольностей”.

Мы прочли свои рыцарские привилегии, и не стали распространять их на всех - самим было мало, потом взглянули на Джона, и сразу же

прорвались на тыщу лет назад, дабы убедиться, что он - и есть Одиссей (*).

- Ты ли это, двужопый! - воскликнули мы, и (*) лишний раз простил нам наши оплошности с именами, да он и сам расписывался каждый раз по-разному (часто бил по харям насильников*), так что, можно считать, мы никогда и не расставались потому, что всякий раз в комиссиях по наследию надо было заверять божественный автограф - мы говорили, что у (*) хронические переломы всего, что только можно.

Мы прикладывали каждый - свой отпечаток любого из уцелевших на наших псовых охотах пальцах, и дактилоскописты вешались целыми подразделениями, ибо по их ё(ПИСК)баной теории, на всей земле им не приходилось находить двух одинаковых отпечатков - вроде рисунка на правой бочине у африканской зебры, по которой принято примерять течение любой жизни.

- Двурогий! - поправились мы, и такая поправка показалась (*) приемлемой, - он обладал точно такой же дыркой в черепе от удара кирпичом, какую получил Великий Александр после битвы с поретаками, когда надо он взобрался на скалу Хориена (Высота скалы была 20 стадий, и Святое войско продвигалась не больше, чем на 12 локтей, тут-то в царя и запустили скальной глыбой - она была из обсидиана, с какими-то загадочными знаками из трех букв, никому не скажем, какими - камень тот мы возим с собой*.)

Часы показали нам время, когда стадия измерялась в метрах (184, 98*), да и локоть тоже (4624*), да и талант стоил 24 руб.25 к., а драхма - 24,5 коп, и все золотом, да и сама форма царской, кудрявой головы была идентична с (*), - прямо как на монументальной скульптуре “Битва с амазонками” - неизвестный скульптор как раз запечатлел тот момент, когда большинство амазонок отвоевались, и встали раком - они так сдавались на милость победителю, так что мы переместили свои задницы подальше в Византию - что Итака, что Македония - эллинизм, он и в Африке - эллинизм.

Для того, чтобы нам было сподручнее представлять себе пра-пра-прадеды наших, и никому неизвестных отцов, мы воткнули в предполагаемое его основание классическую чернильницу - Одиссей (*) как-то ее купил на киностудии “Союзмультфильм”, ее играла, покойная нынче, народная артистка Московского театра им. Александра

Сергеича, Л. Викланд - в одном из своих интервью она призналась, что мечтала сыграть Снежную Королеву с 1932-го года, однако злая режиссерская воля сломала ее амплуа, - пришлось отыгрываться на крестной матери.

Мы захватили с собой Далианский Имитатор - он был изготовлен из единого хлебного мякиша, побывавшего перед этим в зубах известного в тамошних кругах тираннозавра, который был настолько агрессивен и хищен по гнусной сути своей, что не стал глотать то, что не было мясом. (Кому из нас, плотоядных, легче живется, взять хотя бы того же Ле Вегу - кто скажет, что он - ретороград? Все новое - один (ПИСК*) - старое*). (ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

КАТ.№2, СТР. 124.

“Антропоморфный хлеб”, 1932 г.,
Холст, масло, 24 X 33 см.
Музей Сальвадора Дали, Сент-Питерсберг, Флорида, США.

Марко ди Капуа, наш извечный оппонент, называл этот хлеб “Бесполезный хлеб Сальвадора Дали - хлеб несъедобный, символ похоти”.

Мы назвали этот сушеный батон самым рационально используемым - за все историю хлебопекарен.

“Это был хлеб аристократический, параноический, софический, иезуитский, необыкновенный и обессиливающий”, - сказал о нем сам Великий Сальвадор.

Так вот, прошел как-то мимо этой элементарной, как все гениальное, инсталляции Одиссей (*), вернулся, выдернул резинку из трусов, подвязал батон, перевел стрелки, мокнул перо в чернила, и написал на стене этого вечного огня - в нарисованном камине:

“А мы, писатели, всё пишем, грехи свои усугубляем”.

Потом он вдруг рванул к погребку, выволок от туда всю имеющуюся чачу, и стал пить.

Когда мы спросили его, не пора ли подзавязать, он попросил воткнуть в розетку наш бортовой компьютер, и спросил:

- Ну, господа присяжные заседатели, или рыцари круглого стола, с вольной хартией под мышкой, что вы там видите?

Мы, все, как один, вгляделись в экран, и увидели там

“WORD - 3000”

- Ни х(ПИСК)уя себе, - сказали мы себе, что ж это был за кайф, если мы пропустили за последнюю тысячу лет столько смен парламентов, правительств, и что самое обидное - тысячу бразильских карнавалов.

- Самое обидное другое, - сказал Одиссей (*), забивая чопик в пустую бочку из-под чачи, выдержка которой была, как только сейчас выяснилось, 1000 лет, а световые они были, или не очень - точно не знал ни кто, кроме, разумеется, (*). - Самое обидное, что я так долго не знал латинский язык, и не думал, что...

- Да, да, “Уллис”, - дружно сказали мы.

- Да нет, - сказал Одиссей (*), и выхватил из кармана все того же К.Г. Юнга - за последние 1000 лет некогда правильное лицо известного психотерапевта приобрело форму волосатого кукиша.

(*) стал читать комментарии некого доктора Дэ. Броуди, в прошлом возглавляющим цюрихским издательством “Rhein Verlag”, опубликовавшим в двадцать седьмом году прошлого столетия немецкий перевод “Уллиса” (2-е и 3-е издания - в 1930 -м году).

В комментариях мы не увидели ни х(ПИСК)уя ценного, однако на глаза нам попало письмо Юнга Джойсу, которое начиналось словами:

“Ваш “Улисс” задал миру такую трудную психологическую задачу, что ко мне как к предполагаемому авторитету в психологии обращались несколько раз...”

Дальше мы позволили себе расслабиться, ибо предстоял отходняк после этого 1000-летнего ГОНа, и слушать этот текст урывками - в ритме “ APOLLO 440” - “Heard go Bum”, когда предстояло убежать, ГНАТЬся, чтоб потом нарваться, - на самих же себя.

Пока мы выбирали себе принцип консистенции этого “КАЙФА - 3000”, до нас доносилось:

“...источник значительного напряжения...”

“..ибо от меня потребовались большие нервные и умственные затраты...”

“...как сильно я скучал, как сильно я роптал, как я ругался...”

- Да пошел он! - сказал тот из нас, кто уже колдовал над колбами.

“...и как восторгался....”

- А, это уже ничего, - не зря мы так и не спалили всю эту психотерапию в камине. Камин, вон, до сих пор пылает, а психотерапии - как не бывало.

“...А последние 40 страниц, которые я проглотил одним глотком, - это нить подлинных жемчужин от психологии. Полагаю, что только чертова бабушка понимает столько же в действительной психологии женщины; мне, во всяком случае, до прочтения книги было известно меньше...”

- А что там у нас в последних страницах? - переспросили друг друга мы, и заглянули в Бездну - там как раз их, сорока-то и не было, так бы мы может, и узнали что-нибудь новое про то, что нас тут всех породило.

- Да не в том дело, что нас тут всех породило, это и так ясно - кто нас всех тут породил, - сказал Одиссей (*). - И не в этом долбанном Карле Густаве, чёрт бы его не видал, а в этом самом Эд. Броуди.

- А что, в самом деле, этот самый Эд. Броуди, - со смутной тревогой переглянулись мы, ибо пребывали мы - в будущем, а оглядываться приходилось - в безвозвратное прошлое.

- А то, что мы, распевая подвиги Великих, забыли про Мистификатора.

Мы так и ахнули, а дежурный алхимик разбил колбу, и мы простились с бессмертием, ибо такое средство находится всего один раз - за всю его историю.

Распростившись с Надеждой, Одиссей (*) напомнил нам, что на первом томе “Тысячи и одной ночи” в переводе уже упомянутого нами Эд. (!) Лейна, сына доктора Теофилуса Лейна, каноника Херефорда (этот деятель вымарал из Великий Книги все путевые места).

- Этот перевод Сказок был подарен Великому Мистификатору (простите за напоминание, но это у нас - Борхес), - сказал (*), - его другом Па. Кейнсом, в нем же и была найдена рукопись, которую позже Великий Мистификатор перевел на испанский.

- Ну и что? - спросили мы в который раз - за последние 1000 лет.

- А то, что эта рукопись принадлежала перу некого Эд. Броуди, - дальше он цитировал, - “чья подпись замысловатым росчерком стоит на последней странице”.

Он был шотландским миссионером родом из Абердина, насаждавшим христианскую веру сначала в центральной Америке, а потом в тропических дебрях Бразилии, куда его привело знание португальского языка.

Там Броуди обнаружил племя Иеху, которые:

“...сжирали сырыми трупы высших жрецов и королей, дабы впитать в себя их достоинства...”,

новорожденного короля уродуют:

“... выжигают ему глаза, отрубают руки и ноги, дабы суетность жизни не отвлекала его от дум...”

а королева, которой не было дозволено видеть своего короля, предложила этому Броуди:

“...себя в присутствии всех своих камеристок...”

но его сан и его убеждения:

“...побудили отклонить эту честь...”.

И далее, последний комментарий Броуди в переводе Великого Мистификатора, хоть он и терпеть не может, чтоб его так называли:

“...Еще у них есть дар предвидения; они со спокойной уверенностью объявляют о том, что случится через десять или пятнадцать минут. Например, возвещают: “Мошка укусит меня в затылок” - или: “Скоро мы услышим крик птицы”. Сотни раз был я свидетелем проявления этого удивительного дара. Долго думал о нем. Мы знаем, что прошлое, настоящее и будущее - каждый пустяк и каждая мелочь запечатлены в пророческой памяти (!) Бога, его вечности. И странно, что люди могут бесконечно далеко смотреть назад, но отнюдь не вперед. Если я помню во всех подробностях стройный норвежский парусник, который видел, когда мне минуло четыре года, то почему меня должно удивлять, что кто-то способен предвидеть ближайшее будущее? С философской точки зрения память - не менее чудесная способность, чем предвидение. Завтрашний день более близок к нам, чем переход евреев через Черное море, о чем мы, тем не менее, не помним...”

Не дожидаясь следующих лекций о флоре, мы разбили вражий флот.

Потом мы пустили бриллиантовое яблочко на тарелочку с голубой каемочкой, и сказали: “свет наш, зеркальце скажи”.

- Что же оно сказало нам, зеркальце наше? - спросили те из нас кто в этот период между “WORDами” спал особенно крепко.

- Оно сказало, что Великий Копола на своей вертолетной атаке в “Апокалипсисе” пользовал “хип-хоп”, а не Вагнера, в том случае, если бы понял, что этот самый “хип-хоп” Вагнера хоть сколько-нибудь, да и поновей, - сказал Одиссей (*), и показал нам последний компакт ушедшего тысячелетия.

- Ну и что там? - спросили мы, ибо у поверженных в свои любимые позы амазонок не было ни правых титек (они удаляли их себе, чтобы лучше стрелялось из лука, особенно на скоку*), ни каких-либо приспособлений, на которых можно было слушать приличную музыку, а не эти их идиотские песнопения.

- Битлы, квины и роллинги.

- И все?

- И все.

Потом (*) сел в свой царский трон, и застрелился, чем Бог послал - мы едва успели его остановить, ибо перехватили ключ от ружейного сейфа.

Мы так никогда и не узнали - в натуре он теперь всадник без головы, или только прикидывается - чтоб от него по лесам по разным сторонам света убегали гнилые егеря, а дамское племя амазонок, про которое бесстрашный Арриан говорил, что его вообще, не было и нет, без боя сдавалось - в соответствующей позе.

23

«РАЙ»

«Как думает солдат убитый
Что он пребывает в Раю»,

- спел как-то Булат Шалвович – этот скромный солдат лежал в театре Вахтангова, как живой, и даже бритые панки стояли в очередь – с цветами. Не перевелись еще, значит, бритые панки.

- А что всё это значит? - спросил тот из нас, которые всем имеющимся головным приборам всегда предпочитал белое сомбреро, и потому не мог ездить верхами – сдувало, как воздушный змей, с косяком «Мальборо» на фиксе золотом. (реформированная реклама «Ностальджи»*)

- Ты о чем?

- Я о том, что Рай - это Розовая пантера под музыку Генри Манчини, когда есть приличный кайф. Мы ностальгируем по тем временам, когда еще не все продавалось, а покупалось еще меньше.

- А какая серия?

- Та, где бык остается жив, хоть и был зол и постоянно нападал на розовую пантеру, это было в Испании – на Родине Великого Сальвадора.

- Если уж вы хотите посетить ад, то так и скажите, - возник Одиссей (*).

- Я был там сегодня с утра, и возвращаться туда не намерен. Предлагаю Рай – надеюсь, никто не будет возражать, что верхние небеса обладают некоторыми преимуществами – хотя бы потому, что нам, Истинным Слугам, хоть изредка, да и надо посещать то место, которое многие

желают называть собранием кардиналов, хоть и кардиналами там – и не пахнет.

К тому же мы совсем уже забыли Борхеса, нашего третьего Великого, хоть и всякого из наших Великих можно было бы легко поставить первым, но вдумайтесь - в этом невысказанном балансе самым честным было бы поставить по алфавиту, чтоб никому обидно не было – надеюсь, ни у кого из присутствующих не было бесцельно прожитых лет.

Борхес ад обозревал, Дали – живописал, Бендер же (он в данном случае последний, ибо подлинный комбинатор никогда не оставляет после себя следов, если только в чьей-то памяти, но нет у него никаких отпечатков, ибо, как и нашего кота Муррзика, не было его*), проживал выданный ему бессмертный отрезок, ибо по настоящему бессмертен только тот, кого на самом деле не было, и не оставляет после себя спорных вопросов, и пребывает в данном ему Автором Раю (получается, Сведенборг прав – по адским щелям страдают от вечной немытости лишь Гении Реальные, а стало быть – грешные все, вдобавок еще и грехи свои усугубляющие, как сказал Поэт – тоже грешник, и тоже сейчас в Аду – и будем надиктовывать его всегда с большой буквы, потому что наши вселенские низы – тоже Божье Попущение, вернее, результат всегда существующего баланса*).

- Херня всё это, – сказал Патрекей, первый на Руси ловчий. – Вам надо было у Аида не по бабам, да автосвалкам лазать.

- А чо?

- А то, что нынче там – одни католики.

P. S.

Сегодня, 11 августа 2000, освобожден из психушки в дер. Котельнич венгр по имени Тамаш, АГЕНТ 007, последний военнопленный второй мировой; 28.01.86 – «Челенджер». 1.02.2003 – «Колумбия», и обломки космолёта продают через интернет провайдеров, в тот же день в космос взметнулся российский «Прогресс».

- Немного осталось до прихода Председателя, - сказал Патрекей, и Муррз заорал, как резанный, хоть и резать было нечего – не было его. Однако то, чего не было, боялось Председателя.

- А уж (*), - тем более, - сказал Патрекей. - Он же всех греческих Богов на (ПИСК) отослал, и, как уже писали в жёлтой прессе, тем самым превратил их в болванов, и провозгласил Христианскую веру.

«С буддийским акцентом, - подумали мы. – Чего ему председатель?» Муррз прошёлся вокруг небесного монитора, который стоял на границе сред, мы переименовали его в Маррса. Хватит этой ё(ПИСК)аной гомановицины, - решили мы.

2(222222222)4

Глава двадцать (222222222) четвёртая: "Скромное обаяние буржуазии"

Мы как-то спросили у Патрекея, правильно ли Одиссей Хитрожопый (*) сделал, что замочил всех женихов Пенелопы. И не только.

- Он же бык, - ответил Патрекей
- ?!
- Реинкорнированный Двурогий, - писали о нём в Коране. Он поэтому и кобылу свою прозвал: Буцефал.

Мы задумались, ибо, насколько нам было известно, этих двух героев разделяла тысяча лет – да только Александр воевал позже.

Лет сто мы уповали на то, что он – и есть пророк Махаммад, и только недавно кто-то умудрился заглянуть в Коран – начался отходняк («мухмурлук» по-болгарски*), а лучшее от него средство – верховая езда, и ещё желательно, что повод был, - найден и натянут.

В тот день мы отработали в манеже, наше творчество грозило перевести наше ГОНчее сообщество в идеальный союз.

Однако назревал конфликт - он внешне не был ничем выражен, но напряжение присутствовало, - сначала оно было неощутимо, но потом мы увидели на стенах дома следы серых мышей, ведущих по отопительной трубе - вверх.

Мышей было всего семь, они проходили сквозь стены, и мы сообразили-таки, что ни хрена это не мыши - это группа паскудных, серых демонов, присланных по наши души.

Одиссей (*) решил, что смена климата, цветов, времен года, необходима, иначе житие наше стало иметь вид какого-то загородного клуба - до того приличного, традиционного и спортивного, что от всего этого уже начинало тошнить.

- В пору хоть Диккенса читай, - сказал Механик, и (*) сразу выдал это изобретение за свое - в конце концов, номера банковских счетов у всех были одинаковы, все были президентами одних и тех же организаций, жили в одну и ту же эпоху, читали одни и те же книги, имели одних и тех же женщин, ибо если кто-то кого-то не поимел, то мог поиметь репутацию человека незаинтересованного.

Одиссей (*) слетал в библиотеку, и принес Александра Сергеича пополам с О, Генри.

- Если уж стали играть на комбинациях, то пора начинать на комбинациях выигрывать, - сказал он, и стал читать:

О Командоре:

..."А был он горд и смел, и нрав имел суровый..."

"О тяжело пожатье каменной его десницы...."

"Маленькие трагедии" А.С. Пушкин.

"Я знаю место, где живут такие олухи, что когда у них не берешь деньги, они кидаются на землю и начинают рыдать! (от счастья)" - О, Генри - трест, который лопнул - Джефферсона Питерса и Энди Таккера.

Потом он заглянул в свой любимый словарь фени, и сразу нашел там единственное шведское слово:

"БЛЮМСТРЕМ" - 1. Состояние наркотического опьянения.
2. Блаженство.

(Д.С. Балдаев "Словарь блатного воровского жаргона - "ФЕНЯ", том 1 (от "А" до "П"*)

- Чтобы это значило? - спросил кто-то.

Мы переглянулись - молча.

- Ну, точно, демоны, - сказал Одиссей (*).

Мы повидали именные шпалеры, и стали палить в потолок - были убиты все семь демонов, и мы потом долго осматривали трупы.

- А с виду ничем от обыкновенных мышей не отличаются, - сказал кто-то, мы опять переглянулись - следов недавних высказываний ни у кого на устах не пребывало.

- А кто мне скажет, почему у нас в гальюне живёт этот Крысиный Король, - спросил Одиссей (*). – К нам девки в гости ходить перестали, потому что говорят, - в нормальных сортирах можно отдохнуть, а вашем - затылок кто-то дышит.

Тогда (*) ворвался в гальюн, и подстрелил Короля - из воздушного пистолета – в ухо наповал. Это был красивый выстрел, он даже вошёл в антологию. Но позже об этом.

Как-то вечером Одиссей (*) застал нас том самый момент ожидания, который не кончается никогда: мы смотрели на экран нашего “ящика” далианского образца 1928 года, и ждали, когда же все-таки эти облака, бегущие над размеченными мостками, которые были предназначены исключительно для того, чтобы по ним можно было разбежаться, и броситься - в никуда, превратятся в “Путь загадки” 1981 года (ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

КАТ. № 2, стр 256.

Одиссей на то и был самым среди нас (*) (хитрожопистым), что моментально сообразил как надо жить дальше, взял клавиатуру и обнаружил там стрелочки вниз, вверх, право, влево.

Он нажал кнопку со стрелочкой вниз, и облака полетели на нас, он нажал кнопочку со стрелочкой вверх - они полетели обратно.

- Этот путь бесконечен, - сказал Одиссей (*), картинно выстаивая в дверях собственную скульптуру. - Видите, в 28-м году Моэстро все пронумеровал, в 1981-м - ни хрена. (ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

КАТ. №2, СТР 91., “Сюрреалистическая композиция”.

Если вы прогоните все пузыри за эти 53 года, то они, в конце концов, превратятся в золото. То есть нам открывается источник, до которого практически доковырялся Раймонд Луллия. За дело, ребята!

Тут он заметил, что его какой-то с утра еще черт, снимает нас из укрытия на видео.

(*) сначала подал ему какой-то загадочный знак, потом поймал, разбил камеру ему о рогатую башку.

Нам стало жарко черта, ибо в старых инквизиторских трактатах мы вычитали, что грех демона в сравнение не идет с ведьминским.

- А что ты ему за знак подал, а, (*) ? - спросили мы.

- Пусть остальные думают, что я убрал эту пленку характерным движением руки - на расстоянии, - сказал (*).

- Ну да. А ты можешь?

- Могу, - он показал. - К тому же он мог растрепать всем кому не лень, каким образом из мешков появляется “воздух”, и наоборот.

Мы так и охренели, - до сих пор никто не желал прикасаться ко всем этим проклятым кнопкам, и вести самый чистый на земле образ жизни - умываться, купаться, стираться, все такое.

Потом мы с горя решили посмотреть, чем это мог порадовать нас нынче хотя бы российский канал, мы запустили ящик, и увидели на экране монитора (*) Одиссея.

- И когда я уезжал на эти самые небеса, свора старух попеременно с блохастыми собаками, желали мне счастливого пути, а потом и вообще, плюнули на весь этот амбициоз, и полетели вслед за мной.

Мы же, после полдника перекурив, чем Бог послал, прикидывали грядущую педерастию Алкеноя, - того, по мнению Одиссея (*), из женихов Пенелопы, которому она дала.

Мы понимали, что Гомер был слеп, мог чего и перепутать (такой факт был налицо – ибо добровольно читать Одиссею в переводе - что голову

самому себе сломать, причём добровольно, как и положено во всякой любви*).

Мы по очереди нарисовали разные картины такой расправы, и подивились нашей изобретательности.

Классического отъедания придатков никто не отменял, тем более, новейшими инженерными способами, например теми, что изобрёл комиссар Гарптшторф Бобу Сенклеру – герою Ж.П. Бельмондо, в кинокартине «Великолепный». (Инициалы не путать с «А.Ж.П.» – это значит по генсековскому спецшифру, как «Активная Жизненная Позиция»).

Там крыске килограмма на полтора зубы пропитали кислотой, она проходила сложный тоннель из дверц и микросхем, которые сама размыкала и замыкала, двигаясь к заветной цели - заднице героя, но комиссия по экологии решила, что крысу переключит, и она, так что посеяли бешеную крысу, а бешеная крыса хуже чокнутой овцы.

На самом деле история такая: Одиссей (*) вернулся из похода не виде старца, а в идеальном облики - том идеале спортивной формы, которую можно себе набрать, шестнадцать лет мотаясь по морям, и, беседуя с Богами, регулярно посылая их НА (а дальше всё по Владимиру Семёновичу – «Чего это вы там? А нас посылают обратно»*).

К тому времени, (которое хоть и забыто, но «слегка» не считается**), (* уже познал заклинание, формулирующиеся так:

- Ах, вы ещё и мяса не жрёте? Поэтому у вас и груди такие девичьи.
- А мы жрём мясо, - с дуру признались женихи, взглянули разом на свои груди, и поняли, что ловить уже не (ПИСК*), ибо (*) начал речь.
- Ну что, граждане писесосы, писелазы, пидарасы.
Маслозавод.
- Я!!! – завизжал Алкеной, и был таков, ибо полетели яйца от шпонки в белой оплётке, и повисли на заборе этого долбанного постоянного двора – иначе не назовёшь.

Оставшиеся женихи заметались по двору, аки куры, и половина уже без бошек, и стали орать про то, как они уже прозвонились папам с мамами, а те – на прямой анальной связи с ФСБ.

Но не было им пощады.

Одисей (*) никого не пощадил, как он потом оправдывался в суде, дескать, как это он, согласно Баркову «тридцать нахалов уёб» (ен зе битте*) - «В раж вошёл. Искушения было слишком велико. Тебя нет, ты там въ(ПИСК)ёбываешь, как папа Карла, а тут такое количество движущихся мишеней ебут твою жену.»

25

Глава двадцать пятая: "БЕЙ ЧЕРНЫХ, ПОКА НЕ ОБЕЛЕЮТ,
БЕЙ БЕЛЫХ, ПОКА НЕ ПОЧЕРНЕЮТ».

....Есть упоение в бою, и бездной вечной на краю..."

"Чума ума, свела умы, с последнего ума".

"Как в этой бездне не ковыряйся, золота там все равно нет", - из высказываний того деятеля, кому Балаганов ассистировал на абортах, а погоняла у деятеля была: «гинеколог».

14. ÑÌÁÍÀ ÌËÀÍÀ.

Кат. 1, стр. 568, № 1272:

"Tuna Fishing" 1966-1967

Бывали моменты, о которых вспоминать по-настоящему тяжело: к примеру, шли мы как-то курсом строго на юг, потому что какая-то шпионка из подвала Аида сказала, что на пляжах Малибу полным-полно точно таких же, как она, только во плоти.

Был полный штиль, как вдруг море разверзлось, вынырнул чертяка Посейдон, схватил писиющего за борт Одиссея (*), и был таков.

Мы так и охренели, потому что, как выяснилось потом, этой ночью все видели один и тот же эротический сон: та самая красотка, что в

царствие мёртвых отправила на, так сказать, освежиться, говорила кошачьим голосом: «Грин писсссссссс...»

Только мы приняли эту утрату как неперемнную часть морской жизни нашей, разверзлось море, явился Посейдон, и выставил на палубу пузырьёк, мы заорали: разливай!!! – но в бутылке оказалось письмо Одиссея (*) Пенелопе, и если бы так было что-нибудь другое, то возник бы бунт на корабле, а так, слюну сглотнули, и вчитались, ибо знали: у (*) от нас не было тайн, к тому же письмо начиналось словами «Моя любовь», и неизвестно, кого он любил больше, Пенелопу, Телемаха, или мироздание (богов он, как писал слепой греческий старец, послал, как только кончилась осада Трои, и получил своё Еней, хоть римлянин и сделал его героем*).

Мы взмолились, искупались, и принялись за чтиво:

«Моя любовь!

Жизнь - это пятнадцатиграундовый поединок, и неважно, сколько он длится, даже если раунды эти – микроскопические.

И раздвинув немыслимые шторы этого синего моря, где обязательно, согласно регламенту (поединок расписан), я всякий раз убеждаюсь, что если б там, куда я стремлюсь верхом на мечте (в народе – метла), произрастёшь ты – где-то возле склона, плющём увитого, и ты там такая, что придёт, наконец, единственное известие, что приплывёт в бутылке – из-под джина – тебя пошлю я, только на пару мгновений раньше (вселенских, разумеется).

Так что если по-прежнему гнать эту тройку с бубенцами, то, боюсь, придётся поменять лошадок – на этой единственной переправе, а я к ним, удалым, уже по привычке: сгорела стая гончих, а на борзых стали экномить – давно уже привыкли покорять этот сколь нулевой, столь и прекрасный мир, по которому бродит Господь – освещающая путь своей паяльной лампой, ибо не было бы тьмы – никто б не разглядел Измену, а глядится она сквозь твои дымы, моя любовь...»

Мы переглянулись, потёрли бутылку, выгнали от туда залётных крабов, потёрли стекло, и увидели, как Одиссей (*) играет царю морей на гусях, а тот рыдает.

Текст показался слегка замысловатым, и решили мы, что он, мол, зашифрован, и надо нам его разгадать.

- Это он отрабатывает глаз Циклопа, - решили мы, и стыдно нам стало, ибо поджопники мочили все, кому не лень, а гусярил – один капитан.

1. Потомок Дракона, мельком зыркнувший в этот момент на Шмидт-Паниковского, увидел бесконечный круг - одна и та же гильотина плавала по горизонтали, и срубала всем героям любовникам мира, их несносные головы.

"За нашу встречу, доктор Гильотен!" - звучала мысль (*), выраженная замысловатом его письме, как все четыре струны контрабаса "СОЛЬ" - "РЕ" - "ЛЯ" - "МИ", а мы, кому в этот раз посчастливилось присутствовать, рыдали по нотам:

«Моя любовь!

Ты уже давно сводишь меня с ума своим потрясающим изобилием, и все эти сраные англичане, сыгравшие на твоих семи листьях, как на ху(ПИСК)ёвой волынке («спасите Грейс», кто не видел), скоро уйдут под воду, и сгинет Стоун Хендж – то самое место, откуда я порой выдавал свои молитвы, и всегда со мной была ты, а когда тебя со мной не было (скажем, ты застряла на таможне), я всегда возвращался за тобой, рискуя Волей и Покоем.

Моя история – это история войны с собой, ибо сейчас на ринг выйдет моя тень – моя несметная тень, и Посейдон ударит в гонг.

Дело не в том, когда в этом заканчивающемся вот уже целую вечность бою, ты всё-таки убьёшь меня, моя любовь.

Просто моя тень выигрывает по очкам: ведь это – вылитый я, только на мне красные трусы, а на нём (ведь это я) – чёрные, так сказать, траурные.

В этом ринге ограничений нет, кроме тех, которые с самого начала означил себе сам: поскольку раундов пятнадцать, то надо успеть отиметь эту кочевую жизнь по всем статьям, и всегда есть надежда, что твой поединок известен только Создателю, ибо я – АНГЕЛ, раз прозвался НИКТО, и путь мой расписан – суждено захлебнуться,

значит, – так тому и быть, но сейчас пора сделать поклон – второй в самом конце, если будет, чем кланяться.

Самое главное открытие, которое произвела на свет ты, моя любовь, моя марихуана - моя тень уйдёт от меня, когда я всё-таки улягусь, словившись от внезапного прямого в брюхо, то это будет лишь технический нокаут, а с техникой у меня всё нормально. Итак, раунд первый...»

Кат.№2, стр.208.

"Вечерний паук надежда", 1940, Холст, масло; 40,5 x 50,8 см, Благотворительный фонд Морзе, экспонируется в музее Сальтвадра Дали, Сент-Питерсберг, Флорида, США. *

«Мы возвращаемся к этому шедевру Дали с сопутствующими звуками – эта музыка заставляет его ползти только вверх, а огненного коня выскакивать из гаубичного жерла, в окружении раскалённых картечин...» - сказал как-то Одиссей, до посеидонова плена, - вспомнили мы, и вернулись к письму, что доставил Сам:

Первый раунд называется «ТРУБА», и пусть раунд этот впредь так и называется: «ТРУБА» - ибо это вполне конкретный предмет, может, он и сейчас где-нибудь торчит, возможно, он пронзает землю – из океана в океан, мы нырнём в неё, и вынырнем другими.

И любое зрелище так или иначе в конце этой трубы 324мм, в бурении называемая «кондуктор» чревато зазеркальем, ну так ты ж, б(ПИСК)ля, не Алиса, а гораздо хуже – ты прозрачен и невидим для этого мира ровно до тех пор, пока интересуешься им с высоты своего полёта, а он – по своему высок, ибо счастье всегда рядом – впрочем, как и несчастье тоже.

Вот тебе и раунд первый – здесь было всё, ибо это было началом шоу под названием ГОН.

Раунд второй.

Это – чистая истина. Постоянный риск от встречи с тобой. Моя любовь. Это даёт ровно ту дозу адреналина, что бы либо стать прозрачным, либо засветиться окончательно, нужен постоянный риск – оправданный это кураж над судьбой или не очень – не нам решить – Боги распорядились

по своему (это я реплика тени, потому что перед этим какой никакой перерыв, но была, между прочим, и охота), которая всегда – пуще неволи...

А много лет спустя понял, что дело не в том, какая ты на самом деле – всё дело во мне и шествуешь ты по старым караванным путям – все новые пути не для тебя, потому что никому до сих пор неизвестен этот промежуток – корабли пустыни, бредут, загребая песок от воды к воде, вдоль магнитных полей той планеты, где произрастаешь ты, моя любовь.

Потом труба – подзорная, направленная вертикально вверх, – это мой телескоп, я с теми, кто сейчас наблюдает за Вселенной, и жду встречи с всевидящим Оком, моя команда сечёт за подлетающими блюдцами, и нередко с тем, чтоб доложить о ней средствам ПВО, у меня ж здесь – ежели война, то междоусобная, ибо главное в моей Вселенной – это мир и покой, который, судя по последним словам того, кто пленил меня: воля и есть.

«Человек в гармонии только с самими собой, любовь моя, - сказал мне Посейдон, одинокий утопленник, такой же, как и я. - Только с самим собой».

- Он вспоминает о нас, - говорили мы, когда нас уносило всё дальше и дальше от того места в океане, где не было ни широты, ни долготы, и мы едва не сказали этому растравливающему душу пергаменту пушкинское: «Гори, письмо любви...»

Но не сказали: этого не захотел Посейдон, который, как следовало из письма, полюбил Одиссея (*).

Мы переглянулись, и решили (ибо знали*): любовь зла.

25

1. Иллюстрация: Кат.1., карт. 331, "Imperial Monument to the Child-Woman", 1929 г. *

Кат. 2., стр. 93,

"Имперский монумент женщине-ребенку, Гала (утопическая фантазия), Холст, масло; 140 x 80 см. Национальный музей - центр искусств королевы Софии, Мадрид.

«Метр сочинял: "Гала-Галюшка, уже в это время обожествленная, встает и возносится несокрушимой скалой, чтобы защитить Сальвадора от неуверенности, от пустоты, от одиночества, от детских страхов...», - говорил Одиссей (*) до посеидонова плена 1 *

Мы вспомнили: практически то же самое требовал Вождь, имеющий в отцах трёх русских Героев, от жертвенной самки - некая индульгенция за единственный, всеобщий грех собственного выхода "в свет" *. (Когда Бог спускается на землю, это всегда чревато новыми катаклизмами, а без войн такое не случается).

Мы стали читать дальше:

Всё просто. Моя труба – цилиндр. Как цилиндрические стволы старинной двустволки, и вот она – охота, то есть то место, куда меня выносишь ты, моя любовь – это синий лес моей нескончаемой охоты, где я один, заключивший себя в ореховую скорлупу, и живущий – царём целого пространства, я плыву во времени – оно выносит к самым красивым выстрелам, которые я вспоминаю чаще, о своём израненном сердце, что разбито на части (и теперь его хватит на всех...)

Моя любовь! Здесь на глубине, прямая трансляция с Юпитера, где поют киты: это дом их чистых порхающих душ и помыслов, и я ещё вернусь сюда...:

Я рву гортань в трагической песне - тебе, моя любовь, и как только глотка сядет, я остановлюсь, и закончится всеобщий штиль – Посейдон пленит меня навеки.

Моя любовь! Ты, что меня никогда не предашь и не оставишь, а если и убьешь, то не насмерть, и ежели я загнусь от того кайфа, который меня всё ж таки убьёт – то значит смерть моя такая.

А выстрелы, вот они, сходу:
я, превращённый Афиной в старца, тяну тугую тетиву, и посылаю стрелу «в угон» какому-то сраному жениху, она втыкается ему в шею, он поворачивается ко мне, и я не вижу его – он умер, и то, что осталось от этого ряженого клоуна, валится, как сорванный с облака небесный завсегдатай – бит на все сто, и ору в небеса:

- Афина, ты видишь? И пусть после этого хоть кто-нибудь скажет, что мочить этих воров – грех?! Да грех – не замочить!

Всё просто, - сказали мы.
Ни хрена себе просто.

«Вот только жаль Распятого», - пел нам Поэт.

1. иллюстрация. Кат. ¹1, стр. 456; карт. 1015:

"Galatea of the Spheres, 1952" 1. *

1. «Как видно Метр Дали тоже нередко хоть мысленно, но все же разогнал свою возлюбленную Гала на атомы, - тот же принцип лег в основу классического русского перерождения рептилии в царевну - ведь его девушка была русская, и никто в истории двадцатого века не воплотил этой зоологической идеи в жизнь - рукой, разумеется, и устами Гения, которому ей, обыкновенной русской лягушке (правда, путешественнице - одна и та же деталь премудрого славянского фольклора - всякая "женщина-миф" должна сначала побыть лягушкой), удалось запудрить мозги», - размышлял Одиссей (*), до посейдного плена. 1.*

1 а.) Иллюстрация, кат. №1; стр. 490; год 1957; карт. 1102.

" St John"

25

Кат.№2, стр. 241.

"Содомское самоудовлетворение невинной девы, 1954 г, холст, масло. Собрание "Плейбоя", Лос-Анжелес.

"Рог носорога, древнего, ископаемого носорога, - на самом деле рог легендарного единорога, символа целомудрия.

Юная дева может приклоняться к нему и забавляться с ним, - это так же морально, как и во времена куртуазной любви", - так отзывался о своем творении сам Метр, а мы продолжали читать, Посейдон послал грозу, мы собрались у мачты, и кувшины наполнялись водой:

Я – на том караванном пути обмелевшей Эмбы, где вокруг на тысячу лье – нет другой воды, но шествовали караваны, я бреду голый, с

отечественной курковкой 16 калибра, на шее, по реке плывёт змея: я думаю, что это гадюка, и наступаю ей на хвост, как вдруг змея всплывает, и раздувает капюшон: ни хрена, это кобра, она в сто раз сильнее гадюки, она легко борется с течением, и плюёт в меня, стараясь попасть в глаза – я ухожу всё глубже и глубже, а она за мной – я падаю на задницу, и в падении палю: где башка, а где рептилия, и только сейчас я вижу вспархивающего селезня – по горло в воде я успеваю выстрелить, тот валится, как сорванный с облака небесный завсегдатай – бит на все сто, и ору в небеса:

- Бл(ПИСК)ядь, ну почему ж никто не видит, не поверят же! Вот вам – очередная Аидовская шлюха, а вот – падший ангел утратил свой бредущий полёт – теперь ему дорога в самые верхние небеса, он своё отстрадал, а сейчас я сожру его, всем чертям назло!!!

Всё просто.

Ни хрена себе просто.

А вот, Аид, тьфу, Посейдон, давай, наливай! Нет, я хочу. Что б ты сам, спасибо.

Или выстрел у ухо крысиному королю, когда он взбирался по отвесной трубе в моём Люблинском сортире: перед этим меня уверяли, что такой вот чемодан с блохами и со всеми имеющимися средствами к жизни на любой планете без всякого пространства, из воздушного пистолета убить невозможно, но крысиный король покусился на ту, с которой ты мне не нужна, моя любовь, моя Марихуана: я помню, как это было: она стояла голая, а он пытался запрыгнуть в помойное ведро, которым она прикрывалась – он принял смерть героя, и ни одна падла из его серого прайда потом не сунулась.

Да хрен с ними, с выстрелами, а сколько было удачных хлопков по этим волосатым тыквам?! А, дружище Посейдон!?

- Интересно, чем они там травятся? – спросил залётный демон (их в море полно*), и тень сомнения пробежала по рядам гребущих: Одиссей на то и (*).

- А картинка-то того, - сказали мы и сели на вёсла. – Возбуждает на покорение Трои, хоть заново её отстраивай, мать её ети.

1. Нет, о грехе он в этот момент не думал, он уже давно понял, что никакого греха в этом мире нет, - есть нежелание обрести покой, каким бы он привлекательным не казался. *

25

1. "Мужи ликийские!» – запели мы единым баритоном. – «Что забываете бурную храбрость?» (Илиада, песнь 12, "Битва за стену")*

1. Великий слепой щедр и в мыслях своих - спиваемся мы, "рать беотийских мужей предводили на бой воеводы" Гомер, Илиада, "Язва, гнев".

А вот бесстрастный Арриан: “Александр тут же принес жертву Дионису и сел пировать с друзьями. (7) Некоторые сообщают (если только можно этому верить), что многие из бывших тут с ними почтенных мужей македонских были охвачены Дионисом: увенчав себя, они стали взывать к нему; воспели “эвое!” и вели себя как вакханты”.

И далее:

“Пусть этому кто хочет верит, а кто хочет нет.”

- А сего это Алькайда ни хрена не берёт на себя никакую ответственность? – вступили мы, очнувшись от раздумий. – Сегодня Югославия исчезла с карты мира, за пару дён до того – при входе в плотные слои атмосферы рванул космолёт с первым евреем на орбите. Сегодня в Лондоне вся абстрактная живопись ушла за бесценок. Задумайтесь об этом.

25

(иллюстрация).

Кат№2, стр. 170.

"Всадник, которому имя - смерть", 1935, Холст, масло, 65 X 54см., частное собрание.

"Фон - компактная группа кипарисов - восходит к Острову Мертвых" Беклина. Дали еще не раз обращается и к основному мотиву из Апокалипсиса (от., 6,8)", и т.д., и т.п. - пишет М.д.Капуа, регистратор Гения, излишне порой вдохновенный.

А вот голые факты:

в 1927-м году, в доме №7 по Перелешинскому переулку, в русском городе Старгороде, не принадлежащем к лучшим домам города, в квартире бывшей хозяйки попугая в красных подштанниках по имени Феникс, Елены Боур (к поцелуям зовущая, и т.д.*), прямо над пианино, висела репродукция с картины Беклина "Остров мертвых".

Эту репродукцию в 1945-м году в Гонолулу продавал некто В.М. Полесов, ожидая того, кому он должен был передать Феникса - "птицу, возрождающуюся из пепла" - им был капитан и кулашный боец - Никита Оттович Шмидт-Паниковский.

Как писал Прекрасный Зинберг Ильф: "... в раме фантази темно-зеленого полированного дуба, под стеклом. Один угол стекла давно вылетел, и обнаженная часть картины была так отделана мухами, что совершенно сливалась с рамой. Что творилось в этой части острова мертвых - узнать было уже невозможно".

Оказалось, что узнать возможно все - в этой части острова стоял высокий шатер - "дом, где разбивались и морды и сердца", который стоит на горе Педро Дойс Ирмаос - острове мертвых (все мы когда-нибудь умрем).*

25

Мы читали зашифрованное письмо Одиссея, и просветлялись дождевой влагой:

«...слегка охренеший от тех имиджевых несостыковок, коими одариваешь ты, моя любовь, я - мистер НИКТО, в любой момент уйду сквозь стену – я игрок другой лиги, и те, кто имеют со мной дело, порой проникаются до такой степени, что болтаешь лишнего – невозможно, в конце концов не перепутать направления, а пятого конца (света) вся равно нет (это они так думают);

иначе бы очнулись в раю, где нет безбожных кардиналов: для них котелок гораздо ниже, вон там, взгляни, моя любовь. Наклони свой тонкий стебель, и подари мне то, о чём прошу – в ответ я гарантирую

какое-нибудь гражданский подвиг, типа, набить хлебальники превосходящим силам – это на некоторое время отвлекает от суетности, ложащейся на чело не хуже терновника, в народе – проволоки колючей.

Мою игру знаем только мы с тобой, у остальных она – другая...»

Далее шёл небольшой пропуск – должно быть, чернила смыло солёной водой – толи из глаз наших, толи из моря, но последующий текст был ясен и читаем, как никакой другой:

«... тогда не был нарушен основной закон бойцов, которые рискуют выходить к восьмиугольнику и ломать там себе жизнь – за сраную штуку баксов – ты мне один раз попалась такого сорта, так сказать, «боевого», один узбек подкинул, себе на голову, он не знал, что я выхожу с ним биться, и с самого начала он понял, что всё просрёт – я видел свою мысль и силы во мне было столько, что я мог ушибить слона – б(ПИСК)ля буду, мама, так что бывает, что и восток срёт под себя, не хуже, чем запад...»

1. "Спасем Мандуччиаса", - крикнул Одиссей (*), когда заметил, что репортёр готов приземлиться, как говаривал царь мёртвых Аид, «никуда». – Куда мы без свободной прессы?

26

Глава двадцать шестая "ТРАМПЛИН В ПРЕИСПОДНЮЮ".

- А хрен бы мы знали Великую Истину Александра Сергеича, если б не “ящик”, - сказал тогда Одиссей (*).

- ?

- «И случай, Бог изобретатель», - мы включили трансляцию.

Там было, разумеется, MTV, и попали мы на “МОВУ”, - наш герой Маленький Принц улетал вместе с прирученным лисом со своей любимой планеты, и было в это законное движение.

- Пора лиять, - сказал Одиссей (*), переместившись в экран. - Наши ангелы велят нам сменить эту паскудную сушу, где нас скоро будут вылавливать по одиночке, на ту воду, над которой носится Святой Дух.

Тут мы сообразили, что (*) идёт в записи, а сам он – в плену, и захотелось нам продолжить чтение последнего письма его, того, что выставил нам в изумрудном сосуде чертяка Посейдон.

Чистая вода у тебя тут, Посейдон! И я пою тебе, играя на гусях, сплавляясь по этой дикой реке – на глубине, доселе неизвестной: Экклезиаст, Экклезиаст! Как ты не прав! И под водой бывают реки!!

«Благодать, или благословение, ниспошли на подручных своих», пел Владимир Семенович, всю жизнь писавший про тебя роман, моя любовь, моя Марихуана, правда назвал он его: про девочек, просто забыл переименовать на «Про тебя».

Моя любовь.

Ибо дураков ты делаешь глупее, а тех, кому подвластны миры и пространства – умирают от тебя...Моя любовь.

В мониторе запела и задвигалась Валери Эттен (Valerie Ettene)

- Мощная бабенка, если она, конечно, не трансвистит, - заметили мы. - И жопой вертит нищтяк. Ее можно было в задничный хит-парад, если, опять же (здесь повторились*), это не мужик с всей этой гавенной ампутацией.

Наши ангелы ГОНят нас дальше, если сожгли в этом адском пламени наши сердца, и всё что мы так любили, - было дальше в письме, а мы глядели на гром и молнии, низвергающиеся с черных небес. - Они сожгли нашу ОХОТУ.

Так что если мы им не внемлем, то они сожгут и нас. Хотите сгореть?

Всем больше нравилось пожить, если, конечно, представиться ТОТ случай, что был, по Александру Сергеичу - Бог Изобретатель”, а по нам - неподписанным божьим законом.

- ПоГНАЛИ, походим под парусами, и погадаем на старике Гомере, - взбодрились мы, взглянули на небо, и увидели, что демона подбила

наша стрела, выпущенная давным-давно, и успевшая обогнуть белый свет: он, словно ворона с оторванным крылом, или очередью отрубленный пропеллер, крутился, заваливаясь вниз - куда-то в те болота, которые мы даже верхами не могли преодолеть.

- Должно быть, это был купидон, и он не промазал, - перемигнувшись, решили мы, и стены плена, арендованного у местного демона за хрен с маслом, начинали падать.

Но и это были воспоминания – далёкие, как сон, ибо ныне Нас несло по воле ветров без Одиссея (*) – Посейдон его похитил.

Из-под воды послышалось пение Марии Каллас, и, вслед за пузырями по синей воде – голос (*):

- Слышь, Посейдон! Как двигается мужик!
- Да это – не мужик, это – баба.
- Да нет, дирижёр! С красным плащом на плече.
- Да это ж язык. Давно уже дирижирует, а водичка – солёная. Солёная водичка!!!

Из письма Одиссея (*):

Посейдон сделался пьян, и стал двигаться в такт той музыке, что я ему назначил: у меня она вышибает чистую слезу, а он рождает шторм – это вам, пацаны, чтоб не расслаблялись, ибо и мой плен, и песни, и танцы его – предписаны, и срок нашего путешествия изменить нельзя, и я вспоминаю, вас, друзья мои, в соответствии с европейской формулой стерилизации (чистый интеллект), однако с чисто российским опытом жизни в деревне, хоть она и трижды чего-то там столица.

Проходит ровно столько времени, чтобы вспомнить мой последний отсюда побег: я всплывал ровно столько, чтоб разглядеть в этой тьме собственный столб, и вот удар, я сижу, и думаю: не проколотился бы я по молодости в этих любимых и ненавистных единоборствах, хрен бы я восстановил дыхание после такого удара, после которого рёбрышки пощелкались, как перепревшие семечки.

Трамплин – в преисподнюю! – ору. Но чувствую – живой. Значит, не сейчас, любовь моя, и я молю того, к кому каждый пытается прорваться – на единственную исповедь: не сейчас, Господи!

Чем они там занимаются, в своём кино: сплошное враньё, а мою гольную правду послушать, так никто не поверит. А посему молчу:

верит только тот, кто лично видел, распили себя бензопилой, а потом воскресни: попросят ещё раз показать, и то не поверят: так устроены мозги, или что там у них за вещество такое.

По отдельности – ещё туда-сюда, а вот в комплекте – ни хрена.

"...Что жизнь? Если она отрадна унынием и пустыми желаниями...."
("Маленькие трагедии", Дон Гуан - А.С. Пушкин*).

«Суть приключения дорожные, а не островные», - как ошибочно писал рукой Х.Л.Б. некий Пьер Менар, автор Дон Кихота, - заявила часть мужей ученых.

" Ни хрена не ошибочные" - возразила вторая часть, и доказала:
"Виною тому - бытие".

26

- Герои, наши обильные слезы - по вам, - сказал нам тогда Одиссей (*), мы же любовались на него - в телемониторе, он красовался там с обильной, «треххусовой» банкой какой-то красноты (хус - 3,283 литра*), - По тем, кто с улыбкой шел на крест, даже если не верил, что смерти нет.

Мы переглянулись – шторм перенесли нормально, без потерь.

Никакого скарба, кроме оружейного, с нами не было - все погибло в пожаре пламени Аида, у нас не было ничего того, чтобы могло стеснить нашу свободу (в том числе и передвижений), и если бы не Маррсик, - обладание тем, кого нет, всегда обязывало, а то можно было взмахнуть крыльями, и полететь через стратосферу.

Была ночь, мы присели на крышу нашего старомодного «Нового Ковчега», и смотрели то на звезды, то в “ящик”, - там выступал сам (*).

Наши лица были похожи на призраки - до того ясно светил нам всем по мордам этот пророческий свет, особенно на Маррсика - в этом мире, среди всех видов графической топографии, доверять можно было

только его дымчатым усам - порой по ним пробегало электричество, “и Одиссей (*) в ящике заявлял, что, мол, работа завершена некорректно”. (ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

КАТ.№ 2.

стр. 126.

“Свечение Лапорта”, 1932,

холст, масло;

109 X 80,

частное собрание.

- Картина задумана как дань итальянскому физику Джамбаттисте Делла Порты, того самого чернокнижника, что придумал “camera obscura”, и написан трактат “Magia naturalis”, - сказал возникший, наконец, ловчий Патрекей, и, подав Маррсику знак, указал на Одиссея (*): его можно было заметить, если посмотреть на маленькую фигуру справа от фрагмента нашего группового портрета, который сам Дали называл “Наш паровоз - вперед летит”.

За нами - упомянутая скала, которую как-то завоевывал Божественный Александр.

Наши взгляды, как видно из Шедевра, устремлены в будущее, а будущее наше – всегда под парусами. Мы были матросы на том корабле.

1996 - 2008